

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Михайломъ Катеновскимъ.

ЧАСТЬ XXX.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи,

1806 года.

*Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, утреж-
деннаго для Округа Императорскаго Москов-
скаго Университета.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

О К Т Я Б Р Ъ, 1806.

№ 21.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

І.

Пашкуль передъ судомъ потомства.

Подъ симъ названіемъ издана въ свѣтъ книга, написанная ученымъ Лифляндскимъ Пасторомъ Г - мъ Бергманомъ, известнымъ Авторомъ многихъ другихъ Историческихъ сочиненій.

Планъ соотвѣтствуетъ наименованію. Г. Бергманъ не беретъ оправдывать несчастнаго Пашкуля; онъ только разсмаприваетъ дѣло его, и объясняетъ оное съ безпристрастіемъ, достойнымъ того судилища, для котораго пишетъ. Вооружась доказательствами, дозволяетъ себѣ опровергать Вольперовы мнѣнія, но всегда соблюдая должное уваженіе къ сему знаменишному Писателю.

Всѣмъ извѣстно, что Пашкуль былъ Дворянинъ Лифляндскій, родившійся подданнымъ Короля Шведскаго, и что претерпѣлъ жестокую казнь, будто бы за измѣну прошивъ своего законнаго Государя. Не многія слова о Пашкулѣ, написанныя Вольшеромъ въ *Исторіи Карла XII*, дающъ весьма недостаточное понятіе о семъ необыкновенномъ человѣкѣ.

Иоганъ Рейнгольдъ Пашкуль родился около 1660 года въ тюрьмѣ, въ которой заключенъ былъ отецъ его, подозрѣваемый въ измѣнѣ. Первыя впечатлѣнія, которыя получаемъ во младенчествѣ, много дѣйствуютъ на образованіе нашего характера. Можетъ быть Пашкуль, находясь въ Государственной тюрьмѣ, видя передъ собою огорченнаго родителя, снѣжалъ безпокойной, неуступчивой нравъ, коюрой въ послѣдствіи времени былъ причиною его несчастія. Пашкуль получилъ воспитаніе, соотвѣтственнае породѣ его и достатку. Обозрѣвъ нѣкоторые Дворы Европейскіе, онъ обогатилъ разумъ свой отличными свѣденіями.

По возвращеніи въ отечество, Пашкуль вступилъ въ военную службу. Пылкой характеръ его скоро нашелъ для себя работу. Лифляндцамъ даны были отъ Королей Шведскихъ помѣстья, въ награду за оказанныя

услуги. Карлъ XI вздумалъ, для приумноженія своихъ доходовъ, укрѣпить за короною частныя помѣстья, находившіяся въ разныхъ областяхъ. Сначала поступлено было осторожно съ Лифляндскими Дворянами; но скоро дѣйствіе плана сего распространилось и на Лифляндію. Послѣдовалъ общій ропсъ въ Провинціи. Дворяне послали Депутатовъ къ Губернатору для защищенія правъ законныхъ. Пашкуль, будучи еще молодъ, показалъ опыты своихъ дарованій; онъ находился въ числѣ Депутатовъ. Получивъ отъ Губернатора отказъ, Дворяне обратились къ самому Карлу XI. Пашкуль допущенъ былъ къ Королю; но прошивная сторона одержала верхъ — и молодой нашъ Депутатъ съ разтерзаннымъ сердцемъ возвратился въ Ригу. Лифляндскіе Чины въ другой разъ выбрали его своимъ органомъ. П а ш к у л ь отъ имени соопечественниковъ написалъ прозьбу къ Государю, въ которой живо изобразилъ бѣдственное состояніе Провинціи. Къ общимъ жалобамъ присоединились частныя неудовольствія. Гастферъ, Лифляндскій Дворянинъ, чрезвычайною своею жестокостію снискавшій благосклонность Карла XI, получилъ мѣсто Лифляндскаго Губернатора. При безчеловѣчномъ нравѣ и столь важной должности, Гастферъ былъ весьма страшнымъ соперникомъ недовольныхъ земляковъ своихъ, но еще страшнѣе для Пашкуля. Нѣкоторое

сходство дарованій и нравовъ сперва сдѣла-
ло ихъ пріятелями; но любовь поссорила
ихъ на вѣки. Отважный Пашкуль похищилъ
у него любовницу. Оскорбленная гордость ни-
кому не прощаетъ подобной вины, а особли-
во подчиненному. Гаспферъ жестоко от-
мстилъ Пашкулю. Несогласіе между Лиф-
ляндскими Чинами и Дворомъ Шведскимъ до-
шло до того, что наконецъ велѣно первымъ
передать Уголовному Суду за непозиносеніе.
Наряжена была военная Коммиссія, въ кото-
рой самъ Гаспферъ занималъ мѣсто Прези-
дента. Пашкуль предвидѣлъ, какая участь
ему готовилась — и скрылся. Почитая себя
въ безопасности, написалъ къ Королю прозь-
бу, и старался оправдать свое бѣгство;
убѣдительно жаловался на Гаспфера и про-
силъ охранной грамоты для возвраще-
нія въ Лифляндію, чтобы продать свое
имѣніе.

Между тѣмъ недовольное Дворянство
успокоилось. Страхъ, признаки раскаянія за-
ступили мѣсто дерзости. Всѣ Чины потре-
бованы были въ Спокгольмъ. Пашкуль от-
правился съ ними, и обратилъ на одного
себя почти весь гнѣвъ. Его обвиняли въ томъ,
что писалъ прозьбу для Дворянъ Лифлянд-
скихъ, и что посѣялъ мятежь въ Провинціи.
Пашкуль защищался съ твердостію, но и
съ жаромъ, свойственнымъ его характеру.

Скоро потомъ онъ узналъ, что въ Лифляндїи самовольно распоряжались его имѣніемъ, и что дѣлали разныя приписанія людямъ, копорые были ему преданы. Пашкуль опять скрылся, оставивъ у себя на квартирѣ одно письмо оправдательное, другое къ Королю о помилованїи.

Тотчасъ послѣ его бѣгства подписанъ приговоръ, по силѣ котораго Пашкуль подвергался лишенію правой руки, чеспи, имѣнія и жизни. Во всѣхъ Шведскихъ владѣніяхъ объявлено о поимкѣ бѣглаго.

Пашкуль взялъ съ собою всѣ бумаги, копорыя, какъ онъ думалъ, могли служить къ его оправданію. Онъ показывалъ сіи бумаги въ двухъ Нѣмецкихъ Университетахъ ученымъ законоискусникамъ, копорые дали ему полное разрѣшеніе; но истинные судьи его были неумолимы. Спустя пять лѣтъ, онъ предложилъ сей приговоръ суду всей Европы, напечаталъ акты судебныя, и не забылъ присоединить мнѣнія двухъ Нѣмецкихъ Университетовъ.

Въ продолженіе сего времени Пашкуль жилъ попеременно въ Торунѣ, въ Берлинѣ, въ Швейцарїи, а болѣе въ Лозаннѣ, гдѣ для безопасности назывался *Фишерлингомъ*. Въ Лозаннѣ свелъ тѣсную дружбу съ моло-

дымъ Барономъ Фѳорсшнеромъ , и на досугѣ обучалъ его Полишикѣ , которая была уже , и впредь долженствовала бытъ для него пагубною. Любовь , въ которой онъ былъ столько же счастливъ , какъ и въ Полишикѣ , также занимала его въ праздное время ; но всѣ надежды его ошались тщешными. Молодой ученикъ , опѣвѣзжая въ Швецію , обѣщался развѣдать о намѣреніяхъ Короля Карла XI вразсужденіи Паткуля. Фѳорсшнеръ въ самомъ дѣлѣ нашелъ случай , и увѣдомилъ своего друга , что Монархъ давно уже почищаетъ его умершимъ.

Паткуль , обѣвѣздивши Францію и Италію , услышалъ , что непримиримаго Гаспфера уже нѣтъ на свѣтѣ. Сіе извѣстіе подало ему поводъ присупить къ новымъ покушеніямъ. Но Карлъ XII , кромѣ гнѣва , доставшагося ему въ наслѣдство отъ родителя , имѣлъ еще свои собственныя неудовольствія противъ Паткуля. Дворы Берлинской и Вѣнской ходатайствовали о прощеніи — но безъ успѣха.

Паткуль , оставшись безъ денегъ , потерявши всю надежду , опредѣлился въ службу Августа , Короля Польскаго , въ то самое время , когда сей Государь вмѣстѣ съ Царемъ Россійскимъ и Королемъ Данскимъ вооружался противъ Карла XII. Враги Паткуля ,

пользуясь случаемъ , потчасъ возложили на него всю вину еъ мнимомъ подущеніи къ войнѣ , или покрайней мѣрѣ въ подущеніи Польскаго Короля принять участіе въ оной. Но развѣ Августъ безъ посторонняго внушенія не могъ рѣшиться завоевать Лифляндію , имѣя къ тому многія причины , и зная , что жители сей Провинціи были недовольны Шведскимъ Правительствомъ ? Напротивъ того кажется , что Пашкуль сначала хотѣлъ отвратить Августа отъ сего намѣренія ; однакожь и то не менѣе правдоподобно , что Пашкуль , зная тамошнія мѣстоположенія , показалъ Королю средства , исполнить предпріятіе съ желаемымъ успѣхомъ.

Когда положено было начать войну , Пашкуль съ однимъ Польскимъ Генераломъ отправленъ былъ въ Москву , чтобы согласиться съ Россійскимъ Монархомъ о планѣ военныхъ дѣйствій. Въ то время находилось въ Москвѣ Шведское Посольство , которое употребляло всевозможнѣйшія старанія предотвращать разрывъ , и копорому Пашкуль , безъ сомнѣнія , казался страшнымъ , какъ человекъ раздраженный противъ своего отечества , и находящійся въ службѣ Державы , намѣревающейся начать военныя дѣйствія.

Скоро потомъ Саксонцы вошли еъ Лифляндію. Пашкуль , пользуясь обстоятельствомъ

ми, приѣхалъ въ свое отечество, чтобы тамъ дѣйствовать для собственннхъ выгодъ, и между тѣмъ составилъ партію изъ людей, преданныхъ Королю Польскому. Неукротимая ярость закипѣла въ сердцѣ Карла XII. Мало нужды въ томъ, дѣйствительно ли Пашкуль, кромѣ полишической должности, въ которой до тѣхъ поръ состояла служба его, исправлялъ и военную, — начальствовалъ ли надъ войсками Саксонскими въ сію первую кампанію, или нѣтъ; но то достоверно, что онъ принималъ весьма дѣятельное участіе при началѣ сей войны между Поляками и Шведами. Скоро увидимъ, что Пашкуль явился въ Лифляндіи въ званіи Генерала.

Въ это время (1701) Пашкуль издалъ свое *оправданіе*, въ предисловіи котораго объявилъ, что не злоба, но необходимость принудила его вступить въ службу Короля Августа. Такимъ образомъ Пашкуль самъ признался въ винѣ своей, желая въ ней оправдаться. Но бумага его принята въ Швеціи съ негодованіемъ. Карлъ XII приказалъ сжечь ее безчестнымъ образомъ. Враги Пашкуля издали сочиненіе, въ которомъ онъ названъ *безстыднымъ, подлецомъ, измѣнникомъ*. Пашкуль, по врожденной пылкости своей, на ругательства отвѣчалъ ругательствами. Перешедши около сего времени въ слу-

жбу Россійскую, потому что слабый Августъ не могъ защитить его отъ злобы своего Свѣта Государственнаго, онъ исходатайствовалъ у ПЕТРА Великаго повелѣніе сжечь на площади бумагу, написанную его непріятелями. Сверхъ того Пашкуль не убоился напечатать, что Лифляндскіе Чины *имѣютъ право свергнуть въ себя Шведское иго*, и что Король Польскій *нагналъ войну по законнымъ причинамъ*. Несчастный, находясь подъ покровительствомъ двухъ Монарховъ, думалъ, что для него не страшны ни злоба непріятелей, ни мщеніе грознаго Карла XII! Онъ легко могъ обмануться въ своемъ упованіи; и кто на его мѣстѣ не почелъ бы себя въ совершенной безопасности? Пашкуль сдѣлался необходимо нужнымъ для обоихъ главныхъ Союзниковъ. ПЕТРЪ послалъ его въ Дрезденъ къ Королю Польскому. Каждой изъ сихъ Монарховъ видѣлъ въ немъ ближайшаго своего поѣреннаго. Благоволеніе Россійскаго Царя къ Пашкулю было столь велико, что сей Государь въ вѣришельной грамахѣ своей обѣщался, при заключеніи мира со Швецію, внести въ пракшанъ особую статью о прощеніи.

Пашкуль нашелъ въ Королѣ Августѣ такую же къ себѣ довѣренность, какою пользовался прежде. Скоро попомъ сей Государь долженъ былъ возвратиться въ Польшу.

Пагубная дѣятельность Пашкуля не могла обойтись безъ пищи. Въ отсутствіе Августа, онъ, пользуясь досужнымъ временемъ, ѣздилъ въ Берлинъ склоняяшъ тамошній Дворъ къ войнѣ — противъ кого? все противъ Короля Шведскаго. Не получивъ успѣха, Пашкуль отправился къ Августу, котораго нашелъ въ Сендомирѣ.

Въ сіе время дружба между Царемъ Россійскимъ и Королемъ Польскимъ сдѣлалась еще тѣснѣе. Они согласились воевать соединенными силами; ПЕТРЪ обѣщался выставить 24 тысячи войска. Здѣсь Пашкуль являешся въ другомъ характерѣ, и вооружаешъ противъ себя новыхъ непріятелей. Онъ принимаетъ начальство надъ вспомогательнымъ войскомъ Россійскимъ. Спанислава избираютъ въ Короли. Пашкуль присшупаетъ къ Варшавѣ, которая предаешся въ волю побѣдителей. Новый Король и Кардиналь-Примасъ удаляющся. Между тѣмъ Карлъ XII приблизился; Союзники спустили къ берегамъ Одера. Неудачныя дѣйствія подали поводъ къ нессогласію между начальниками войскъ союзныхъ. Герцъ, предводитель Россійскаго корпуса, обвинялъ Пашкуля въ корыстолюбіи, въ незнаніи своего дѣла, и даже въ измѣнѣ. Справедливы ли сіи упреки, или нѣтъ — дѣло въ томъ, что Пашкуль навлекъ на

себя негодованіе Русскихъ, Поляковъ и Саксонцовъ. Однакожь Августъ все еще любилъ его; чтобы отвратить отъ Пашкуля опасности, чтобы дать ему случай дѣйствовать съ большимъ успѣхомъ, онъ послалъ его въ Берлинъ. Уже въ третій разъ Пашкуль явился въ Берлинъ въ качествѣ негоціанта. Съ нимъ случилось въ семъ городѣ приключеніе, впрочемъ маловажное, но которое сильно испугало его. Одинъ сипенной человекъ, посмотрѣвъ на руку Пашкуля, нашелъ знакъ, предвѣщавшій насильственную смѣрть. Мечты свойственны головѣ пылкой, и Пашкуль легко могъ вѣрить Хироманшїи; однакожь въ то время, не прибѣгая къ волшебству, не трудно было предсказать, какая участь ему готовилась.

Повидимому, Пашкуль, возвратясь изъ Берлина, рѣшился отказаться отъ безпокойной дѣятельности. Онъ прилѣжно занялся науками; продолжалъ вести переписку съ Царемъ, котораго увѣдомлялъ о невыгодномъ состояніи Россійскихъ войскъ, находившихся въ Польшѣ. „Скажите Саксонскимъ Министрамъ — написалъ Царь къ Пашкулю, съ обыкновенною своею откровенностію — скажите ч то б ъ они лучше содержали моихъ Русскихъ; въ прошеномъ случаѣ, я вызову ихъ обратно въ опечество.“ Не смотря на то, Дворъ

Дрезденскій не думалъ заботиться о состояніи вспомогательныхъ войскъ, и Россіяне все перпѣли нужду. Тогда Пашкуль, по дозволенію самаго Царя, предложилъ Австрійскому Послу о принятіи войска въ Императорскую службу. Этотъ поступокъ, самъ по себѣ невинной — если дѣйствительно дано отъ Царя дозволеніе — былъ одною изъ непосредственныхъ причинъ взятія подъ спражу Пашкуля, и слѣдственно былъ причиною его смерти; по крайней мѣрѣ враги его воспользовались симъ предлогомъ. Другіе Писатели — каковъ на примѣръ Вольтеръ, котораго свидѣтельство безъ сомнѣнія очень важно въ Исторіи Карла XII, пошому что онъ имѣлъ личныя сношенія съ Королемъ Станиславомъ — другіе, говорю, Писатели ушверждаютъ, что Августъ почиталъ Пашкуля измѣнникомъ, кошорой ко вреду его старался о примиреніи Царя съ Королемъ Шведскимъ, и что Августъ далъ позволеніе взять подъ спражу сего челоуѣка, шоль много любимаго, оказавшаго ему важныя услуги. Но можно ли повѣрить, чтобъ непримиримый Карлъ XII захопѣлъ имѣть посредникомъ своимъ Пашкуля, котораго почиталъ ненавистнымъ мятежникомъ? вѣроятно ли — какъ ушверждаетъ Нордбергъ — будто Царь, подозрѣвая Пашкуля въ измѣнѣ, былъ главнымъ виновникомъ его не-

счастія? Если это справедливо, то для чего бы ПЕТРУ I, Монарху пылкому и опкровенному, за него вступаться? Не станемъ же искашь другихъ причинъ взятія Пашкуля подъ стражу, кромѣ ненависти Саксонскихъ Министровъ, возбужденной чрезвычайною гордостію сего человека, и кромѣ оклеветаній, которыми удалось имъ очернить его передъ своимъ Государемъ. Августъ имѣлъ пороки, неразлучные со слабостію; онъ, по малодушію своему, способенъ былъ оспазнить любимца, даже гнать того самого человека, котораго недавно удостоивалъ своею довѣренностію. Впрочемъ извѣстно, что Пашкуль раздражилъ самолюбіе сего Государя, и самъ своспѣшествовалъ злоухищреніямъ непріятелей. Канцлеру Саксонскаго Двора не великаго труда спойло испросить дозволеніе о взятіи Пашкуля подъ стражу. Несчастный предчувствовалъ, какой жребій готовится ему отъ Августа. „Онъ разсердился на меня — говорилъ Пашкуль за нѣсколько мѣсяцовъ до послѣдняго приключенія — разсердился за то, что я по усердію своему дерзнулъ упрекать его; онъ поклялся отмстить мнѣ, — и сдержитъ сію кляшбу вѣрнѣе, нежели всѣ прочія.“

Когда Августъ находился въ Гродно, гдѣ имѣлъ свиданіе съ Царемъ Россійскимъ, Пашкуль арестованъ въ Дрезденѣ, ночью 8 Декабря 1704 года, лежа на постелѣ. Ему

едва дали время одѣться; поспѣшно отпра-
вили его въ крѣпость Зенненштейнъ, заклю-
чили подъ крѣпкимъ присмотромъ, запеча-
тали бумаги, не дозволили имѣть при себѣ
служителей, и пресѣкли всѣ средства увѣ-
домить Царя о бѣдственномъ приключеніи.

Паткуль не былъ оставленъ всѣми,
какъ обыкновенно случается при несчастіи.
Австрійскій и Датскій Посланники подали
голоса въ его пользу, и не получивъ удовле-
творенія, выѣхали изъ Дрездена. Князь
Голицынъ отъ имени Царя засвидѣтель-
ствовалъ о поступкѣ Министровъ Поль-
скихъ, *которые осмѣлились Царскаго Посла
вытащить изъ дому ночью, и залереть въ
тюрьму, какъ вора.*

Августъ старался оправдать сей на-
сильственной поступокъ — даже предъ
Царемъ. — Скоро потомъ онъ принужденъ
былъ уступить могуществу Карла XII —
и просить мира. Прозьба его исполнена;
но на какихъ условіяхъ? Августъ обѣщал-
ся сложить съ себя Польскую корону, и
*выдать Паткуля въ руки разъяреннаго по-
бѣдителя.*

Между тѣмъ Паткуля перевезли въ за-
мокъ Кенигштейнъ. Отсюда уже выдали
его отряду Шведскихъ войскъ 28 Мар-

ша, 1707 года. Тщешно ПЕТРЪ Великій напоминалъ о правахъ народовъ, объ оскорбленіи Своей Особы. Августъ лучше захотѣлъ подвергнуться Его гнѣву, нежели опять начинатьъ войну съ такимъ ужаснымъ непріятелемъ, каковъ Карлъ XII. Нѣкоторые Историки, и въ томъ числѣ Вольтеръ, утверждаютъ, что Августъ приказалъ Комменданшу Кенигштейна освободить Паткуля до прибытія Шведскаго отряда, и что Паткуль сдѣлался жертвою своей скупости, отказавши Комменданшу въ денежной суммѣ, требовавшей въ награду за освобожденіе. Однакожь вѣроятнѣе, что сей анекдотъ выдуманъ его непріятелями, которые сею хитростію надѣялись защитить Августа. Писатели разногласятъ вразсужденіи мѣста, куда именно несчастный Паткуль сперва отвезенъ былъ Шведскимъ отрядомъ. Довольно знать, что его отправили въ Польшу, въ закрытой повозкѣ, въ которой сдѣлано было нѣсколько скважинъ, чтобы заключенной не задохся. Много дней прошло послѣ прибытія Паткуля въ сіе неизвѣстное мѣсто до совершенія казни. Вѣроятно, сіе время было употреблено на отправленіе судебного порядка, которой производился въ военной Коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ Генерала Ренцильда. Карлъ XII, въ неукротимой ярости своей, не забылъ приказать, чтобы Паткуля осудили

по формѣ. За два дня до роковой минутой; несчастнаго перевезли въ Казимирѣ, Польскую деревню, находящуюся недалеко отъ Познаня. Гагену — Священнику Шведскаго полку, которой охранялъ Пашкуля — велѣно приготовить его къ смерти. — „Я пришелъ — сказалъ Пашпорѣ — истинами Священнаго Писанія утѣшишь огорченное сердце.“ — Благодарю васъ. Что вы мнѣ скажете? — „Я хочу поговорить съ вами наединѣ.“ — Караульной Офицерѣ вышелъ. Пашкуль пожалъ руку Священника, и убѣждающимъ голосомъ просилъ его изъясниться. — „Я пришелъ къ вамъ съ извѣспіемъ, подобнымъ тому, которое Царь Езекия услышалъ изъ устъ Пророка: *угреди домашнія дѣла свои; ты завтра умрешь, завтра не узришь свѣта!*“ — Пашкуль бросился на постелю и заплакалъ. . . . Потомъ укрѣпившись бодростію, говорилъ о причинахъ своего несчастія, *объ отнятіи полѣстьевъ, о Гастферѣ.* „О Швеція! — вскричалъ на послѣдокъ Пашкуль съ живостію: радовался ли я, когда оставлялъ тебя? гдѣ надлежало мнѣ искать убѣжища? я не могъ укрываться подъ землею; моя религія не позволяла мнѣ вступитъ въ монашеское званіе. Оснавалось искать безопасности при союзныхъ Государяхъ. Мнѣ говорятъ: ты принялъ сторону враговъ отечества, — ты виновникъ кровопролитной войны. Какое заключеніе! Я

не былъ ихъ совѣтникомъ, но пришелъ къ нимъ какъ бѣдной изгнанникъ. Меня не почитали способнымъ подавать совѣты, — я и не подавалъ ихъ. Еще до прибытія моего въ Саксонію уже все было приготовлено, условія съ Данією заключены, трактатъ съ Россією подписанъ.“ — Священникъ замѣтилъ, что не надобно уже заниматься мірскими дѣлами. — „Дайте мнѣ время забыть ихъ; потомъ не скажу ни одного слова.“ Тутъ онъ вспомнилъ о важныхъ услугахъ, оказанныхъ Прусскому Королю и Нѣмецкому Императору, въ той надеждѣ, что они неходятайшвуютъ ему прощеніе у Карла XII. Потомъ изъяснивъ негодованіе свое прошивъ Августа, просился на нѣсколько часовъ со Священникомъ. Гагенъ, по возвращеніи своемъ, нашелъ Папкуля гораздо спокойнѣе. — „Пожалуйте, Г. Пасторъ. Вы теперь мой Ангелъ - Хранитель. Сердце мое освободилось отъ несносной тяжести. Чувствую въ себѣ великую переменъ. Я умру охотно. Лучше умереть, нежели долго мучиться въ заключеніи. Но какая смерть мнѣ назначена?“ — Это тайна, извѣстная одному только Полковнику. Кажется, хотятъ кончить дѣло скрытымъ образомъ. — „Ахъ! это милость! Читалиль вы приговоръ? Развѣ хотятъ умершвить меня безъ допроса, и безъ суда?“ — Приговоръ о васъ долженъ бытъ здѣсь; но онъ запечатанъ; его велѣно

открышь на мѣстѣ казни. — Послѣ того Пашкуль вспомнилъ нѣсколько изреченій изъ Библии, приличныхъ своему положенію, и кромѣ другихъ произнесъ слѣдующія: „По пути скорби достигнемъ царствія небеснаго... Что значатъ бѣдшвія земныя въ сравненіи съ великими истинами, которыя откроются предъ нами?“

Священникъ напомнилъ ему о завѣщаніи. Пашкуль диктовалъ для первой спашьи: „Поручаю Королю Августу заплашить моимъ родственникамъ 50,000 рейхсталеровъ.“ Потомъ завелъ рѣчь о дѣлахъ постороннихъ. „Ахъ! — сказалъ онъ наконецъ: у меня остаются друзья, которые оплачутъ смерть мою! Что скажетъ старая Курфирстина? что скажетъ моя нареченная невѣста? Бога ради увѣдомьте ее о моей смерти, и о томъ, что она была предметомъ послѣднихъ моихъ желаній!“ Онъ просилъ Священника принять сто червонцовъ и Греческую Библию. „Сія книга — сказалъ Пашкуль — была вѣрнымъ моимъ товарищемъ въ несчастіи. Примише и сію рукопись въ залогъ Христіанскихъ чувствованій моего сердца.“ — Послѣ благочестивыхъ разсужденій съ обѣихъ сторонъ, Пашкуль объявилъ, что хочетъ отдохнуть. „Чувства мои имѣютъ нужду въ подкрѣпленіи; надобно запасись бодростію для завтрашняго дня.“

На другой день въ четыре часа по утру Священникъ явился. Паткуль шопчасъ вспалъ, поблагодарилъ Бога, и сказалъ, что давно уже не отдыхалъ такъ спокойно. Около шести часовъ онъ сказалъ: „Приготовимся съ Божіею помощію, пока еще все тихо;“ и началъ молиться. Потомъ, обращаясь къ восходящему солнцу, произнесъ: „Привѣтствую тебя, день торжественный! ты нынѣ для меня день брачный! Я надѣялся праздновать тебя иначе; но теперь ты для меня священнѣе!“ — Услышавъ, что начали запрягать лошадей, сказалъ: „Слава Богу! поспѣшаютъ. Ахъ, когда бы скорѣе! время кажется мнѣ очень долгимъ!“ Потомъ взглянувши на бумагу, на которой Священникъ началъ писать завѣщаніе, произнесъ со вздохомъ: „кто захочетъ исполнить мою волю!“ — Покрайней мѣрѣ подпишите эту бумагу. — „Нѣтъ! я не могу написать ненавистное свое имя. Родственники узнаютъ о послѣдней волѣ моей другимъ образомъ.“ — Въ самомъ дѣлѣ у Паткуля уже было приготовлено завѣщаніе; но по немъ, какъ онъ и предвидѣлъ, не сдѣлано исполненія.

Пришелъ караульной Офицеръ. Паткуль, надѣвши плащъ, вышелъ со Священникомъ, которому далъ въ повозкѣ первое мѣсто. Оба, сопровождаемы будучи многочисленнымъ

отрядомъ конницы, поѣхали къ мѣсту казни. Лошади бѣжали изо всей силы. Дорогою, Пашкуль обнялъ Священника, и опять просилъ его засвидѣтельствовать почтеніе нареченной невѣстѣ.

Эшафотъ построенъ былъ въ кустарникѣ, близъ деревни Казимира. Пашкуль, увидѣвъ ужасной снарядъ, зашрепешалъ, прижалъ Священника къ своему сердцу, и произнесъ громко: „Ахъ, Господинъ Пасторъ! молише Бога, чтобы Онъ не допустилъ меня до отчаянія!“ Шведской Капитанъ прочиталъ опредѣленіе, по которому Пашкуль долженъ былъ колесованъ и четвершованъ. При словахъ: *предатель отечества*, несчастный пожалъ плечами, и взглянулъ на небо. Когда палачъ указалъ ему мѣсто, Пашкуль отдавая ему нѣкоторую бумагу и деньги, произнесъ: „Исполни свое дѣло.“ — Между тѣмъ какъ раздѣвали его, и привязывали къ четыремъ деревяннымъ кольямъ, Пашкуль кричалъ къ Священнику: „Просите, просите Бога, чтобы Онъ подкрѣпилъ меня въ сію минушу.“ Пасторъ, обратясь къ предстоящимъ людямъ, потребовалъ, чтобы прочли *Отче нашъ* за бѣднаго страдальца. „Молишесь, молишесь о мнѣ!“ сказалъ Пашкуль. При первомъ ударѣ несчастный вскричалъ плачевнымъ голосомъ: „Иисусе! умилосердись надомною!“ — Казнь

была самая мучительная по неопытности исполнителя.

Описание казни, сочиненное самимъ Священникомъ, кромѣ неважныхъ обстоятельствъ, ничемъ не разнится отъ Вольперова. Поощримъ чувствительныхъ чинашелей своихъ отъ ненавистныхъ подробностей, но замѣтимъ, согласно съ мнѣніемъ Г - на Бергмана, что Вольперъ пишетъ несправедливо, будто ни одна Держава не ходатайствовала за несчастнаго Папкуля, а изъ того и видно, какъ мало подданные могутъ полагаться на Королей, и какъ всѣ Короли боялись Карла XII. Напрошивъ того извѣстно, что многіе Монархи пытались смягчить гнѣвъ Короля Шведскаго. Извѣстно, что Россійскій Царь жаловался всей Европѣ на малодушіе Августа; что самъ Августъ печалился о судьбѣ прежняго своего друга, и всячески старался предотвратить казнь его.

Въ заключеніе всего, опредѣлимъ, вмѣстѣ съ Г - мъ Бергманомъ, цѣну шансамъ, поведенію и проступкамъ славнаго Папкуля, и посмотримъ, въ чемъ должно обвинять Карла XII. — Нѣтъ сомнѣнія, что Папкуль имѣлъ отличныя дарованія. Онъ заблаговременно обогатилъ умъ свой познаніями; умѣлъ проникать сокровеннѣйшія намѣренія другихъ, скрывая свои сообщенныя съ рѣдкимъ искусствомъ. Чрезвычайное честолюбіе заставляло его уклоняться отъ пуши справедливости. Онъ

не наблюдалъ осторожности въ обхожденіи ни съ высшими, ни съ равными, ни съ прошиениками; отъ шого часто не удавалось ему достигашь своей цѣли. Его погрѣшностей не должно смѣшивать съ преступленіями, ибо благородная рѣшительность защищать права угнетенныхъ своихъ соотечественниковъ не есть преступленіе. Еслибъ онъ ни въ чемъ другомъ не былъ виновенъ, то заслуживалъ бы сожалѣніе, а Карлъ XII сдѣлался бы предметомъ ужаса и отвращенія: но Пашкуль оправдился на шакіе проступки, кошорыхъ *безпристрастное лополство* извинить не можешъ; онъ разсѣвалъ мятежъ словами, сочиненіями, поведеніемъ. Обвинимъ малодушіе Монарха, кошорой, принявъ Пашкуля какъ друга, предалъ его въ руки непріятелей; воспрепещемъ при мысли о варварской казни, кошорую безъ нужды велѣлъ совершить Карлъ XII; пожалѣемъ о Королѣ, кошорой не для пользы государственной, но для удовлетворенія жестокости своего характера почелъ необходимымъ исполнить безчеловѣчной приговоръ; будемъ жалѣть и о жертвахъ сурогости, преступленіями навлекающихъ на себя казнь; будемъ, говорю, жалѣть — но не станемъ извинять ихъ.

(Изъ иностр. Журн.)

II.

В о л р о с ы.

Почти за тридцать лѣтъ передъ симъ во Франціи вышла Поэма Китайскаго Императора *Кіенъ-Лонга*, переведенная, если не ошибаюсь, ученымъ Гинье. Императоръ говоритъ въ своей Поэмѣ о себѣ, что предпринималъ путешествіе въ Татарію къ гробницамъ предковъ, для того чтобы тамъ живѣе представитъ въ своемъ воображеніи царственныя ихъ добродѣтели; онъ болѣзнуетъ, что не могъ сдѣлать подданныхъ своихъ столько счастливыми, сколько желательного отеческому его сердцу; проситъ вѣрныхъ своихъ совѣтниковъ помочь, и проч. — Не оставилъ ли кто-нибудь изъ Европейскихъ Монарховъ подобной Поэмы?

Въ то же время славный Анкешильдю Перронъ написалъ книгу: *Восточное законодательство* (*Legislation orientale*), гдѣ опровергаются ужасныя мнѣнія, которыя мы Европейцы обыкновенно имѣемъ, или имѣли объ Азіяшскомъ деспотизмѣ. По новѣйшимъ извѣстіямъ, жители Азіи тоже думаютъ объ Европѣ. Не правда ли, что очень хорошо было бы, когдабъ какой-нибудь ученой Французъ теперь написалъ объ *Европейскомъ законодательствѣ*, для удостоверенія Азіяшцевъ, что въ Европѣ нѣтъ деспотизма?

Въ Парижѣ нѣкогда жила дѣвица Бикеронъ, которая съ чрезвычайнымъ искусствомъ умѣла слѣпливать изъ воску подобія человеческого тѣла, и знала, какъ называется полатинѣ и погречески каждой членъ тѣла. Многіе учились у нее Анатоміи. Дѣвица Бикеронъ посылала къ разнымъ Европейскимъ Дворамъ искусственные препараты, зародыши и выкидыши. — Спрашивается, точно ли дѣвица Бикеронъ была особа женскаго пола, и — если это справедливо — любила ли она кого-нибудь? была ли она столько простодушна, что кромѣ Греческихъ и Латинскихъ названій, болѣе ничего не знала? Спрашивается еще, найдется ли гдѣ-нибудь муштина, которой могъ бы рѣшиться взять за себя въ супружескую особу, единственно занимающуюся дѣланіемъ труповъ и выкидышей?

Въ прежнія времена въ Авиньонѣ можно было купить Докторское званіе за *десять* шалеровъ. Одинъ забавной Адвокатъ, получивши Докторскую шапку за сію цѣну, отсчиталъ еще десять шалеровъ, и просилъ (не шутя) сдѣлать ту же милость съ его пуделемъ. Факультетъ объявилъ, что онъ не производитъ въ одинъ день двухъ Кандидатовъ. — Такъ же ли дешево и теперь въ Авиньонѣ продается большое D? Даютъ ли тамъ еще и теперь подобные отпѣшы?

Въ 1756 году одинъ ученый Неаполитанецъ, по имени Марторелли, опорожнилъ нѣсколько чернильницъ для написанія двухъ толстыхъ томовъ о древней чернильницѣ, хранящейся въ Поршичи. — Вопросъ: Нѣмецкіе ученые имѣютъ ли право шутить надъ трудолюбіемъ неушомимаго Мартинелли?

Многимъ извѣстны Латинскіе стихи (*) Саннацара, въ шести строчкахъ, гдѣ Непшунъ удивляется великолѣпію Венеціи, и говоритъ, что Римъ построили люди, а Венеція сооружена богами. Стихотворецъ за каждую строчку получилъ изъ казны неблаженно скончавшейся Республики по *шести сотѣ* червонцовъ. — Не покажетъ ли кто-нибудь нашимъ Стихотворцамъ, гдѣ въ нынѣшнее время плащятъ за стихи такъ же хорошо, или покрайней мѣрѣ гдѣ плащятъ за *каждые шесть сотѣ* стиховъ хоть по *шести* червонцовъ?

Венеціанской монахъ Мауро за приѣзда пятьдесятъ лѣтъ передъ симъ сочинилъ каршу — которая и теперь еще хранится въ цѣлости — и прибавилъ къ ней разныя замѣчанія на шаромъ Венеціанскомъ языкѣ. Тамъ не только показанъ мыслъ Доброй Надежды, не только упомянуто, что еще въ 1426

(*) См. Вѣст. Евр. сего года Нум. 71 стр. 229.

году одинъ корабль доходилъ до него, не только сказано о компасѣ, — но даже объяснены причины морскихъ приливовъ и отливовъ, которые приписаны *притягательной силѣ солнца и луны*. — Для чего Ньютона почитаемъ мы виновникомъ изобрѣшеній, ему непринадлежащихъ? Развѣ и Ученые поступаютъ по словамъ: *и мущему дано будетъ?*

Профессоръ Москаши, основываясь на правилахъ Анастоміи, доказалъ, что человекъ по натурѣ своей *долженъ ходить на четверенькахъ*, и что всѣ почти болѣзни происходятъ отъ того, что человекъ присвоилъ себѣ право ходить на двухъ ногахъ. — Известно, что ипохондрія (уныніе, трусость) теперь свирѣпствуетъ въ націяхъ — которые уже не составляютъ націй — Не лзя ли попытаться людямъ, а особливо жишелямъ Южной Германіи, ходить на четверенькахъ? имъ же это сдѣлать не трудно, потому что они уже умѣютъ ползать на коѣняхъ — а первое, кажется, гораздо легче!

Въ пятнадцатомъ столѣтіи выписана медаль въ честь какого-то *Николая Дефлю*. Этотъ знаменитой мужъ прославился тѣмъ, что въ теченіе десяти лѣтъ — *нигто не ѣлъ*. Не уже ли сіе прекрасное искусство совсѣмъ потеряно? Если бы кто-

нибудь изъ Нѣмцовъ опять нашелъ его, и показалъ другимъ; то заслужилъ бы великую благодарность. Много употреблено трудовъ на открышїе поперяннаго искусства живописи на стеклѣ — искусство, которое теперь ни для чего не годится, кромѣ изображенія на стеклѣ подвиговъ Нѣмецкаго народа! !

К о ц е б у.

III.

Ода на войну.

Повсюду препенѣ и смущенье!
Отколѣ шумъ? отколѣ громъ?

Повсюду ужасъ и смятенье! —

Я вижу адскихъ Спраховъ сонмъ! —

Брань! Брань! — оставя мракъ геенны,
Летишь подъ облака сгущенны,

И грозный пламенникъ трясетъ. —

Дишя раздоровъ, несогласья,

Корыстолюбія, несчастья —

Тебѣ приносятъ жертвы свѣтъ!

*

Тебѣ — и миръ благословенный

Сокрылся въ вихрѣ черныхъ тучъ;

Кровавымъ дымомъ покровенный,

Погасъ на небѣ солнца лучъ! —

Изъ золь ужаснѣйшихъ нѣтъ злѣе

Поноснѣй, пагубнѣй, вреднѣе

И гибельнѣе нѣтъ тебя —
 Законовъ, правъ не уважаешь;
 Союзы дружбы разрываешь —
 Тобой казнишь людей Судьба.

✽

Велишь — и сокрушаются проны;
 Единый мигъ — и Царства нѣтъ;
 Падутъ несчастныхъ миллионы;
 Трепещетъ въ узахъ смерти Свѣтъ. — —
 Гдѣ ты, тамъ звѣрство — добродѣтель;
 Тамъ разоришель — благъ содѣшель;
 Тиранъ — тамъ подданныхъ отецъ;
 Тамъ честь и слава — разрушенье;
 Опважный духъ — ожесточенье;
 Коварство — общій долгъ сердецъ.

✽

Корысть и Злоба и Надменье,
 Подъ знаменемъ твоимъ текутъ;
 Тамъ Бѣдность, Смерть, Олушество
 Во слѣдъ тебѣ вѣнцы несутъ.
 Гдѣ ты — тамъ грады упадаютъ;
 Святыней тамъ пренебрегаютъ,
 И нѣтъ почтенья къ олшарямъ.
 Въ презрѣнны тамо Іерархи,
 Не почтены сами Монархи —
 Мечъ царствуетъ единый тамъ.

✽

Доколь, Герои кровожадны!
 Доколь вамъ землю колебать? —
 Быть ли могутъ ли вѣнцы пріятны;
 Коль ихъ надлежитъ почитать

Чрезъ варварство, смертоубійство?

Се есть единчо кровопійство, —

А не заслуга и не честь.

Одинъ лишь тотъ Монархъ прехваленъ,

Великъ, любимъ и прямо славенъ,

Кто забываетъ умѣетъ месть;

Который руку поднимаетъ,

Чтобы невинность защищать;

Который злобныхъ лишь караетъ,

Дерзнувшихъ на него возшатъ.

Живетъ съ своимъ сосѣдомъ дружно;

Беретъ оружие шамъ, гдѣ нужно;

А не для прихостей однихъ;

Убійство славой не считаетъ —

Онъ въ храмъ безсмертія вступаетъ

И безъ жестокостей такихъ.

Царь долженъ быть великодушенъ,

Для Царства забываетъ покой;

Законамъ, истинѣ послушенъ —

Сіяетъ лишь благостью одной! . . .

Томуль великимъ называешься,

Кто кровью любитъ упиваться,

Похитивъ власть изъ рукъ Царей? —

Кому стонъ, слезы — утѣшенье;

Кому законъ — страстямъ служенье:

Тотъ и въ величествѣ — злодѣй!

Звѣрямъ единымъ лишь пристойно

Быть лютыми, другихъ терзать;

Герояжь возсе недостойно
Себѣ подобныхъ истребляшь. — —
И звѣри дикіе, лѣсные,
Ехидны, крокодилы злые
Другъ друга завсегда щадятъ;
А мы, надменное теоренье,
А мы, Творца изображенье —
Мы спавимъ долгомъ бишь, карашь!

*

Мы льсшимся, въ лютомъ ослѣпленьи,
Творишь угодное предъ Нимъ,
Неся раздоръ и разрушенье
Къ несчастнымъ брашямъ своимъ! —
Любя злодѣйствомъ величашься,
Мы смѣемъ чадами назвашься
Того, кто Милость и Любовь!
Мы въ жизни собственной не власны!
Поспойте! но мольбы напрасны! . . .
Раздался громъ дымишся кровь! — —

В. Вельяминовъ — Зерновъ.

IV.

Истинная Философія.

Не шопъ ли истинной Философъ, кшо въ
какомъ бы состоянїи ни родился, какія
ни терпѣлъ бы несчастїя, съ швердостїю пере-
носитъ все, и не жалуется? не шопъ ли,
кшо мужественно борещся съ приключенїя-
ми, встрѣчаетъ есѣ случаи съ непобѣдимой

бодростію, съ неизмѣняемымъ спокойствіемъ, съ утѣшительною надеждою? Такъ! истинная Философія равно принадлежитъ всякому сослоянію. Каждой человѣкъ, исполняющій законы ея, имѣетъ равное право на удѣленіе сердецъ чувствительныхъ и добрыхъ.

Обыкновенно прославляютъ намъ несчастія Вельможъ въ краснорѣчивыхъ сочиненіяхъ. Превратность судьбы ихъ изображаютъ такими красками, что, кажется, хотя въ всемъ человѣческомъ родѣ возбуждаютъ состраданіе; а участіе, которое Свѣтъ принимаетъ въ ихъ состояніи, помогаетъ имъ переносить бѣдствія: слѣдственно вся твердость ихъ есть не что иное, какъ плодъ тщеславія, не великодушія.

Но сносить скорбленія, бѣдность, несчастія, живучи въ неизвѣстности; съ непоколебимою твердостью и равнодушіемъ стоять подъ ударами Судьбы — вотъ признакъ истиннаго достоинства, вотъ примѣръ для подражанія!

Между шѣмъ какъ ложь и ласкательство самыя маловажныя непріятности людей знатныхъ представляють намъ въ видѣ величайшихъ несчастій, — между шѣмъ какъ

на театрахъ испощаютъ всѣ хитрости ума и дарованій, чтобъ прославить ихъ мнимыя горести; никто не обращаетъ своего вниманія на бѣдствія существенныя, отъ которыхъ страдаютъ люди неизвѣстные; а мало ли есть на свѣтѣ несчастныхъ низкаго состоянія людей, которые въ одинъ день сносятъ болѣе, нежели знатные въ продолженіе цѣлой жизни? мало ли такихъ, которые совсѣмъ не заботятся о томъ, чтобъ другіе удивлялись ихъ постоянству, ихъ твердости, и — безъ ропшанія повинуются волѣ Судьбы, е ж е д н е в н о испытывая новыя огорченія? Пускай себѣ другіе плачутъ о Цицеронѣ, объ Овидіѣ, и о прочихъ знаменитыхъ несчастливцахъ, которыхъ все горе состояло въ томъ, что ихъ удалили отъ мѣстъ любимыхъ. Они свои обстоятельство почли бы пріятнѣйшими, когда бы умѣли только сравнить ихъ съ существенными бѣдствіями, угнетающими людей, живущихъ въ низкой долѣ, людей, которыхъ жалобы нигдѣ не слышны. Они пользовались всѣми выгодами; могли удовлетворять всѣ свои желанія, кромѣ одного; имѣли друзей, слугъ, невольниковъ, между тѣмъ какъ тысячи подобныхъ имъ людей — которые также чувствуютъ печаль и радости — блуждаютъ по свѣту безъ помощи, безъ пристанища, не имѣя уголка,

гдѣ бы укрышьяся отъ стужи, не имѣя куска хлѣба для утоленія голода.

Поводомъ къ симъ разсужденіямъ была нечаянная встрѣча съ однимъ человѣкомъ, котораго я зналъ еще въ моемъ младенчествѣ. Онъ попался мнѣ въ матросскомъ рубищѣ, на деревянной ногѣ, съ сумою за плечами. Мнѣ захопѣлось узнать, что довело его до столь плачевнаго состоянія. Подавъ ему милосшыню, я просилъ разсказать свою исторію. Онъ посмотрѣлъ на меня съ видомъ болѣе веселымъ, нежели печальнымъ, оперся на свой костыль, и началъ говорить слѣдующее:

„Хоть я и терпѣлъ горе на свѣшѣ, однакожь мои несчастія все еще не такъ велики, какъ многихъ другихъ людей. Правда, я лишился ноги, и принужденъ теперь питаться милосшынею; но, благодаря Бога, не вижу большой причины жаловаться на судьбу свою. Товарищъ мой, который теперь лежитъ тамъ на улицѣ, потерялъ обѣ ноги, и одинъ глазъ; а я, слава милосердому Господу, не дошелъ еще до такого состоянія.

„Я родился въ Шропскомъ Графствѣ, и остался пятилѣтнимъ сиротою послѣ смерти моего отца, бѣднаго ремесленника. Меня отослали въ приходскую школу; но какъ отецъ мой не имѣлъ постоянного жилища, то и не лзя было знать, въ какомъ

мѣстѣ я родился. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцовъ безпрестанно переводили меня изъ одной школы въ другую. Видя, что нигдѣ уже не принимаютъ меня, я по ребячески своему начиналъ уже думать, что въ цѣломъ свѣтѣ не было мѣста, гдѣ я родился. Наконецъ нашлась для меня школа. Я имѣлъ охоту учиться грамотѣ; но начальникъ сиропитательнаго дома почелъ нужнымъ заставить меня упражняться въ другой работѣ съ колопушкою въ рукахъ. Пять лѣтъ отправляя я свою должность, и былъ доволенъ всѣмъ, кромѣ шумаковъ, которыми часпо меня потчивали. Я работалъ по десяти часовъ на день; за то меня кормили и поили. Правда, мнѣ не дозволяли выходить за ворота, опасаясь, чтобъ я не бѣжалъ изъ дому. Но какая нужда! мнѣ было не запрещено бѣгать по двору — а этого и довольно. Изъ сиропитательнаго дома отдали меня въ работники одному поселянину. Тутъ надлежало вставать очень рано, ложиться очень поздно: я былъ сытъ — и не жаловался. По смерти хозяина, выслали меня изъ дому. Мнѣ вздумалось самому искать счастья; я бродилъ изъ города въ городъ; иногда находилъ для себя работу, иногда проводилъ по два дня безъ пищи; случалось терпѣть горе, но были и веселыя минуты: ибо зло безъ добра не бываетъ. Въ одинъ день на

дзчѣ мирнаго Судьи я встрѣтился съ зайцемъ; нечислой духъ подкусилъ меня бросить палкою въ звѣря, которой, будто нарочно, шелъ прямо на меня. Заяцъ повалился съ одного разу. Между тѣмъ какъ я, съ добычею на плечѣ, шелъ, куда было надобно, проклятой Судья, ухвативъ меня за воротъ, закричалъ грознымъ голосомъ: „Кто ты таковъ, бездѣльникъ? кто тебѣ дозволилъ бишь дичь на моемъ полѣ?“ Я, чувствуя вину свою, бросился ему въ ноги, рассказалъ свою родословную, свои приключенія, и со слезами просилъ о помилованіи. Судья, ничему не повѣривъ, отослалъ меня въ судъ. Тамъ объявили мнѣ, что за разные бездѣльничества на первой случай положено отослать меня въ Ньюгашскую тюрьму, потомъ поступить со мною какъ съ бродягою. Хотя я вообще о тюрьмахъ слышалъ много непріятнаго; однакожь увидѣлъ на дѣлѣ, что въ Ньюгашѣ сидѣть довольно хорошо. Меня кормили исправно, и ничего не заставляли дѣлать. Къ сожалѣнію, такая спокойная для меня жизнь скоро перемѣнилась. Черезъ пять мѣсяцовъ меня отвели на корабль, для отправления въ Америку съ двумя спами другихъ преступниковъ. Наше путешествіе не совсѣмъ было благополучно. Меня и товарищей моихъ бросили на дно корабля; мы не имѣли не только здоровой пищи, но ниже воздуха; одна

половина преступниковъ дорогою погибла, другая чуть дышала. Наконецъ высадили насъ на берегъ, и отдали содержателямъ планшажей. Срокъ моего наказанія продолжался семь лѣтъ. Незнаніе грамотъ — ибо колодушка не научила меня читать — было причиною, что меня заставили работать вмѣстѣ съ неграми.

„ По окончаніи сего мучительнаго срока, я началъ трудиться для себя, чтобъ имѣть съ чѣмъ возвратиться въ Англію. Не могу описать вамъ, какъ я обрадовался, ступивши на землю милой родины. Опасаясь, чтобъ снова не попался въ шюръму за праздность, я остался въ городѣ, и трудами доставалъ себѣ пищу. Нѣсколько времени дѣла мои были въ такомъ хорошемъ состояніи, что я зарабатывалъ болѣе нежели надѣялся. Въ одинъ вечеръ случилось со мною непріятное приключеніе. Когда я шелъ на свой ночлегъ, два человека схватили меня на улицѣ, повалили на землю, и велѣли не шевелиться: это были наборщики солдатъ для морской службы. Они потащили меня къ мирному Судьѣ, копорой видя, что за меня вступиться не кому, безъ дальнихъ справокъ рѣшилъ, что я, какъ человекъ подозрительной, долженъ выбирать одно изъ двухъ — или служить съ ружьемъ въ рукахъ, или записаться въ мажорсы. Я выбралъ первое;

прослужилъ два похода во Фландріи; находился на сраженіяхъ при Фонтенноа и Лавфельштѣ; получилъ въ грудь одну рану, которая, слава Богу, зажила по старанію полковаго Лѣкаря.

„По заключеніи мира я выпросился въ отставку. Хотѣлъ-было пишаться работою по прежнему, но не могъ за раною, которая иногда причиняла мнѣ сильную боль. Я записался въ службу Индійской компаніи. Тутъ доспалось мнѣ быть на шести главныхъ сраженіяхъ съ Французами. Еслибъ я умѣлъ читать, то Капитанъ вѣрно произвелъ бы меня въ Капралы; но Судьба предназначила меня не для чиновъ. Послѣ того я заболѣлъ, и былъ отправленъ въ Англію, имѣя при себѣ сорокъ гиней. Я вознамѣрился употребить свои деньги на торговлю, и надѣялся, что счастье мнѣ поблагопріятствуетъ; но въ самое то время опять началась война; а какъ правительство имѣло нужду въ людяхъ, то меня и записали въ мапросы безъ моего вѣдома, и прежде еще, нежели доплылъ я до берега.

„По несчастію, я не полюбился Подшкиперу, которой говорилъ, будто я бездѣльникъ, будто знаю морскіе обороты и пріемы, но умышленно пришворяюсь невѣждою, чтобъ ничего не дѣлать. А я божусь,

что не зналъ ни аза въ морской службѣ; не смотря на то, меня почти каждой день пороли безъ милосердія. Сорокъ гиней оставались при мнѣ, и служили утѣхою въ моемъ несчастіи; я хранилъ ихъ какъ зѣницу ока. Но, увы! Французы взяли нашъ корабль, и присвоили себѣ мои деньги.

„Всѣхъ плѣнныхъ отослали въ Брестъ. Многіе изъ моихъ товарищей, не привыкшихъ къ шюремному воздуху, лишились жизни; но для меня это было уже не новое. Въ одну ночь Подскиперъ, подошедши къ моей постелѣ, имѣя при себѣ пошпенный фонарь, сказалъ: „Иванъ! достанешь ли въ тебѣ силы и бодрости сладить съ часовыми?“ — Я готовъ отправить ихъ на шопъ свѣшъ — отвѣчалъ я — и подхвативши плащъ, пошелъ въ слѣдъ за Подскиперомъ. Хотя мы не имѣли при себѣ никакого оружія, однакожь успѣли благополучно совершить свое предпріятіе. Напали на часовыхъ въ расплохъ, опіяли у нихъ ружья, положили всѣхъ на мѣстѣ, и съ девятью прочими товарищами побѣжали къ берегу; тамъ отвязали лодку и пустились въ море.

„На третій день плаванія мы повстрѣчались съ *Дорсетомъ*, однимъ изъ нашихъ корсеровъ; онъ съ радостію принялъ на бортъ людей, которые готовы были служить изъ

куска хлѣба ; ибо мы умирали отъ голода. До сихъ перъ все шло хорошо ; но по несчастію нашъ фрегатъ, имѣвшій только двадцать три пушки, попалъ на Французской корсеръ *Неустрашимый* съ сорока пушками. Не смотря на превосходную силу непріятеля, мы дрались какъ львы. Сраженіе продолжалось три часа, и кончилось тѣмъ, что мы опять достались въ руки Французовъ. Думаю, что меня приняли бы неучтиво въ Брестъ ; но насъ туда не довезли, потому что Англійскій корсеръ *Ежидна* на другой же день освободилъ насъ изъ когтей непріятельскихъ.

„ Забылъ вамъ сказать, что на сихъ сраженіяхъ я получилъ двѣ тяжелыя раны ; лишился четырехъ пальцевъ на лѣвой рукѣ, и одной ноги, которую оторвало пушечное ядро. Еслибъ Форшунъ было угодно, чтобы я пощерялъ ногу свою и пальцы, служа на кораблѣ военномъ Королевскомъ, и не у корсера, то меня содержали бы на казенномъ иждивеніи до смерти : но случилось иначе — нечего дѣлать ! Что кому на роду написано, то и шерни . . . Роптать на Судьбу не должно ; слава Богу, я здоровъ, имѣю хорошей позывъ на пищу, и теперь же пойду вылить за ваше здоровье.“

Поклонился и пошелъ. Вотъ человекъ — сказалъ я самъ себѣ — коюрой всю жизнь

свою провёлъ несчастливо — и не жалуется. Я подивился его бодрости, спокойствію духа, и заключилъ, что привычка терпѣть несчастія гораздо лучше научаетъ переносить оныя, нежели всѣ философскія наставленія.

Изъ Франц. Журн.

V.

С м ѣ с њ

Попечитель Харьковскаго Учебнаго Округа, Тайный Совѣтникъ, Сенапторъ и Кавалеръ, Графъ Северинъ Осиповичъ Потоцкій, подарилъ тамошнему Университету два превосходные рисунка, которые прислалъ при отношеніи слѣдующаго содержанія: „Удостоверенъ будучи, сколь полезно возбуждать благородное поревнованіе въ молодыхъ людяхъ, и сколь сильное дѣлаютъ въ нихъ впечатлѣніе, представляющіяся имъ великія дѣянія, къ подражанію коихъ они должны стремиться, я разсудилъ сдѣлать собраніе рисунковъ, кои изобразали бы рядъ знаменитѣйшихъ подвиговъ любви къ Отечеству и мужества, почерпнутыхъ изъ Россійской Исторіи, столько ими изобилующей; и чтобы даже въ самомъ исполненіи сего дѣла не было ничего чужаго, я положилъ, избирая таковыя дѣянія, сообщать ихъ С. Пе-

пербургской Академіи Художествъ въ родѣ задачъ для молодыхъ ея воспитанниковъ. Два первыхъ, симъ образомъ произведенныхъ и одобренныхъ Академіею рисунковъ препровождая при семъ въ Университетъ, прошу Сесловіе онаго принять ихъ, какъ слабое доказательство усерднѣйшаго моего желанія способствовать всему, что можетъ клониться ко благу Университета. Расположенію Совѣща представляю доставить ихъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ чаще бывають наши Студенты. О если бы они никогда не могли возрѣчь на нихъ безъ сердечнаго движенія! Если бы, воспламеняясь въ душѣ своей страстію ко благу, могли тогда сказать сами себѣ: *это Россіянинъ могъ сдѣлать, для того и мнѣ тогожъ не сдѣлать со временемъ!* Еслибы, наконецъ, сіи представляющія имъ изображенія могли возраспичь въ юномъ ихъ сердцѣ сѣмена истинной любви къ Отечеству, главной добродѣтели прямого гражданина! 1806 года Августа 18 дня.“

Славная пѣвица Гжа Кашалани, въ короткое время своего пребыванія въ Парижѣ собравши около ста тысячъ франковъ, отправилась въ Лондонъ, гдѣ вѣроятно соберетъ еще болѣе денегъ. Такой легкой способъ приобретать богатства подаетъ Философу поводъ къ печальному размышленію. Праксиселева спашуя, памятникъ Микель-

Анжела, Рафаэлева картина, Виргиліева Энеида, Расинова трагедія, сіи многотрудныя произведенія выпреннаго Генія, едвали Авторамъ своимъ доставили бы средства пропитать себя, между тѣмъ какъ пять или шесть шрелей, нѣсколько легкихъ усилій въ двѣ недѣли обогащаютъ дѣвицу! Послѣ сего повѣритъ ли неопытной молодой чело-вѣкъ словамъ суроваго Моралиста, пропо-вѣдующаго презрѣніе къ маловажнымъ заня-тіямъ? Какая штука для шрапшата о без-разсудствѣ людей!

*

Въ Парижѣ вышелъ новый Романъ: *Елисавета, или Сосланные въ Сибирь*, Г-жи Коптень, извѣстной сочинительницы нѣко-торыхъ романовъ, и между прочимъ *Ма-тильды*. Многіе Читатели помнятъ исто-рію дѣвицы Луполовой, которая изъ Сиби-ри пришла пѣнкомъ въ Петербургъ, будучи движима дѣшскою любовію. Г-жа Коптень изъ сего анекдота сослала полную Романъ; вмѣсто дѣвицы Луполовой сдѣлала Героинею своею дѣвицу *Елисавету*, дочь Польскаго Вельможи, будто бы сосланнаго въ заточеніе по нѣкоторымъ политическимъ причинамъ. *Елисавета* приходитъ также пѣнкомъ, но не въ Петербургъ, а въ Москву, въ самое время коронаціи — и получаетъ прощеніе своему родителю. Хотя Парижскіе Журна-листы хвалятъ сіе новое произведеніе рома-

ническаго пера ; однакожь мы осмѣливаемся думать , что оно не понравится нашей Публикѣ. Произшествіе, обстоятельство, лица и мѣста всѣмъ намъ больше извѣстны, нежели Г-жѣ Кошпень , которая писала по воображенію , и не могла согласить вымысла съ историческою вѣрностію. Походятъ ли , на примѣръ , на правду слѣдующее главное обстоятельство ? Въ то самое время , когда Монархъ читаетъ присягу , Елисавета — которую приземъ въ Соборъ практирщикъ , одѣтую въ нищенское рубище — восклицаетъ : *помилуй ! помилуй !* Ее выводятъ изъ церкви. Государь приказываетъ одному Офицеру узнать , чего проситъ эта женщина. Офицеръ , по прозванію Смолевъ , будто бы сынъ Тобольскаго Губернатора , узнаетъ въ Елисаветѣ свою любовницу , подводитъ ее къ Императору ; оба падаютъ на колѣни и проч. — — — Книга сія , какъ всякой видитъ , есть романъ , и притомъ такой , безъ котораго обойтись весьма не трудно ; слѣдственно можемъ надѣяться , что онъ скоро явится въ переводѣ на Русскомъ языкѣ ! . . .

VI.

РОССИЙСКИЙ ТЕАТРЪ (*).

Октября 18 въ пользу Г-жи Воробьевой представлены: Трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ *Эльфрида*, и новая Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ *Черной Человѣкъ*.

Послѣдняя пѣса переведена съ Нѣмецкаго языка Г-мъ Краснопольскимъ. — *Джонсонъ* Англичанинъ, живши три года съ молодою прекрасною своею супругою, вдругъ сдѣлался бранчивымъ и сердитымъ, словомъ — впалъ въ болѣзнь, называемую *слинъ*; для поправленія здоровья, поѣхалъ въ Голландію, а опшуда въ Германію. Гжа *Джонсонъ*, полгода не получая отъ мужа извѣстія, рѣшилась сама искашь его. Она приѣзжаетъ въ тошъ самой постоялой домъ, гдѣ остановился мужъ ея. *Обираловъ*, хо-

(*) „ Будучи любитель Театра — написано въ письмѣ, при которомъ Издатель получилъ сію статью — чувствую, каково читашъ Журналъ, и не находить въ немъ ни строчки о зрѣлищахъ. Позвольте мнѣ сдѣлать начало. Общаюсь доставлять вамъ извѣстія о каждой *вновь сыгранной* пѣсѣ, и надѣюсь устоять въ словѣ. Замѣчанія мои не будутъ пространны; довольно, если охотники, а особливо иногородные, узнаютъ, *что когда и какъ* играно на здѣшнемъ Россійскомъ Театрѣ.“

зяинъ постоялаго дома, изъ любопытства распечатавъ письмо, которое велѣлъ опнести на почту. *Черной Человѣкъ* — такъ прозвали *Джонсона*, пошому что онъ одѣтъ былъ въ черное съ головы до ногъ — проситъ Г-жу *Джонсонъ* прочесть и перевести оное съ Англійскаго языка. Г-жа *Джонсонъ* читаетъ, и узнаетъ, что мужъ ея хочетъ застрѣлиться въ потъ же вечеръ. Такимъ образомъ Англичанка находитъ своего мужа; остается только идти къ нему, и оператить его отъ ужаснаго намѣренія. *Кулисинъ*, бѣдной драматической Сочинитель, живущій въ домъ *Обиралова*, находитъ сие приключеніе прекраснымъ — какъ онъ говоритъ — сюжетомъ для Драмы, а что еще лучше, выдумываетъ средство ею спасти *Чернаго Человѣка* отъ смерти. *Кулисинъ*, представленный *Обираловымъ* *Джонсону*, читаетъ свою Драму. Англичанинъ, видя, что описывается его собственная исторія, не понимаетъ, какъ все это могло быть извѣстно *Кулисину*, сердится, хочетъ застрѣлиться; *Кулисинъ* удерживаетъ его; на крикъ прибѣгающъ Г-жа *Джонсонъ*, ея служанка, *Обираловъ* и *Обиралова*; *Черный Человѣкъ* остается непреклоннымъ; Г-жа *Джонсонъ* говоритъ, что сама хочетъ умереть прежде его; прищворно (!) застрѣливается изъ пистолета; *Черной Человѣкъ* раскаевается, жалѣетъ; Г-жа *Джонсонъ* оживаетъ — и конецъ.

Еслибъ сія Комедія имѣла одинъ только недоспашокъ — при ш в о р н у ю смерть Г-жи *Джонсонъ*, совсѣмъ ненужную для окончанія пѣсы; но я напомнилъ бы правило Горациево *resideret omne, quod vitia perfectum traheretur*: но другія ошибки противъ истины — кошерую Боало велишъ наблюдать и въ самой баснѣ (*) — отнимають всю охоту разбирать сіе произведеніе Нѣмецкой Талїи. —

Г. Сандуновъ, представлявшій лице *Куликина*, вызванъ былъ по окончаніи Комедїи. Игра сего отличнаго Художника доставила зрителямъ великое удовольствіе. Костюмъ, голосъ, шѣлодвиженія, словомъ — все достойно совершенной похвалы. Справедливость пребудетъ сказать, что Г. Коняевъ наконецъ нашелъ ключъ къ шайнѣ своего художества. Такое превращеніе весьма прїятно. — Дѣвица *Кураева* подаетъ о себѣ хорошую надежду. Она много успѣла въ короткое время.

Д. Н — е.

(*) Rien n'est beau que le vrai; le vrai seul est aimable,
Il doit regner partout, et même dans la fable.

ПОЛИТИКА.

I.

Изслѣдованіе важной задачи: Въ послѣднія времена болѣе ли успѣли въ военномъ искусствѣ французы, нежели Нѣмцы?

Первой вопросъ.

„**В** военное искусство послѣ революціи доведено ли до большаго совершенства у Французовъ, нежели у Нѣмцовъ?“

Прежде всего почитаю нужнымъ дать сему вопросу точнѣйшее опредѣленіе. — Каждому извѣстно, что племена, обитающія въ нашемъ любезнѣйшемъ опечесствѣ, между собою не сходствуютъ если не въ языкѣ и національныхъ свойствахъ, то безъ сомнѣнія во многомъ другомъ, а особливо въ образованіи ума и въ просвѣщеніи. Величайшая разница примѣтна между южными Нѣмцами и сѣверными. Между шѣмъ какъ первые были и нынѣ суть погружены во мракъ невѣжества и суевѣрій, — по мановенію Великаго Фридриха уже въ половинѣ минувшаго столѣтія солнце просвѣщенія озарило послѣднихъ. И такъ не

удивительно, что военное искусство на сѣверѣ быстро доведено до высшей степени совершенства; слѣдствія показали, что великій образецъ произвелъ искусныхъ военачальниковъ. Напротивъ того полководцы южной Германіи опличались по большей части не инымъ чѣмъ, какъ только — ошибками. Слѣдственно сравнивая успѣхи въ военномъ искусствѣ Нѣмцовъ съ успѣхами Французовъ, чтобы не оскорбить благороднѣйшей части націи и не унижить самихъ Французовъ, по всей справедливости надобно имѣть въ виду не столько южныхъ Нѣмцовъ, сколько сѣверныхъ. Теперь слѣдуетъ вопросъ:

„Болѣе ли успѣли въ военномъ искусствѣ Французы, нежели Прусакки, Саксонцы, Гессенцы и такъ далѣе?”

Послѣдніе походы этого не доказываютъ: ибо хотя сѣверные Нѣмцы тогда не приобрѣли никакихъ выгодъ; однакожь безприспрасный изслѣдователь историческихъ событій найдетъ причины тому не въ незнаніи военнаго дѣла, но въ превосходномъ многолюдствѣ непріятеля, въ слабости коалицій, а всего болѣе во Французской политикѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Французы во всей послѣдней наукѣ гораздо искуснѣе всѣхъ націй, а особливо Нѣмцовъ, кошорыхъ прямой и откровенной характеръ неспособенъ къ политическимъ ухищреніямъ.

Французы еще долго, очень долго не забудутъ двухъ поражений — при Кайзерслаутернѣ и при Пирмазенѣ: напрошивъ того Прусакъ въ три кампаніи не потерпѣли ни одного важнаго ущерба, и только въ 13 день Іюля 1794 года сражались несчастливо. Сія битва достойна замѣчанія не по чему другому, какъ только по извѣстному велерѣчію Французовъ: могу увѣришь въ томъ собственнымъ опытомъ. Какія были слѣдствія сего сраженія? Армія обратно вышла изъ тѣсныхъ мѣстъ, гдѣ она была раздѣлена; непріятель не гнался за нею, и уже не нападалъ болѣе.

Кому извѣстны военныя происшествія, тотъ знаетъ, что и прочія Сѣверонѣмецкія войска столь же славно сражались прошивъ Французовъ. Слѣдственно, если Сѣверонѣмецкіе полководцы, въ продолженіе многихъ кампаній сражаясь съ Французами, не только не были побѣждены ими, но еще сами побѣждали; то явствуетъ, что сіи полководцы не уступаютъ Французскимъ Генераламъ въ практикѣ военнаго искусства.

Въ теоретической части сѣверные Нѣмцы также стоятъ съ Французами по крайней мѣрѣ на равной степени. Они имѣютъ у себя превосходныя сочиненія, относящіяся до всѣхъ частей военной науки. Правда,

не всякой хозяйнѣ библіотеки ученѣ; однакожь когда есть хорошія книги, то вѣрно есть и хорошіе Писатели. Кромѣ того по всей вѣроятности можно заключить, что при всеобщихъ успѣхахъ наукъ въ сѣверной Германіи, военное искусство отъ другихъ не отстало, — хотѣя нельзя также не признаться, что было бы гораздо лучше, еслибъ многія изъ сочиненій о военномъ дѣлѣ совсѣмъ не выходили въ свѣтъ; ибо съ нѣкотораго времени, какъ въ прочихъ частяхъ учебнаго образованія, такъ равно и въ военной наукѣ, спросъ мараль бумагу распространилась между молодыми Офицерами. Сія зараза — слѣдствіе не особенной привязанности къ наукамъ, но болѣе ничтожнаго тщеславія — можетъ сдѣлать много вреда арміи. Кажется, весьма полезно было бы Офицерамъ знатной арміи вовсе запретить издавать книги о военной наукѣ. Ибо если Офицеръ пишетъ дурно, онъ даетъ поводъ къ невыгодному мнѣнію о цѣломъ войскѣ, въ которомъ служитъ; если пишетъ хорошо, то научаетъ и непріятеля, слѣдственно дѣлаетъ вредъ своему отечеству.

Можетъ быть сіи причины заставили Фридриха Великаго повелѣть, чтобы ни одинъ Офицеръ его арміи не смѣлъ издавать въ свѣтъ важныхъ замѣчаній относительно военной науки. Такое запре-

щекіе и въ наше время для нѣкоторыхъ войскъ было бы полезно; по крайней мѣрѣ многія неосновательныя сужденія о военныхъ дѣйствіяхъ оставались бы въ неизвѣстности, и многіе скороспѣлые полководцы не безобра-зили бы почтеннаго войска Нѣмецкаго.

И такъ ежели, по моему мнѣнію, въ нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ арміяхъ Субалтернъ-Офицеры слишкомъ много занимающа ео-рїею военнаго искусства, за то уже Фран-цузскіе не подлежатъ упрекамъ сего рода. Они — какъ всякой знаетъ, кто только имѣлъ случай разсмотрѣть ихъ вниматель-но — почти всѣ люди несвѣдущіе; исклю-чая изъ сего числа Генеральный Штабъ, сей разсадникъ ихъ полководцовъ. Не смотря на то, они весьма искусно умѣютъ прикрыва-вать недостатокъ въ основательныхъ зна-ніяхъ своимъ велерѣчіемъ живостію, а доб-родушной Нѣмецъ, которой все чужое предпо-читаетъ своему — думая, кто безпрестанно говоришь, пюшь много размышляетъ — обманывается наружностію.

Однакожь недостатокъ въ учебномъ об-разованіи Французскихъ Субалтернъ - Офи-церовъ не можетъ быть виною порицанія для нихъ вразсужденіи службы. Кругъ дѣйствія каждаго Субалтернъ - Офицера весьма огра-ниченъ; отъ него не требуется теорети-

ческихъ познаній, но только практическія необходимо для него нужны. Надобно признаться, что Французскіе Субалтернъ-Офицеры имѣютъ практическія знанія, и кто изъ нихъ — не будучи побуждаемъ однимъ только суешнымъ честолюбіемъ, но подкрѣпляемый природными способностями — старается достигнуть высшей степени, тошъ, получивъ желаемую должность, безъ сомнѣнія можетъ опправлять ее съ честью, и быть достойнымъ уваженія.

Теперь надобно еще сдѣлать сравненіе между рядовыми солдатами обѣихъ націй. Не трудно доказать, что постоянный характеръ Нѣмца не мѣшаетъ ему быть такимъ же хорошимъ солдатомъ, какимъ только можетъ быть Французъ при всей живости своего темперамента. Удобно раздражаемая фантазія есть неразлучной товарищъ живости; если сія послѣдняя возбуждаетъ въ отважнымъ подвигамъ, за то первая при малѣйшей неудачѣ преслѣдуетъ и тѣснитъ сильнѣе, нежели самъ непріятель. Многіе примѣры, даже изъ исторіи новѣйшихъ военныхъ происшествій, служатъ сему неоспоримымъ доказательствомъ.

Славимая быстрота Французовъ и поворопливость тѣла — впрочемъ полезныя для стрѣлковъ, и приобретаемая ими посред-

ствомъ упражненія въ танцванъѣ и искусствѣ биться на шлагахъ — не дѣлаютъ ихъ превосходными воинами. Иначе, какимъ образомъ Прусскіе гусары Блюхерова полку, состоящаго изъ храбрыхъ жипелей Помераніи, едва знакомыхъ съ фехтовальнымъ искусствомъ, могли бы во время Рейнскихъ камній нѣсколько тысячъ Французскихъ *фехт-мейстеровъ* частію изрубить, частію взять въ полонъ? Многіе Сѣверонѣмецкіе полки могутъ хвалиться такими же подвигами; напрошивъ того Французамъ съ своей стороны сказать не чего. Изъ сего явствуетъ, что Французскія войска ни въ физическомъ, ни въ моральномъ отношеніи не превосходятъ Сѣверонѣмецкихъ, слѣдственно и правила военнаго искусства ни чемъ не лучше у первыхъ. — Нѣкоторые утверждаютъ, что Наполеонъ изобрѣлъ новую тактику: это надобно еще изслѣдовать. Однакожь я не стану здѣсь разпространяться, сколько требовала бы сущность предмета, во первыхъ потому, что увеличивъ спашью, не могъ бы помѣстить ее въ Журналъ, во вторыхъ — что надлежало бы сдѣлать точнѣйшее сравненіе между военнымъ искусствомъ сѣверныхъ Нѣмцовъ и Французовъ; а на это я не могу рѣшиться по особливымъ причинамъ. Краткое изслѣдованіе о главныхъ, столь много выхваляемыхъ любителями новостей переменѣнахъ, вве-

денныхъ во Французской арміи, по частѣ случай другимъ прилѣжнѣе заняться симъ дѣломъ.

По моему мнѣнію, введенныя Наполеономъ перемѣны состоятъ во первыхъ въ *устройствѣ и продовольствіи войски*. Относительно сей статьи находимъ слѣдующія новыя распоряженія во Французской арміи:

1) Она получаетъ рекрутъ посредствомъ такъ называемой конскрипціи.

Сіе у Французовъ новое постановленіе весьма старо у Нѣмцовъ, и заимствовано отъ послѣднихъ; слѣдственно не лзя считать его новымъ изобрѣщеніемъ въ военномъ искусствѣ. Впрочемъ, лучше ли Французская конскрипція, нежели Нѣмецкой наборъ, — изслѣдовавъ здѣсь нѣтъ надобности; ибо извѣстно, что Нѣмецкія войска никогда не нуждались въ годныхъ рекрутахъ.

2) Французы раздѣлили всю армію на части, которыя называются дивизіями; при каждомъ дивизионномъ Генералѣ находится особая Канцелярія Генеральнаго Штаба, имѣющая сношеніе съ главнымъ Генеральнымъ Штабомъ всей арміи.

Хотя, по обыкновенному порядку, каждой отдѣленной корпусъ долженъ получить

опѣ Генеральнаго Штаба особыхъ для себя Офицеровъ; однакожь, по моему мнѣнiю, сiя переменна, къ которой подала причину довременная война революцiонная, очень полезна, именно потому, что заблаговременно раздѣляющѣ армiю на особые небольшiе корпусы, и шѣмѣ облегчающѣ способы для ихъ продовольствiя. Пришомѣ неоспоримо, что одни Офицеры Генеральнаго Штаба, находящiеся беземѣнно при корпусѣ съ начала кампанiи, короче знакомятся съ войскомѣ и съ своею должностiю, и скорѣе привыкающѣ къ дѣламѣ посредствомѣ практическаго упражненiя. — Хошя я и не думаю, что бы опѣ большаго или меньшаго нроворства сихъ Офицеровъ зависѣлъ успѣхъ кампанiи; однакожь въ томѣ нѣтъ сомнѣнiя, что Французскiе Офицеры Генеральнаго Штаба, безпрестанно занимаясь своимѣ дѣломѣ, должны бышѣ поспѣшиѣ въ механическомѣ оппавленiи службы, и что Нѣмецкiе, не имѣя частыхъ случаевъ упражняться, далеко опстали опѣ первыхъ. Слѣдственно остается пожелать, чтобы, для лучшихъ успѣховъ, мы употребили въ свою пользу нѣкоторыя распоряженiя Французскаго Генеральнаго Штаба.

3) Французскiя войска дѣйствуютѣ, не имѣя магазиновъ; онѣ содержатся поборами съ поселянѣ.

Не подавая безусловнаго совѣта перенимать у Французовъ сей способъ, разсмотримъ нѣкоторыя обстоятельствова. Въ прежнія кампаніи они вели войну въ Нидерландахъ, будучи окружены многими крѣпостями, изъ коихъ въ каждой находился запасной магазинъ. Потомъ когда система поборовъ вошла въ моду, войска дѣйствовали въ прекраснѣйшихъ Нѣмецкихъ и Италіянскихъ провинціяхъ, гдѣ не трудно было довольствоваться провіантомъ, не имѣя нужды въ магазинахъ — по крайней мѣрѣ нѣкоторое время. Робость противниковъ облегчала Французамъ средства къ быстрымъ успѣхамъ, и слѣдственно къ прописанію себя на счетъ завоеванныхъ областей. Къ тому еще должно прибавить отнятіе непріятельскихъ магазиновъ, какъ на примѣръ случилось подъ предводительствомъ Генерала Моро при Штокахъ, гдѣ Французы нашли много провіаншу, и гдѣ Фридрихъ Великій въ подобномъ случаѣ (1757) получилъ такія же выгоды, вразсужденіи прокормленія своего войска. Весьма желательна, чтобы Французы имѣли дѣло съ другими противниками, или чтобы они принуждены были вести войну на землѣ отечественной: тогда конечно они потерпѣли бы жестокое наказаніе за то, что не заботятся о магазинахъ — и многіе жаркіе защитники

безусловной системы поборовъ безъ сомнѣнїя, стали бы охуждать ее.

4) У Французовъ не такъ тяжель обозъ, какъ при другихъ войскахъ.

Здѣсь разумѣшь должно только упраздненїе Офицерскихъ лошадей и палатокъ. Ибо еслибъ Французы, надѣясь на поборы, бросили провіаншскїя повозки, какъ лишнюю тягость; то при первой несчастной войнѣ, или при первомъ случаѣ, когда надобность завела бы ихъ въ бесплодную область, войско неминуемою гибелью заплашило бы за свою ошибку. — Одинъ изъ опытныхъ нашихъ Писателей сдѣлалъ уже прекрасныя замѣчанїя вразсужденїи сумъ, копоры Офицеры носятъ у себя за спиною; я съ своей стороны прибавлю только, что мнѣ удалось слышать отъ заслуженныхъ Нѣмецкихъ Генераловъ: при окончанїи семилѣтней войны многіе Прусскіе пѣхотные Офицеры, потерявшіе своихъ лошадей, и не имѣя способовъ замѣнить ихъ другими, ходили пѣшкомъ.

Впрочемъ, упраздненїе палатокъ точно ли надобно починать облегченїемъ для войска, объ этомъ пусть судятъ врачи, бывшіе въ походахъ. Однакожь я, не будучи врачомъ, думаю, что не такъ скоро и удоб-

не можно поставити шалаши, какъ разбиты палатки, и что солданы, не имѣя убѣжища въ дурную погоду и въ продолженіе влажныхъ ночей, должны подвергаться болѣзнямъ отъ простуды. Нынѣ сомнѣнія, что уронъ въ людяхъ можно дополнять рекрутами, и по сей-то причинѣ новое избрѣшеніе безъ дальнихъ затрудненій введено въ такую армію, въ кошорой жизнь солдата ни во что вмѣняется.

Перемѣны въ военномъ искусствѣ могутъ состоять еще во введеніи или новаго оружія, или новаго способа дѣйствовать оружіемъ.

Французы, какъ извѣстно, не сдѣлали никакихъ перемѣнъ въ оружіи, но вели нѣкоторыя новоспи въ пѣхотную тактику, что есть учредили стрѣлковъ.

Тотъ конечно долженъ почитать всѣхъ другихъ солдатъ, кромѣ Французскихъ, безумными, долженъ военную исторію переполковать по своему, кто спанетъ утверждать, будто стрѣлки во всѣхъ случаяхъ полезны, и будто Французы одними только ими побѣждаютъ. Почти съ математическою достоверностію можно доказать сему противное; но это завело бы меня очень далеко. Упомяну только о нѣкоторыхъ об-

стояшельствахъ. Известно, что Франгузы до сихъ поръ почти всегда вели войну на мѣстахъ гористыхъ, или покрайней мѣрѣ неровныхъ. Само собою разумѣется, что для такихъ мѣстоположеній стрѣлки пригодны, и что они отнюдь не новое изобрѣшеніе — какъ всякой знаетъ, кто внимательнѣе читалъ исторіи и записки о прежнихъ военныхъ происшествіяхъ. Не должно забывать, что Франгузамъ, по одному приказу, безъ сраженія отдавались цѣлыя корпусы, и что Генералы, предводительствовавшіе противъ нихъ, по большей части были люди неспособные: такимъ образомъ и объясняюща, хоть немного, причины успѣховъ Франгузскаго оружія — причины, которыхъ не должно искажать въ однихъ только стрѣлкахъ.

Напротивъ того, когда только ни ошваживались они драгаться на равнинахъ — и противъ искусныхъ Генераловъ — стрѣлки не защищали ихъ отъ пораженія, даже способствовали собственнѣйшей гибели: иначе какимъ образомъ Сѣверонѣмецкія войска могли бы выдержать при похода, ни одинъ разъ не испытавъ несчастія надъ собою?

Внимательный наблюдатель найдетъ въ исторіи прежнихъ военныхъ дѣйствій многіе примѣры, сколь невыгодны стрѣлки на равнинахъ. Стоитъ только вспомнить объ

Австрійскихъ Кроатахъ , которые прежде почитались самыми лучшими изъ числа легкихъ войскъ , но послѣ многихъ печальныхъ опытовъ никогда уже не смѣли показываться на равнинахъ. Кромѣ учрежденія стрѣлковъ , я не знаю никакой другой перемѣны во Французской тактикѣ. Многіе хвалятъ еще смѣлыя , быстрыя движенія и повороты Французскаго войска. Что касается до сихъ смѣлыхъ и быстрыхъ поворотовъ , которыми выучились Французскіе солдаты вѣроятно въ фехтовальной школѣ , я ничего не могу сказать , по причинѣ совершеннаго моего невѣжества въ семъ дѣлѣ. Можетъ быть многіе Сѣверонѣмецкіе Офицеры знаютъ о нихъ столько же , какъ и я. Тотъ конечно оказалъ бы важную услугу Нѣмецкой тактикѣ , кто , замѣшивъ сіи *тудесные* повороты , сообщилъ бы о нихъ что-нибудь своимъ соопечесвенникамъ.

Наконецъ новая тактика Наполеонова можетъ состоять еще въ достойныхъ подражанія планахъ.

Число своевольныхъ кришниковъ , разсуждающихъ о поступкахъ военачальниковъ , по несчастію въ наши времена уже столь велико , что я не чувствую охоты начинатьъ съ ними брань на перьяхъ. Однакожь , для тѣхъ изъ моихъ Сѣверонѣмецкихъ товари-

щей , кошорые для себя, не для свѣша , занимающся военною наукою , хочу предложить нѣсколько вопросовъ , и дашь имъ богашую матерію къ размышленіямъ :

1) Можно ли одобришь , можно ли принять себѣ за образецъ смѣлое движеніе Французовъ , когда полководецъ ихъ въ 1798 году изъ Венеціянскихъ владѣній прошелъ до Брука , что при рѣкѣ Муръ , между тѣмъ какъ Австрійской Генералъ Лаудонъ стоялъ у него на лѣвомъ флангѣ въ Тиролѣ , а Эрцгерцогъ Карлъ подался на правой флангѣ въ Кроацію ? Что еслибъ въ это время всѣ Венеціянскія владѣнія вооружились , находясь за спиною Французской арміи ? Тогда Эрцгерцогъ Карлъ далъ бы совсѣмъ другой отвѣтъ на письмо Наполеоново , и не заключилъ бы невыгоднаго мира для Австріи !

2) Можно ли похвалишь слишкомъ много превозносимой , чрезвычайно дерзкой переходъ черезъ необитаемыя Альпійскія горы ?

Чтобы судишь о семъ справедливо , не надобно забыватьъ , что Французы , надѣясь на свою поспѣшность , не заготовили магазиновъ , и не имѣли времени заготовлять ихъ .

Если бы другой Генералъ, не Меласъ, — которой тогда забавлялся съ небольшимъ корпусомъ Генерала Сюше — выставилъ главную силу свою при Верцелли, и выходъ изъ горъ занялъ небольшимъ наблюдательнымъ корпусомъ: что было бы съ Французами? Лишь только отдѣленной корпусъ появился бы на открытѣ мѣстѣ, главная Австрійская армія тотчасъ могла бы напасть на него и истребить. Это необходимо должно было случиться, и очень скоро, пошому что Французы, не имѣя средствъ держаться между ледяными Альпами за недостаткомъ съѣстныхъ припасовъ, принуждены были бы или драться, или умереть съ голоду.

3) Какъ надобно думать объ отважномъ дѣйствіи Генерала Бернадотта, которой въ прошлую осень — хотя съ многочисленнымъ корпусомъ, однакожь почти отдѣляясь отъ главной Французской арміи — переправился черезъ Дунай къ тылу всей Австрійской арміи? — Если бы надъ Австрійцами начальствовалъ опытный и храбрый Генералъ — не Макъ — и если бы ударилъ на Бернадотта, то не могли бы истребить весь Французской корпусъ, прежде нежели главная армія успѣла бы подать ему помощь?

Кажется, что сюда причислить надобно и слѣдующій вопросъ :

4) Можно ли одобрить, можно ли принять себѣ за образецъ смѣлое движеніе Французской арміи, которая прошла сперва до Вѣны, потомъ даже до Аустерлица, въ Моравію, между тѣмъ какъ въ Сѣверной Германіи собрались многочисленныя ополченія ?

Что еслибъ Аустерлицкое сраженіе было проиграно, или еслибъ Сѣверонѣмецкія Государства, принявъ сторону Австріи, послали свои войска прямо къ Дунаю, куда они безъ сомнѣнія могли бы придти прежде или чепырью днями ранѣе Французовъ ? Каково было бы симъ послѣднимъ отступать, имѣя передъ собою многолюдную армію, а за собою свѣжія, еще неутомленныя непріятельскія войска ?

Не стану произносить своего рѣшительнаго мнѣнія; скажу только, что ежели столь отважныя предпріяшія и были удачны, по крайней мѣрѣ ихъ не лзя считать образцами; онѣ только показываютъ слабость прошиениковъ.

Изъ всего сказаннаго явствуетъ, что Французы въ военномъ искусствѣ ни чемъ не превосходятъ сѣверныхъ Нѣмцовъ, и что они

не изобрѣли ничего новаго. Приспупаю къ разсмопрѣнію втораго вопроса.

(Окончаніе въ слѣдующемъ Нумерѣ)

II.

Изображеніе новой Политикѣ.

(Писано въ Маѣ 1806.)

Произшествія слѣдуютъ однѣ за другими съ чрезвычайною скоростію. О какъ мало онѣ соотвѣтствуютъ тѣмъ надеждамъ; которыя въ насъ родились на зарѣ новой; много обѣщавшей эпохи! Счастливы, кто при началѣ ея понесъ съ собою въ могилу прекрасныя свои надежды; счастливы, кто, живучи одинъ въ мѣрѣ, можетъ съ равнодушіемъ смотрѣть на будущее! ибо спокойствіе — единственное благо, котораго легковѣрные умы ожидали отъ новаго порядка вещей, и которымъ шѣшили себя и весь свѣтъ — навсегда для нихъ потеряно. Что начато насильственнымъ образомъ, то и въ продолженіи своемъ сохранивъ прежній характеръ, — и всеобщее порабощеніе наконецъ произведетъ всеобщее сопротивленіе. Тогда дѣла наши понесутъ жестокое наказаніе за то, что мы дѣлали и дозволяли другимъ дѣлать несправедливости. Пораженіе шѣмъ будетъ ужаснѣе, что все

свѣдѣнное: все истинное предано забвенію; оно
 тѣмъ будетъ ужаснѣе; что почти никто
 изъ насъ не можетъ, для опреданія себя,
 сослаться на законъ справедливости и чести,
 которые дерзновенно нарушены; или на-
 рушеніе которыхъ одобряемо было въ мол-
 чаніи.

За нѣсколько лѣтъ можно было пред-
 видѣть; что нынѣ угрожаетъ намъ; по край-
 ней мѣрѣ теперь уже ослѣпленіе миновалось:
 Уже сильнѣйшій не скрываетъ своихъ намѣ-
 реній; уже не одинъ разъ торжественно бы-
 ли объявлены правила, противныя системѣ
 равновѣсія: „Сія система — такъ гово-
 рятъ — ничего кромѣ войны не произво-
 дитъ“ . . . какъ будто война для смерт-
 ныхъ, вѣрующихъ въ безсмертіе, злѣе всѣхъ
 несчастій; и какъ будто насильственный
 миръ есть миръ истинный. О если бы тѣ,
 которые нынѣ произносятъ похвальныя сло-
 ва тишинѣ и спокойствію, еслибъ они преж-
 де имѣли такія же распложенія; и пощади-
 ли насъ отъ своей революціи; за которую
 необходимо нынѣ слѣдуютъ столь важныя
 превращенія! . . . Необходимо? не уже ли
 все такъ думаютъ? По моему мнѣнію,
 Европа могла бы еще оставаться при своей
 системѣ равновѣсія; при сей системѣ, ко-
 торая конечно имѣетъ свои хорошія сто-
 роны. Скажу торжественно, что подъ ея

покровомъ нѣсколько сошъ лѣшъ процвѣшалаи малыя независимыя Государства, копорыя не имѣли другой защиты, кромѣ системы равновѣсія и всѣми признанной законности ихъ существованія.

Возмемъ въ примѣръ государственное шѣло Нѣмецкой Имперіи, которая при всѣхъ своихъ недостаткахъ шѣмъ болѣе достойна почтенія, что существованіе ея свидѣтельствовало о бышїи чувства справедливости, и что она разрушилась тогда, какъ сильныя согласились не уважать правды; возмемъ многіе Княжескіе Дворы, обиталища вѣжливости, въ копорыхъ Музы, изгнанныя изъ пышныхъ столицъ, находили для себя возжелѣнное пристанище, и копорымъ Германія, можетъ быть, обязана своимъ просвѣщеніемъ; возмемъ малые вольные города, койхъ граждане, окруженные сильными Владѣтелями, съ гордымъ чувствомъ независимости провождали въ стѣнахъ своихъ жизнь прилѣжную, веселую и безопасную, потому что въ случаѣ нападенія имѣли подъ рукою надежную помощь; возмемъ республики Швейцарскія, и небольшія Италіянскія Государства — — Если сильный отважился нарушить справедливость, какъ всѣ обращали на то свое вниманіе! какъ всѣ принимали участіе въ обидѣ! Если ушѣснитель не всегда былъ принужденъ загладитъ вину свою, по крайней

мѣрѣ онѣ всегда старался разными предлогами, разными оправданіями прикрыть свой поступокъ — а это уже и значить, какое имѣли уваженіе къ общему мнѣнію.

Какую прошивуположность представляешъ намъ новая система! Нѣтъ никакихъ законовъ справедливости; нѣтъ права обладанія собственностію, сего права, освященнаго рядомъ спольпій; — одно сильное слово рѣшилъ все. Уже около пятидесяти независимыхъ областей лишены бытія политическаго; большая часть изъ нихъ едва извѣстны были по имени тому, кто опнялъ у нихъ свободу, между тѣмъ какъ самыя малыя изъ сихъ независимыхъ областей, разоренныхъ подобно муравейникамъ, можеть быть изобилуетъ историческими чертами героизма и гражданскихъ добродѣтелей. Ихъ свобода, купленная трудными пожертвованіями, возвращенная любовью, сбереженная неусыпными стараніями, устояла среди потрясеній войны тридцатилѣтней. Знаменитые Мужики, которые конечно *никому не уступаютъ въ достоинствѣ*, при заключеніи мира въ Минстерѣ и Оснабрикѣ, не дозволили себѣ прикоснуться къ сей святынѣ (*). — Безре-

(*) Здѣсь говорится о Вестфальскомъ Трактатѣ, единственномъ въ своемъ родѣ. Сто пятьдесятъ лѣтъ онѣ служилъ Поли-

спанно помѣщающа въ Вѣдомостяхъ извѣстїя, что та или другая область безвинно лишилась своею независимости, которую съ честью для себя защищала въ продолженїе столѣтїй. Не помогаютъ ни торжественныя поручительства, ни священнѣйшія обѣщанїя. Вчера дано слово: сего дня нарушаютъ его — не забывая ни о предлогахъ, ни объ извиненїяхъ; такъ угодно — и все шупъ. „Слупайте, поручите себя благоволенїю вашего Государя!“ это слово, произнесенная къ Дунашамъ одного вольнаго города тѣмъ самымъ человѣкомъ, который за нѣсколько дней неизменно поручился за ихъ независимость!! Въ изданной прокламаціи рѣшена судьба цѣлаго Королевства еще прежде, нежели оно завоевано, и сія прокламація слу-

щическимъ основанїемъ для всей Европы. Когда въ Амьенѣ продолжались мирныя переговоры, Французскїй Авторъ Г. Десаль описалъ и разобралъ мудрыя постановленїя Вестфальскаго Трактата. Хотя въ сочиненїи семъ ничего не было соблазнительнаго, однакожь правительство, въ самый день появленїя книги, отняло всѣ экземпляры у Автора, который только тѣмъ содрѣшилъ, что хвалилъ систему равновѣсія, ненавистную — какъ нынѣ уже открылось — для Бонапарте. Одинъ Нѣмецкой, весьма уважаемой Писатель, которому удалось достать сію книгу, обѣщается любопытныя отрывки изъ нее помѣщать въ своемъ Журналь. — *Изд.*

жить вмѣсто сношеній съ прочими Державами!! Провинціи дружественной Державы заняты чужимъ войскомъ, тогда какъ еще не окончаны переговоры объ уступкѣ, и гонецъ прежняго Владѣтеля — Государя миролюбиваго, которой охотно жертвуетъ всѣмъ для сбереженія крови *вооруженныхъ* своихъ подданныхъ — еще не успѣлъ приготовить испуганныхъ жителей сею переменною; даже по прибытіи гонца жители все еще не знали, кому они достанутся; наконецъ черезъ нѣсколько дней объявляютъ имъ, что они подарены чужестранному Принцу, находящемуся въ службѣ чужестранной Державы!! Если гдѣ-либо и осталась еще область независимая, тамъ исчезло довѣріе, исчезла пріятная благонадежность; унылые граждане думаютъ только о томъ, какъ бы сдѣлать себя беззащитными, собственными руками разрушаютъ стѣны свои, которыя увеличиваютъ ихъ опасность.

И все сіе, что мы видѣли, и чего впредь должны ожидать, случилось по необходимости? развѣ не возможно было сдѣлать надежащаго сопротивленія? развѣ многіе милліоны людей униженныхъ и оскорбленныхъ не согласились бы лучше терпѣть всѣ бѣдствія войны; нежели дожить до такого поношенія?

У насъ были коалиціи ; но онѣ, кажется, не возбудили общаго участія : намъ была надобна единственная коалиція, единственное спасительное средство. Надлежало забыть любовь къ частнымъ выгодамъ, надлежало пренебречь страсть къ новостямъ, и съ безкорыстіемъ, съ твердостью защищать прежній порядокъ. Во времена, каковы наши послѣ ужасныхъ опытовъ, каждой почувствовалъ бы, что кто сражается за права собственности, за справедливость ; тошъ защищаетъ все человѣчество, и самую добродѣтель. Нашлось бы множество обожателей добродѣтели ; примѣру ихъ послѣдовали бы всѣ прочіе. А какъ человѣкъ, стремясь къ благородной цѣли, и зная, чѣмъ онъ жертвуетъ для нее, чувствуетъ, что душа его возносится и подкрѣпляется ; то можетъ бытъ сія эпоха произвела бы спасительную перемену въ нравственности, — можетъ бытъ добродѣтели Рыцарскихъ временъ опять пробудились бы въ сердцахъ нашихъ. Какъ бы то ни было, одно уже намѣреніе Государей — которые никогда не должны забывать, что потомство ожидаетъ ихъ — одно уже доброе и поспоянное намѣреніе приобрѣло бы имъ безсмертное имя.

Теперь чего одинъ хочетъ, то и дѣлается. Система перевѣса — для новой вещи выдуманно уже новое выраженіе — заступаешь

мѣсто системы равновѣсія; планеты приготавливаются занять назначенныя для нихъ мѣста около солнца; кто и радъ бы пропиться, долженъ по неволѣ повиноваться, до тѣхъ поръ, пока

Между шѣмъ всего нужнѣе политическiе Писатели, изъ коихъ превосходнѣйшiе осшавили сцену, и уступили свои мѣста Софистамъ: только одинъ дозволяетъ себѣ иногда выговорить рѣзкое слово. — Впрочемъ правое дѣло напечатлѣно въ сердцѣ каждаго добраго гражданина, и не требуетъ оправданiя; но слабо защищая оное, можемъ подвергнуться опасности, можемъ сдѣлаться смѣшными и презрѣнными для нашихъ противниковъ.

(Съ Нѣмецкаго.)

III.

Извѣстiя и замѣтанiя.

Нѣсколько недѣль сряду Парижскiя газеты были необыкновенно скромны, по естѣ не опзывались съ явною грубостiю о Дорахъ чужестранныхъ. Въ сiе время помѣщенъ былъ въ нихъ весьма забавной упрекъ на счетъ Англiйскихъ Журналистовъ, которые „одни въ цѣломъ свѣтѣ согласи-

лись между собою нападать на внѣшнія
 Правительство.“ Нынѣ Французскіе сочи-
 нители публичныхъ листковъ ояшь начали
 выдумывать клеветы безстыднѣйшія. Въ
 Journal de l'Empire напечатана оскорбитель-
 ная статья на счетъ одной великой Нѣмец-
 кой Державы, войска ея и полководцевъ.
 Издатель не посовѣспился поставить на-
 верху: *Изъ Касселя.* Въ Publiciste помещена
 статья тогожъ разбору, будпо бы изъ
Дрездена. Сочинители вѣдомостей, кажеш-
 ся, условились сообщать публикѣ всѣ меч-
 ты разстроенаго своего воображенія. Сии
 пустословы каждое чужестранныхъ Дворовъ
 предпріятіе, противное намѣреніямъ Г-на
 Бонапарте, приписываютъ заговору, даже
 подкупленію. Только низкія души способ-
 ны къ такимъ низкимъ подозрѣніямъ. Если
 соплешатели гнусныхъ лжей попадутся въ
 руки тѣхъ особъ, на которыхъ безстыдно
 клеветаютъ: что съ ними будетъ? не оп-
 дадутъ ли ихъ подъ военной судъ, чтобъ
 послѣ разспрѣлять, не выслушавъ оправда-
 нія? *Этого конетно не случится.* Дерзкіе
 оскорбители будутъ наказаны — презрѣ-
 ніемъ.

Каково мучителямъ слышать, что не
 только во многихъ городахъ Нѣмецкихъ,
 но даже въ Лондонѣ и Коленгагенѣ дѣлают-
 ся добровольныя складки въ пользу вдовы и

дѣтей книгопродавца Пальма? Въ одномъ Нѣмецкомъ Журналѣ помѣщено описаніе казни сего невиннаго спрдальца, которое заключено слѣдующими досипомятными словами: „Насъ разстрѣливаютъ какъ мятежниковъ за то, что зываемъ о спасеніи общаго нашего отечества, и оплакиваемъ наши бѣдствія! Чего остается ожидать, если это продолжится? Каждой Прусакъ, Гессенецъ, Саксонецъ, словомъ — каждой Нѣмецъ, которой съ мечемъ въ рукѣ будетъ защищать свое отечество, можетъ, какъ мятежникъ, подвергнуться безчестной казни, подобно Неаполитанцамъ и Калабрійцамъ!“

Бонапарте отправился изъ Парижа въ Германію. Октября 3 (нов. ст.) онъ былъ уже въ Вирцбургъ. При немъ находится Іеронимъ, братъ его. Въ самый день отъѣзда Наполеонъ сообщилъ Сенату письмо, которое писалъ къ Баварскому Курфирсу, и въ которомъ увѣдомляетъ сего Государя, что если Пруссія не дастъ скорого и обстоятельнаго отвѣта на предложенные вопросы, то онъ (Бонапарте) выступитъ противъ нея съ 300,000 Франгузовъ. Какъ бы то ни было, кажется война неизбежна. Послы Прусскій и Французскій выѣхали, первой изъ Парижа, второй изъ Берлина. Фридрихъ Вилдгельмъ имѣетъ подъ непосредственнымъ своимъ начальствомъ сотрудииковъ и учениковъ Фри-

дриха Великаго; для нихъ не страшна новая Французская тактика. Въ груди Прусскихъ воиновъ и всей націи пылаетъ ревность отмстить за оскорбленія, нанесенныя имени Нѣмецкому. На сторонѣ Прусаковъ многія выгоды: около 200,000 вспомогательныхъ войскъ разныхъ Державъ готовы раздѣлять съ ними труды и славу. Главная квартира Короля Фридриха Вильгельма теперь находится въ Эрфуртѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что военныя дѣйствія начнутся въ Саксоніи. Курфирштъ Саксонскій, который, какъ видно, знаетъ настоящую цѣну Королевскихъ вѣнцовъ, жалуемыхъ отъ революціоннаго правительсва, рѣшился лучше принять сторону справедливости, нежели подвергнуться порабоженію: онъ присоединилъ къ Прусакамъ своихъ 30,000 человекъ. Курфирштъ Гессенскій можетъ в ы с н а в и ш ь столько же.

Дѣла между Англіею и Пруссіею идутъ весьма хорошо. Уже Англійское правительство повелѣло освободить отъ осады устья Эльбы, Везера и Эмса, равно и берега приморскіе, находящіеся между сими рѣками. Пристани Балтійскаго моря и Сѣвернаго по прежнему будутъ открыты для Англійскихъ кораблей. Ганноверъ останется въ томъ состояніи, въ какомъ находился до войны, то есть подъ охраненіемъ войскъ Прусскихъ и

Шведскихъ. Для окончательныхъ условій о сихъ распоряженіяхъ Лордъ Морнетъ отправился къ Берлинскому Двору въ качествѣ чрезъвычайнаго Посланника. Равнымъ образомъ въ Лондонѣ ожидаютъ прибытія Барона Якоби ; Прусскаго Министра.

Лордъ Лаудердадь по отъѣздѣ Бонапарте ведетъ переговоры съ Министромъ Шампаньи. Вообще думаютъ, что Англійскій Негоціантеръ скоро будетъ опозванъ въ отечество. — Пишутъ изъ Амбдена въ Лондонѣ, что Король Прусскій намѣренъ 40,000 человекъ своего войска предоснавить въ распоряженіе Принца Оранжскаго, съ тѣмъ, чтобы дѣйствуя со стороны восточной Фрисландіи, помочь Голландцамъ свергнуть съ себя постыдное иго порабощенія, подъ которымъ они теперь изнемогаютъ. Войска Французскія и Голландскія выступаютъ на границу; надъ ними начальствуетъ Лудовикъ Бонапарте, коюрой уже приѣхалъ въ Везель. Хотя Французы и утверждаютъ, что 80,000 человекъ употреблено будетъ для защищенія Голландіи; однакожь вѣроятнѣе, что дѣйствія, приготавлиаемыя въ Германіи, не позволятъ имъ здѣсь оставить столь многочисленной корпусъ. Намѣреніе, возвратитъ Оранжскому Дому управленіе соединенными областями, можно почитать предвѣстникомъ все-

общаго порядка въ Европѣ и возстановленія спокойствія на швердомъ основаніи.

Эрцгерцогъ Фердинандъ, братъ Римскаго Императора, присоединился къ Рейнскому союзу. Наполеонъ въ письмѣ своемъ къ Примасу увѣдомляетъ сего Князя, что онъ (Бонапарше) принялъ шило Протектора единственно для защищенія союзныхъ областей отъ внѣшняго и внутренняго нападенія; но что вовсе не будетъ вмѣшиваться въ дѣла правительствъ, и не признаетъ себя власти самодержавной. Такой краткой отзвъ въроятно сдѣланъ для того; чтобъ какъ-нибудь утолишь негодованіе Князей Нѣмецкихъ, а особливо Австрійскаго Монарха. Между шѣмъ Французы все еще не отдають крѣпости Браунау; которую давно уже надлежало бы очистишь, по силѣ статьи Пресбургскаго трактата. Въ Австрій всѣ корпусы дополнены; и неусыпными поличеніями Эрцгерцога Карла приведены въ хорошее состояніе. Въ Богеміи заложены магазины. Войска расположены на границахъ Богемскихъ и Верхне-Австрійскихъ. Графъ Калькрейтъ, Прусскій Генераль; прибывши въ Вѣну съ важными препорученіями отъ своего Короля; шотчасъ посѣщилъ Графа Сиадіона, съ которымъ весьма долго разговаривалъ. Австрія внимательнымъ окомъ наблюдаетъ военныя движенія. Если сія держава рѣшилась принять

участіе въ дѣйствіяхъ, то при нынѣшнемъ случаѣ успѣетъ вознаградитъ свои потери, спастъ по прежнему на чреду Государствъ правосудныхъ, и опмститъ надменному некріпелю за всѣ оскорбленія:

✽

Между Сербами и Турками 29 и 30 Августа, недалеко отъ Ниссы, происходило великое сраженіе; которое продолжалось 15 часовъ. Первые сначала были въ крайней опасности; но получивъ подкрѣпленіе, одержали совершенную побѣду. Турки потеряли 4000 человекъ; уронъ Сербовъ неваженъ. — Черный Георгъ спустошаетъ окрестности Бѣлграда. Сей военачальникъ говоритъ, что съ 30 человекъ могъ бы взять приступомъ Бѣлградъ; но что ему хочется облежаніемъ принудить гарнизонъ сдаться. Въ Семендріи собрался было Синодъ, состоящій изъ одного Прохоропа и многихъ богатыхъ помещиковъ, подъ председательствомъ Сербскаго Епископа. Сіе Собраніе объявило себя верховнымъ правительствомъ націи; и хотѣло отдавать приказанія по части военной и гражданской. Черный Георгъ, узнавши о томъ, немедленно приѣхалъ въ Семендрію, уничтожилъ опредѣленія Синода, и заслупилъ Членовъ, говоря, что, пока живъ, не дозволитъ никому быть выше себя, и что не имѣетъ нужды ни въ какихъ совѣтникахъ. — Въ окрестностяхъ Сабача и

въ другихъ мѣстахъ опряды Турковъ разби-
ты совершенно. — Мясешники въ Адрианопо-
ль провозгласили Султаномъ какого-то
Мусшафу. Пашрули ихъ развѣзжаютъ въ 4
миляхъ отъ Константинополя.

Р. С. Въ Берлинѣ получено съ эшта-
фетою извѣстїе о начавшихся непрїятель-
скихъ дѣйствїяхъ между Пруссаками и Фран-
цузами. Генераль Тауэнцинъ, идучи изъ
Франконїи въ Нейштадтъ для соединенїя
съ арміею Князя Гогенлоэ, имѣлъ перестрѣл-
ку съ Французами, и не потерявъ ни одно-
го человѣка, достигъ до назначеннаго мѣста.
Французовъ убито *десять*. Начало доб-
рое! — О сраженїи въ Калабрїи, о смерти
Массены, и о прибытїи Моро въ Лиссабонъ,
не получено подтвердительнаго извѣстїя.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

Н О Я Б Р Ъ , 1806.

№ 22.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

О супружестве ().*

Мы не можемъ быть счастливы, если не имѣемъ при себѣ людей, искренно намъ преданныхъ. Слабость нашего существа необходимо пребудетъ, чшобы кто - нибудь раздѣлялъ съ нами печаль и радость. Со всѣмъ шѣмъ, какъ полагаешься на привязанность людей? какъ полагаешься на ихъ справедливость? Остаешься, живучи въ мѣрѣ, сотворишь для себя другой мѣрѣ. Не станемъ блуждать въ густомъ лѣсу, ночью, въ бурную погоду; построимъ для себя хижину: пускай вѣтры свистятъ вокругъ насъ — мы не убоимся ихъ, сокрывшись въ убѣжищѣ.

(*) Изъ Модн. Журн.

Женщина есть лучшей другъ изъ всѣхъ, которые насъ любятъ; она живетъ съ нами и тогда, когда фортуна разгонитъ всѣхъ пріятелей. Обыкновенные наблюдатели говорятъ, что полъ нашъ есть всегдашній защитникъ другаго, которому достались въ удѣлъ только слабость и прелести; но не часто ли сей полъ бываетъ утѣшеніемъ, надеждою, опорой нашею въ опасностяхъ и злоключеніяхъ? Кажется, женщина одарена всѣми средствами павнать, единственно для того, что она одна можетъ доставить намъ благополучіе. Она украшаетъ счастливые дни наши; смягчаетъ жестокость несчастія. Мало ли есть людей, которые, бывъ подкрѣплены постоянною твердостью добродѣтельной супруги, говорятъ при изліяніи сердечныхъ чувствъ: „Я ничего не лишился; твое сердце мнѣ осталось! несчастія освобождаютъ меня отъ тысячи заблужденій; благословляю ихъ: онѣ возвратили меня тебѣ, единственному другу мой! онѣ открыли мнѣ всю любовь твою!“ — Къ какому геройскому подвигу не способна женщина, когда дѣло идетъ о спасеніи любимаго человека отъ опасности! Она не думаетъ о своихъ выгодахъ, забываетъ страхъ и самолюбіе; преодолевая слабость, лишается всѣхъ качествъ своего пола — кромѣ добродѣтели и прелестей; рѣшительность ея изумляетъ, часто смягчаетъ са-

мныхъ тирановъ. Чтобы увидѣть во всемъ блескъ неустрашимости женщины, предположимъ, что супругъ ея заслужилъ несчастіе. Когда всѣ презираютъ его; — она одна почитаетъ его невиннымъ, она одна спрашиваетъ съ нимъ, льетъ бальсамъ утѣшенія на раны разтерзаннаго сердца. Жена добродѣтельная несчастіе мужа почитаетъ своимъ собственнымъ; охотно раздѣляетъ неволю, даже ссылку съ тѣмъ, кто лишаетъ ее спокойствія. Бѣдный на лонѣ невинности находитъ убѣжище отъ мучительныхъ угрызений. Такъ въ древнія времена изгнанники спасали себя отъ ярости людей у подножія священныхъ жертвенниковъ.

Самое счастье доставляетъ пріятнѣйшія наслажденія, когда окружающія существа помогаютъ намъ проходить путь жизни. Выборъ подруги есть лучшій, можетъ быть единственный способъ заготовить себѣ утѣхи для будущихъ горестей. Не должно полагаться на удовольствія; доставляемые богатствомъ, качествами ума и сердца: тотъ въ жизни своей не испыталъ живѣйшихъ наслаждений, кто не былъ ни отцомъ, ни супругомъ.

Важнѣйшее обстоятельство въ жизни человѣческой есть — выборъ подруги. Обманув-

шись въ семь выборѣ , вмѣсто продолжительныхъ удовольствій , вмѣсто ожидаемаго благополучія , находимъ въ собственномъ домѣ своемъ всегдашнїя огорченїя. Въ такомъ случаѣ уединенїе, науки, дружество, облегчаютъ наше состоянїе ; мы ищемъ разсѣянїя въ шумныхъ обществахъ , но нигдѣ не обрѣтаемъ счастья , которое получили надѣялись.

Есть средство , и кажется вѣрное , сдѣлать супружество счастливымъ. Правда , сїе средство сопряжено съ затрудненїями ; однакожь многїе примѣры доказываютъ возможность. Я хотѣлъ бы , чтобъ молодой человекъ , съ умомъ и опытностїю , выбравъ для себя дѣвицу , сперва поселилъ въ ней дружбу , потомъ любовь ; словомъ , я хотѣлъ бы , чтобъ онъ , такъ сказать , самъ воспитывалъ ее , обрабатывалъ бы качества ея , отъ которыхъ зависитъ счастье жизни: и — супружество оправдаетъ всѣ прїятныя надежды.

Когда мужчина заставитъ молодую дѣвицу любить себя , когда успеетъ увѣрить ее , что желаетъ ей счастья , и что опытность его можетъ быть для нее вѣрною пушеводительницею ; тогда уже не трудно образовывать ея способности , и сдѣлать ее любезною. Болѣе всего должно стараться усовершенствовать ея сердце. Красота пленяетъ любовника ; уму удивляются свѣтскїе люди :

но въ однѣхъ качествахъ сердца мужъ находитъ постоянное счастье. Природа надѣляетъ женщинъ самыми пріятными склонностями; не часто ли видимъ въ нихъ качества, которыхъ сами не имѣемъ? Ласковость женщины смягчаетъ нашу суровость; ея терпѣніе умѣряетъ гнѣвъ нашъ; ея кротость, даже легкомысліе, дѣлаютъ насъ крошечными, снисходительными; ея любезность вылѣчиваетъ насъ отъ угрюмага педанства; ея примѣры возбуждаютъ въ насъ любовь къ тихимъ добродѣтелямъ. Не трудно образовать сердце женщины: надобно только раскрыть любезныя качества пола ея — въ томъ все дѣло. Научивши женщину смотрѣть на свѣтскія удовольствія съ той точки, съ какой сами смопримъ, навсегда предохранимъ нѣжное сердце ея отъ опасныхъ соблазновъ.

Послѣ того надобно просвѣтитъ умъ своей ученицы. По моему мнѣнію, должно образовать качества ума ея такъ, чтобъ она ни была невѣждою, ни хотѣла казаться *угеною*. Женщина, для собственнаго своего счастья, должна исполнить предназначеніе Природы, должна заниматься мужемъ, воспитывать дѣтей, управлять домомъ; а извѣстно, что та, которая выдаетъ себя *угеною*, обыкновенно такія заботы почищаетъ маловажными. Чѣмъ же займется она, исполнивъ должности супруги, матери, хозяйки? пускай

посвятить остающееся время дружбѣ и гостепріимству. Есть еще упражненія, которыми женщины пренебрегать не должно. Я хотѣлъ бы, чтобъ она по нѣскольку минутъ сидѣла за уборнымъ столикомъ, чтобъ умѣла для себя выбрать модной нарядъ простѣе другихъ и красивѣе. Мы лишились бы многихъ удовольствій, запретивъ женѣ своей проводить время въ семъ невинномъ упражненіи, которое обновляетъ ея прелести, и, такъ сказать, представляетъ красоту ея въ разныхъ видахъ. Пускай себѣ строгіе Катюны гсворятъ, что угодно; я не боюсь ихъ кришкы, ежели только женщина, занимаясь нарядами, не выходитъ за предѣлы умѣренности. Наконецъ, чпеніе и пріятныя искусства почишаю вѣрнымъ лѣкарствомъ отъ скуки; но опяшь скажу, что любить жену свою и хотѣть видѣть ее *ученою* — есть явное прошивурѣчіе. Женщина, живучи съ книгами, приобретаетъ поверхностныя знанія, и спановишся смѣшною; педанство помрачаетъ блескъ прелестей; ученая женщина терзаетъ всѣхъ ложными своими умствованіями и чрезмѣрнымъ самолюбіемъ. Не смѣя сомнѣваться въ способностяхъ прекраснаго пола къ ученымъ трудамъ, скажу, что ученость не дѣлаетъ женщинъ лучшими, и что крошость и прелести, которыя достались имъ, суть неоспоримыя права ихъ обладать сердцами.

Дроздъ.

II.

*Первое путешествіе Россіянъ около
Сѣвера.*

Россійско - Американская Компанія, ободрена будучи успѣхами торговли мягкой рухлядью, шому уже нѣсколько лѣтъ завела селенія на Сѣверовосточныхъ берегахъ Америки, начиная отъ рѣки Коока до Норд-Фолкскаго пролива. Увеличившееся число людей, занятыхъ торговлею и мореплаваніемъ, подало поводъ заботиться о доставленіи въ тѣ страны Европейскихъ издѣлій, военныхъ и сѣспныхъ припасовъ; ибо на Алеутскихъ островахъ, и на берегахъ Американскихъ не сѣютъ никакого хлѣба. Хотя въ проливѣ Принца Вильгельма была учреждена верфь корабельная, и строены суда, копорья могли поднимать по двѣсти пятьдесятъ бочекъ груза; однакожь скоро замѣчено, что кромѣ дерева, въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ никакихъ строевыхъ матеріаловъ. Самыя необходимыя потребности доставляемы были въ селенія Россійско - Американской Компаніи черезъ Якушскъ и Охотскъ. По причинѣ дальняго разстоянія и трудности въ провозѣ, для котораго ежегодно употребляется 4,000 лошадей, цѣна на товары въ самомъ Охотскѣ часто поднимается до 560 процентовъ и

выше (*). Такъ на примѣръ въ самую дешевую пору продается пудъ ржаной муки по *пяти* рублей, пудъ табаку по *двадцати* *пяти* рублей, ведро простого вина по *двадцати* рублей и проч. Не рѣдко большая часть перевозимыхъ товаровъ остается въ рукахъ разбойниковъ. Доставка канатовъ и якорей корабельныхъ казалось совсѣмъ невозможнымъ. Необходимость принудила выдумать къ тому средства, которыя не рѣдко были пагубны для кораблей: канаты перерѣзывали на части, длиною по 7 и 8 сажень, а въ Охотскѣ опять связывали; отъ чего снарядъ терялъ свою крѣпость. Равнымъ образомъ якоря перевозимы были частями же, и на мѣстѣ уже спаиваны очень худо, за недостаткомъ въ знающихъ ремесленникахъ. Перевозъ до Охотска былъ труденъ и убыточенъ; но отъ Охотска до острововъ и твердой земли Америки еще труднѣе и ненадежнѣе. Неискусное построеніе судовъ, неопытность кормчихъ, опасное плаваніе по

(*) Между Якутскомъ и Охотскомъ нѣтъ большой дороги; клажа перевозится на вьюкахъ; каждая лошадь несетъ около 5 пудовъ, и проходитъ въ день по 20 верстѣ. Цѣна за перевозъ по 1 копейкѣ на версту. При шести вьючныхъ лошадяхъ находится одинъ погонщикъ, которой, кромѣ лошади для себя самого, беретъ въ дорогу еще двѣ запасныхъ. Отъ Якутска до Охотска считается 1020 верстѣ.

Восточному Океану — все сіе было пагубно для кораблей и дорогаго груза. Передъ отплытіемъ Экспедиціи въ путь около Свѣша въ Россіи при года не получали никакого извѣстія изъ *Кадьяка*.

Американская торговля, сопряженная съ великими трудностями — копорыя могли бы испрашить всѣхъ другихъ, но копорыя преодолены мужествомъ Россіянъ — доставляешъ занимающимся ею великой прибытокъ; она приносила бы еще болѣе выгодъ, когдабы удалены были всѣ неудобства. Съ тѣхъ поръ, какъ торгъ мягкою рухлядью началъ производиться не частными людьми, но Обществомъ, сдѣланы такія распоряженія, копорыя могутъ имѣть счастливое дѣйствіе на дальнѣйшіе успѣхи. Компанія приняла въ свою службу одного Англичанина, копорой выстроилъ прекрасной корабль на берегу Американскомъ, самъ привелъ его, и обязался продолжатъ свою работу. Она доставляетъ Капитанамъ исправнѣйшія морскія карты, математическія и астрономическія орудія, книги о наукахъ, касающихся до мореходства, и описанія новѣйшихъ путешествій. Но со времени Царствованія ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I — Копорый созволилъ принять Компанію подъ Высочайшее Свое покровительство, и даже взялъ участіе въ торговыхъ ея оборотахъ, чтобы

примѣромъ своимъ другихъ заохотить къ тому же — Компанія прилѣжно занялась преобразованіемъ столь важной части.

Она съ самаго начала обратила все свое вниманіе на то, чтобъ легчайшимъ и надежнѣйшимъ способомъ доставлять припасы въ селенія, копорья, находясь въ мѣстахъ бесплодныхъ, удобно могли бы придти въ упадокъ, — дать имъ средства обороняясь отъ нападенія тамошнихъ природныхъ жителей, — завести исправное корабельное строеніе, и запасшись хорошими якорями и канатомъ, отъ копорыхъ по большей части зависитъ безопасность судовъ, — наконецъ послашь туда искусныхъ и опытныхъ матросовъ, въ копорыхъ терпѣли шамъ великую нужду.

Еще въ 1802 году, когда морскимъ Офицерамъ дозволено служить на купеческихъ корабляхъ, Компанія приняла въ службу свою искуснаго мореходца, Поручика Хвостова, котораго опправила въ Охотскъ, и копорому поручила одинъ изъ лучшихъ своихъ кораблей. Компанія удалилась бы отъ своей цѣли, если бы, для облегченія способовъ труднаго и убыточнаго провоза до Охотска и Америки, не опправляла кораблей своихъ прямо изъ Кронштадта къ селеніямъ Американ-

скимъ. Плавашили, выгрузивши товары въ селеніяхъ, берутъ тамъ значное количество мягкой рухляди, и мѣняютъ ее въ Кантонѣ на Китайскія произведенія, которыя привозятъ въ Россію, и получаютъ великую прибыль. Еще въ прежнее Царствованіе, Капитанъ Крузенштернъ, опытный мореходецъ, которой нѣсколько лѣтъ служилъ на Англійскомъ флотѣ, и совершилъ одно путешествіе въ Индію и Китай, представялъ Графу Кушелеву, Министру Морскаго Департамента, свой планъ о предпріятіи путешествія; неизвѣстныя причины помѣшали исполнить сіе намѣреніе. Въ нынѣшнее благополучное правленіе повелѣно планъ Г-на Крузенштерна и другія представленія разсмотрѣть съ надлежащимъ вниманіемъ. Адмиралъ Мордвиновъ, заступившій мѣсто Графа Кушелева, желалъ, чтобы первое путешествіе около Свѣта отправилось на издивеніи Правительства; а что и было бы сдѣлано, еслибъ Компанія не предложила снарядить корабли на счетъ собственной суммы. Правительство, способствуя полезному намѣренію Компаніи, ссудило ее 250,000 рублей на восемь лѣтъ, по пяти процентовъ.

Положено купить суда въ Англій. Флота Капитанъ Лисянскій, назначенный начальствовать на другомъ кораблѣ,

посланъ былъ съ корабельнымъ мастеромъ Разумовымъ въ Англію, гдѣ и купилъ за 17,000 ф. ст. два новые корабля, стоявшіе на рѣкѣ Темзѣ — *Леандеръ*, поднимающій 470 бочекъ, и *Темзу* о 430 бочкахъ грузу. Обить мѣдью и снабдить нужными снастями стоило еще 3,000 ф. с. Первому изъ нихъ дано названіе *Надежда*, второму — *Нева*.

Въ то самое время, когда покупаемы были корабли и дѣланы приготовленія къ путешествію, Правительство рѣшилось отправить Посольство въ Японію. Открытіе торговли съ симъ богатымъ островомъ обѣщаетъ великія выгоды для Россійско-Американской Компаніи. Недальнее разстояніе Камчатки, которой произведенія — мѣха, соленую рыбу и проч. — можно вывозить съ великимъ прибыткомъ, весьма много благопріятствуетъ сей торговлѣ. Еще прежде частные люди вели торгъ съ Японцами. Многимъ чинаптелямъ извѣстно, что Правительство въ 1792 году послало Поручика Лаксмана для препровожденія нѣсколькихъ человекъ Японцевъ, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе на берегахъ Россійскихъ, въ ихъ опечесство. Хорошій пріемъ сдѣланнаго предложенія отъ Россійскаго Правительства — а именно, чтобъ дозволено было одному кораблю ежегодно приспавать къ *Нан-*

газакки — подавалъ надежду, что отправивъ Посла съ богатыми подарками, можно приобрести еще болѣе выгодъ. Столь важное порученіе возложено на Господина Резанова, которой, для обезпеченія успѣха, долженъ былъ взять съ собою не только подарки, но еще нѣсколько Японцевъ, въ 1793 претерпѣвшихъ кораблекрушеніе у острововъ Андреяновскихъ, и жившихъ въ Иркутскѣ до 1797 году. Положено, чтобы Посольство опплыло на корабль *Надежда*; а какъ это могло задержать корабль на пути, и помѣшать ему возвратиться въ надлежащее время; то Правительство отправило его на собственномъ издвигеніи, дозволивъ Компаніи нагрузить сей корабль товаромъ, сколько помѣстится.

Грузъ обоихъ кораблей состоялъ изъ желѣза, парусины, якорей, канатовъ, пороху, пушекъ, ружей, пистолетовъ, сабель, муки, вина горячаго, рому, водки Французской, спиртовъ, кофе, сахару, чаю, шабаку, разныхъ ремесленныхъ орудій, наконецъ изъ товаровъ, которые можно мѣнять на произведенія тамошнихъ острововъ и береговъ Американскихъ. Компанія наняла двухъ корабельныхъ мастеровъ, многихъ слѣсарей, кузнецовъ и плотниковъ, которые обязались навсегда остаться жить въ селеніяхъ.

Кромѣ торговыхъ и политическихъ видовъ, еще Ученые были предметомъ путешествія. ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ соблаговолилъ употребить сей случай на пользу общаго просвѣщенія. Многіе ученые Мужи — въ числѣ которыхъ Натуралистъ Г. Тилезіусъ изъ Лейпцига, и Астрономъ Г. Горнеръ изъ Гамбурга — вызванные на выгоднѣйшихъ условіяхъ, объѣхали кругомъ земной шаръ на корабляхъ Россійскихъ. Г-да Эспенбергъ и Лабандъ, — извѣстные ученому Свѣту, со товариществомъ имъ въ качествѣ Медиковъ. Начальникъ Экспедиціи Г. Крузенштернъ, родомъ изъ Лифляндіи, есть не только искусный мореходецъ, но человекъ съ отличными достоинствами. Не задолго до отплытія, онъ женился, и, по обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить свою супругу въ Отечество. Великодушный МОНАРХЪ, желая обезпечить семейство Г-на Крузенштерна, пожаловалъ супругѣ его помѣстье въ арендное содержаніе.

Направленіе сей достославной Экспедиціи должно было быть слѣдующее: Положено, чтобы корабли, объѣхавъ Огненную Землю, разлучились у Сандвичевыхъ острововъ; Надеждѣ надлежало отвезти Посла къ берегамъ Японіи, и на зиму плыть къ Кодьяку; а Невѣ — отъ Сандвичевыхъ острововъ прямо къ Кодьяку, или же въ случаѣ надоб-

ности къ берегамъ Американскимъ. Оба корабля должны были зимовать у *Кодьяка*. Въ слѣдующемъ году они должны были вмѣстѣ плыть къ Американскимъ берегамъ для посѣщенія Россійскихъ селеній и для взятія товаровъ, въ Китай назначаемыхъ; Августа мѣсяца приплыть къ *Кантону*, и промѣнять товары Американскіе на Китайскіе; въ третій годъ плаванія въ Февралѣ отправиться въ Россію мимо мыса *Доброй Надежды*. Сличая сіе предположеніе съ извѣстіями, помѣщенными въ публичныхъ Вѣдомостяхъ, видимъ, что Экспедиція почти въ назначенное время совершила свое путешествіе. Россійско - Американская Компанія извѣщаетъ, что *Надежда* и *Нева* были въ *Камчаткѣ*, *Японіи*, *Китаѣ*, *Америкѣ*, и у многихъ острововъ. *Нева*, вмѣстѣ съ *Надеждою* отправившись изъ *Кантона* 20 числа Января, разлучилась съ нею у мыса *Доброй Надежды*; по причинѣ густаго тумана, и нигдѣ не останавливаясь, приплыла въ *Кронштадтъ* 2 Іюля. *Надежда* заходила къ острову *С. Елены* за съѣстными припасами, и пошому позднѣе возвратилась въ *Опечество*. Компанія получила съ кораблями множество товаровъ Китайскихъ — чай, фарфоръ и проч. — и Американскихъ; которые не проданы въ *Кантонѣ*. Достоинно замѣчанія, что во все продолженіе плаванія

оба корабля лишились только трех человек; все прочие путешественники возвратились здоровы.

(Изъ Вил. Журн.)

III.

Отрывокъ изъ Введенія, читаннаго въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, при началѣ преподаванія Теоріи Риторики.

(Опредѣленіе Риторики. Различіе между Словесностію прозаическою и стихотворною. Намѣреніе преподавателя. Важность Словесности. Злоупотребленіе Краснорѣчія. Начало Риторики. Что нужно Писателю. Польза Словесности.)

.
.
Слово *Теорія*, равно какъ почти все слова техническія, въ изящныхъ Наукахъ употребляемая, взято съ Греческаго языка, и значитъ *размышленіе, разсматриваніе, умственное обозрѣніе, созерцаніе*. Риторика происходитъ отъ стариннаго глагола *ῥέω* говорю; Греки произносили вмѣстѣ *ῥητορικὴ τέχνη*, или при словѣ *ῥητορικὴ* подразумевали *τέχνη*. И такъ Риторика есть Наука говорить. Теорія Риторики значитъ у насъ *обозрѣніе сей Науки*.

Разсмотримъ, въ чемъ заключалась Риторика у Древнихъ, и сколь обширны предѣлы ея въ наше время.

Греческіе Риторы и Софисты принимаютъ Исократово опредѣленіе: (*) *краснорѣе есть способность убѣждать*. Горгіасъ, въ Платоновомъ разговорѣ, даетъ Риторикѣ такую же дефиницію. Цицеронъ въ сочиненіи своемъ *Объ Ораторѣ* (**) и въ другихъ мѣстахъ пишетъ, что должность Орашора есть *говорить убѣдительно* (*accommodate ad persuadendum*), и что *цѣль Риторики есть убѣжденіе*. Квинтиліанъ, неодобряющій сего опредѣленія, замѣчаетъ, что убѣждаютъ иногда деньги, иногда знатность и достоинство вишіи, иногда убѣждаетъ одно дѣйствіе, безъ словъ. Антоній, защищая Манію Аквилія, раздралъ на немъ одежду, показалъ раны, полученныя имъ на сраженіи за опечество — и симъ дѣйствіемъ успѣлъ избавить его отъ осужденія. Сергій Гальба возбудилъ въ народѣ состраданіе, показавъ ему малолѣтнихъ дѣшей своихъ. Многіе думали, что Фрину не рѣчь Гиперидова защитила, но поступокъ сей прелестницы, кошорая, скинувъ полу, обнажила бѣлое шѣло свое. Слѣдственно, говоритъ Квинтиліанъ, опре-

(*) См. Quintil. Lib. II. Cap. XVI.

(**) Lib. I. 260.

дѣленіе не годится, пошому что не одно краснорѣчіе убѣждаетъ.

Другіе Риторы прибавляли: *краснорѣчіе есть способность говоря убѣждать*. Кажется и Платонъ былъ того же мнѣнія; ибо въ упомянутомъ разговорѣ Сократъ засматываетъ Софиста Горгіаса принять сіе опредѣленіе. Въ нѣкоторомъ сочиненіи о Риторикѣ — которое одни приписывали Теодексту, другіе Аристотелю — сказано: *предметъ Риторики есть искусство вести слушателей, куда захочетъ Ораторъ*. Но ведутъ людей куда захотятъ, или яснѣе, убѣждаютъ не одни Ораторы, но и женщины, и ласкашели, и соблазнительи. Слѣдственно и сіе опредѣленіе не удовлетворяетъ.

Аристотель въ извѣстномъ, до насъ дошедшемъ сочиненіи своемъ о Риторикѣ, опредѣляетъ ее слѣдующимъ образомъ: *она есть способность изобрѣтать все убѣждающее* (*). Квинтиліанъ опять замѣчаетъ, что и сіе опредѣленіе равно недоспачно; сверхъ того въ немъ упоминается только объ изобрѣшеніи, которое ничего не значитъ безъ выраженія (*eloquutio*).

(*). . . δύναμις περί ἕκαστου τοῦ θεωρητικοῦ τὸ ἐνδεχόμενον πρὸς τὸ πείθειν. Rhetorice est vis inveniendi omnia in oratione persuasibilia — по переводу Квинтиліана.

Наконецъ Квинтилианъ предлагаетъ свое собственное опредѣленіе: *Риторика есть наука хорошо говорить*. *Rhetorica est scientia bene dicendi*. Надобно замѣтить, что *bene dicendi* на Латинскомъ языкѣ значитъ болѣе, нежели на Русскомъ *хорошо говорить*: во первыхъ потому, что глаголъ *dicere* имѣетъ совершенно другую силу на одномъ языкѣ, нежели на другомъ *говорить*; во вторыхъ — что Квинтилианъ подъ словами *bene dicendi* разумѣетъ не только *говорить красно*, но *говорить*, какъ прилично благодѣтельному и честному человѣку. Онъ даетъ названіе Оратора только тому, кто вмѣстѣ и краснорѣчивъ и добродѣтеленъ. *Oratorem autem institimus illum perfectum, qui esse nisi vir bonus non potest*. Еще: *Neque enim esse oratorem, nisi bonus virum, iudico: et fieri etiam si posset, polius* въ двенадцатой книгѣ его *Ораторскихъ наставленій* первая Глава состоитъ изъ доказательствъ о томъ, что человѣкъ порочныхъ нравовъ не можетъ быть Ораторомъ. *Non posse oratorem esse nisi bonum virum*. Желательно, чтобъ это было справедливо. Цезарь, по свидѣтельству Цицеронову, былъ превосходный Ораиторъ, не будучи добродѣтельнымъ человѣкомъ. Въ наше время, извергъ Мирабо, нечестивѣйшій изъ Французовъ, прославился у нихъ даромъ краснорѣчія.

Упомянутыя здѣсь опредѣленія, и вообще сочиненія Древнихъ о Риторикѣ, показываютъ, что сею наукою занимались люди, готовившіе себя къ званію публичныхъ Орашоровъ, которые сказывали Рѣчи предъ народомъ и въ судилищахъ. Риторы учили юношество сочинять и произносить такія Рѣчи; въ томъ состояло главное ихъ упражненіе. Молодой человекъ въ училищѣ Грамматика предварительно готовился слушать наставленія Ритора. Надобно знать, что Грамматика содержала въ себѣ обширнѣйшее ученіе, нежели нынѣ. Всякой Грамматикъ былъ вмѣстѣ Филологъ и Кристикъ. Онъ показывалъ слушателямъ своимъ правила языковъ, читалъ съ ними Историковъ и Поэтовъ, разсматривалъ и поправлялъ рукописи, объяснялъ всѣ тайны словоупотребленія и гармоніи. Извѣстно, что въ древности лирическіе стихи пѣли при звукѣ музыкальнаго орудія, и что драматическая Поэзія состояла въ пѣніи; слѣдственно Грамматикъ долженъ былъ знать и Музыку. Тогда почиталось признакомъ дурнаго воспитанія, ежели молодой человекъ не умѣлъ произнести Греческаго или Латинскаго стиха правильно, то есть не нарушая ни количества (*quantitas*), ни мѣры (*rhythmus, numerus*). Въ наши времена Грамматика простирается не далѣе словосочиненія и просодіи, которая у насъ не такъ трудна, какъ у Древ-

нихъ. Риторика имѣетъ въ виду не одно только образованіе Орашоровъ; она объемлетъ всѣ роды прозаическихъ сочиненій.

Рѣчь вообще значитъ словесное выраженіе нашихъ мыслей и чувствій въ извѣстной связи, въ извѣстномъ порядкѣ. Правила, относящіяся до рѣчи, содержатся въ трехъ слѣдующихъ наукахъ: *Логика* или *Діалектика* учитъ правильно мыслить, рассуждать и умствовать; *Грамматика* опредѣляетъ значеніе словъ, употребленіе ихъ и взаимное сдѣпленіе; *Риторика* показываетъ способы пріятно и красиво предлагать мысли свои въ связи и порядкѣ, и располагать по надлежащему части рѣчи, какъ требуетъ того въ особенностяхи каждой родъ сочиненій.

И такъ Риторика содержитъ въ себѣ правила о краснорѣчїи. Подъ словомъ краснорѣчіе должно разумѣть способность прилично выражать мысли свои и чувства, предлагать ихъ устно или на письмѣ правильно, ясно, сообразно съ цѣлю, предположенною тѣмъ, кто говоритъ или пишетъ.

Само по себѣ ясно, что Риторика, содержащая въ себѣ правила для всѣхъ родовъ

прозаическихъ сочиненій имѣетъ въ виду не одно только *убѣжденіе*, въ которомъ, по мнѣнію Древнихъ, краснорѣчіе состояло. Новѣйшіе Писатели по большей части даютъ Риторикѣ старинное опредѣленіе, или по крайней мѣрѣ близкое къ старинному.

Предлагая словесно или письменно свои мысли, мы обыкновенно хотимъ или научить умъ, или занять воображеніе, или пронуть сердце, или подѣйствовать на волю. Слѣдовательно *наставленіе*, *занятіе*, *разтроганіе* и *убѣжденіе* суть главнѣйшіе предметы прозаическаго Писателя, которыхъ онъ имѣетъ въ виду иногда каждое особенно, иногда всѣ вмѣстѣ.

Мысль и *выраженіе* суть составныя, первоначальныя части рѣчи; онѣ имѣютъ взаимно такое же отношеніе, такую же связь между собою, какую душа и тѣло. Мысль есть *матерія* или *сущность* рѣчи, выраженіе есть *форма* ея. Казалось бы, что искусство мыслишь, искусство правильно употреблять и соединять слова должны также бытъ предметомъ Риторики; но, какъ я выше уже замѣтилъ, для того и для другаго содержащаяся правила въ особыхъ наукахъ — въ Логикѣ и Грамматикѣ, которыхъ въ порядкѣ ученія должны предшествовать Риторикѣ; Риторика же ограничивается только *красивостію* и *соотвѣтственностію*

предложенія, то есть она показываетъ средства красиво и соотвѣстственно матеріи предлагать то, что Писатель или Орапоръ въ состоянїи логически обдумать и грамматически выразить.

Но и Поэтъ долженъ правильно мыслить и выражать свои мысли, и Поэтъ долженъ краснорѣчиво, соотвѣстственно матеріи, предлагать то, что онъ въ состоянїи логически обдумать и грамматически выразить. Посмотримъ, въ чемъ состоитъ различіе между краснорѣчіемъ прозаическимъ и стихотворнымъ. „Проза есть слово — говоритъ Ломоносовъ, — котораго части не имѣютъ определенной мѣры и порядка складовъ, ни согласія въ произношенїи, точно назначеннаго; но всѣ реченїя располагаются въ немъ такимъ порядкомъ, какого обыкновенной чистой разговоръ пребудетъ. Поэма — продолжаетъ тотъ же Писатель — состоитъ изъ частей известною мѣрою определенныхъ, и при томъ имѣетъ точной порядокъ складовъ по ихъ ударенїю или произношенїю.“ Ничего нѣтъ справедливей сихъ дефиницій; но онѣ относятся только къ внешней формѣ рѣчи; между прозою и стихами есть еще другія важнѣйшія отличія. Нѣмецкіе Писатели говорятъ, что Поэзія живымъ разительнымъ представленіемъ предметовъ дѣйствуетъ на чувственность, и занимаетъ воображеніе; проза

предлагаетъ ясно, опредѣлительно, точно и правильно, дѣйствуетъ на умъ и на волю. — Пѣшическое краснорѣчіе — пишетъ Ваштѣ — собственно имѣетъ въ виду плѣнять; прозаическое краснорѣчіе имѣетъ въ виду — наставлять. Если Поэзія иногда вмѣстѣ и плѣняетъ и наставляетъ; это значитъ, что она беретъ въ помощь себѣ пользу, чтобы удобнѣе достигнуть своей цѣли. Если проза научая вмѣстѣ и плѣняетъ; это показываетъ, что она вѣрнѣе надѣется получить успѣхъ, идучи по пути, усыпанному цвѣтами. — Кондильякъ думаетъ почти также. Каждой Писатель — говоритъ онъ — имѣетъ въ виду или научить или понравиться, или и то и другое вмѣстѣ: онъ нравится, плѣняя чувства, поражая воображеніе, расстрогивая сердца; онъ научаетъ, предлагая новыя знанія, разгоняя предразсудки, истребляя заблужденія, осмѣивая пороки и дурныя качества. Сколь много ни различествуетъ одна цѣль отъ другой, однакожъ онъ могутъ быть вмѣстѣ. Разница въ томъ: Стихотворецъ показывая, что хочетъ только плѣнять, между тѣмъ и наставляетъ; напрошивъ того прозаическій Писатель показывая, что хочетъ только наставлять, и въ тоже самое время плѣняетъ, какъ будто безъ намѣренія (*).

(*) Расстрогать, убѣдить, сердца къ себѣ привлечь;

Мы будемъ разсматривать Риторикѣ не только какъ изящную науку, содержащую въ себѣ правила общія для всѣхъ родовъ прозаическихъ сочиненій, каковы на примѣръ, Письма, Разговоры, Догматическія писанія, Исторія истинная и вымышленная, наконецъ собственно такъ называемыя Рѣчи или Слова Ораиторскія; но войдемъ въ разсмотрѣніе прозаическаго краснорѣчія, какъ изящнаго искусства; займемся Теоріею и Риторикой и Краснорѣчіемъ; будемъ смотрѣть на нихъ съ эстетической точки зрѣнія.

Провидѣніе даровало людямъ безцѣльную способность взаимно другъ другу сообщать мысли. Въ противномъ случаѣ разумъ былъ бы существомъ для насъ

Потребна сладкая ораиторская рѣчь;
Она вздремавшее геройство пробуждаетъ,
Къ порокамъ ненависть, къ добру любовь
раждаетъ.

Въ божественныхъ стихахъ оставилъ намъ
Гомеръ
Какъ разумъ восхищаетъ, какъ духъ плѣняетъ,
примѣръ,
Глася геройскою кроваву брань трубою,
Онъ движетъ, кажется, полки передъ собою;
Тамъ слышенъ свистъ стрѣлы, тамъ ржаніе коня,
Власы подвѣмлются при битвахъ у меня.
Коль живо кисть его сраженіе рисуешь!

Херасковъ. См. Плоды наукъ Пѣснь III.

едва ли не бесполезнымъ. Посредствомъ слова мы взаимно оказываемъ услуги одинъ другому; посредствомъ слова сообщаемъ свои мысли: а успѣхи въ искусствѣ мыслить суть главное слѣдствіе того, что ихъ сообщаемъ. Способности человека уединеннаго, отдѣленнаго отъ другихъ, не могли бы достигнуть высокой степени совершенства. Умъ нашъ одолженъ успѣхами своими усиліямъ не одного только человека, но цѣлаго общества. Умъ образовался отъ того, что люди съ помощію слова и письма сообщали одинъ другому свои сужденія, свои знанія.

Посмотримъ ли на ту власть, которую Орапоръ и Писатель имѣетъ надъ сердцами, или на удовольствіе самаго слушающаго; скажу иначе, будемъ ли имѣть въ виду пользу, или удовольствіе — то и другое убѣдитъ насъ въ необходимости умѣть какъ можно лучше взаимно сообщать мысли одинъ другому. Видимъ, что всѣ народы занимались усовершенствованіемъ своего слова, когда языкъ, сдѣлавшись обильнѣйшимъ, вышелъ изъ тѣснаго круга, въ которомъ содержались названія только немногихъ вещей, самыхъ необходимыхъ. Даже въ языкъ народовъ дикихъ замѣчено нѣкоторое стараніе изъясняться съ большею пріятностію, съ большею силою, когда говорящее

лице хочетъ убѣдить и расшрогать. Варварскіе народы чувствуютъ, что можно выражать мысли свои съ нѣкоторою пріятностію, и стараются вводить въ языкъ украшенія, которыя можетъ быть еще очень долго не будутъ приведены въ систему.

Между образованными народами ни одно искусство не было предметомъ такихъ усиленныхъ стараній, какъ искусство рѣчи и слога. То государство болѣе другихъ славится своимъ просвѣщеніемъ, въ которомъ прилѣжнѣе занимающа у совершенствованіемъ языка. По мѣрѣ распространенія знаній въ обществѣ, люди сильнѣе дѣйствуютъ одинъ на другаго посредствомъ мыслей и слова; чѣмъ ощушительнѣе сіе дѣйствіе, тѣмъ болѣе оно побуждаетъ людей выражать мысли свои яснѣе и краснорѣчивѣе. Поэтому-то наука хорошо говорить и писать уважается у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ Европы, и составляетъ одну изъ главнѣйшихъ частей воспитанія.

Есть люди, которые имѣютъ весьма невыгодное мнѣніе объ искусствѣ говорить и писать. Они почищаютъ его искусствомъ обольщать и обманывать, бесполезнымъ упражненіемъ въ собираніи пышныхъ словъ, риторическою прелестію или наводненіемъ, красивымъ пустоловіемъ о вещахъ ничего

незначущихъ. Не должно удивляться, что такія обвиненія нѣсколько унизили Риторикѣ, которая, скажемъ чистосердечно, иногда споспѣшествовала болѣе испорченности вкуса и краснорѣчія, нежели усовершенствованію.

У древнихъ Грековъ было два класса Ораторовъ: одни просвѣщали народъ въ собраніяхъ, защищали гражданъ въ судилищахъ, украшали Философію цвѣтами Поэзіи; другіе занимались Риторикою, будучи побуждаемы низкимъ корыстолюбіемъ или суешнымъ хвастовствомъ, и въ рѣчахъ своихъ обыкновенно затмевали мысли высокопарными выраженіями. Сіи послѣдніе назывались Софистами. Они бродили по всей Греціи, и водили за собою толпы слушателей. У Софистовъ Риторика была наукою заманивать въ свои сѣти, правдоподобію давать видъ истины; они говорили, что Ораторъ всегда - долженъ быть въ готовности оправдать злодѣйство и невинность, ложь и истину. Ихъ умствованія основывались на хитро-сплешеніяхъ Діалектики. Такіе Риторы ослѣпляли толпу своимъ яркимъ краснорѣчіемъ; но въ какомъ уваженіи были они у людей здравомыслящихъ, видимъ изъ Платоновыхъ Разговоровъ и изъ Аристофановыхъ Комедій, въ которыхъ Поэтъ выводилъ на сцену сихъ пустомѣлей. Мало помалу составилась шакъ называемая схоластическая Риторика,

которой остатки и теперь еще находимъ во многихъ учебныхъ книгахъ о краснорѣчїи. Несмысленные Риторы отдѣлили Философію отъ Риторики; отъ чего и вышло, какъ говоритъ Цицеронъ, что одна наука учила разумѣть и разсуждать, а другая говоритъ, *alia intelligendi, alia dicendi disciplina est, et ab aliis regit, ab aliis verborum doctrina quaeritur.* Риторика, сдѣлавшись сборищемъ правилъ о пустословіи, стала, такъ сказать, наукою невѣжества. Зараза Риторскаго ученія сперва свирѣпствовала въ Греціи; потомъ перешла въ Римъ, а въ позднѣйшія времена распространилась по всей Европѣ. Странствующіе Риторы, которыхъ умные Римляне называли *болтливыми и праздными Греками*, *Graeculi loquaces et otiosi*, отличались дерзкимъ невѣжествомъ. Аннибалъ, изгнанный изъ Картагены, ѣзди къ Антиоху, остановился въ Ефесѣ. Жители хотѣли, чтобы онъ послушалъ славнаго ихъ Ритора. Форміонъ, въ присутствїи сего великаго Полководца и Героя, говорилъ нѣсколько часовъ о званїи и обязанностяхъ военачальника, о военной наукѣ и о всемъ до нее принадлежащемъ. По окончанїи Слова, просили Аннибала объявить свое мнѣніе о Риторѣ; онъ отвѣчалъ, что еще никогда не видалъ такого безтолковаго пустомѣлю, какъ Форміонъ. Мало ли — говоритъ Цицеронъ — Форміоновъ, которые, не имѣя поня-

нія о правительствѣ, о войнѣ, о законахъ, не имѣя опытности, не зная людей, обычаевъ, берущая за все, обо всемъ говорятъ и судятъ? Спаршанцы хорошо проучивали безстыдныхъ Риторовъ. Когда одинъ чужестранецъ объявилъ, что онъ въ состояніи говорить цѣлой день, и о такой мадеріи, какую дадутъ: Правительство велѣло ему тотчасъ выдти изъ города, почитая дерзость и легкомысліе недостойными никакого уваженія.

Сихъ - то и подобныхъ имъ Риторовъ, мнимыхъ учителей краснорѣчія, презирали умные Греки и Римляне; надъ ними - то смѣялись Сократъ, Платонъ, Цицеронъ, Квинтилианъ, Лукіанъ, Петроній. Сенатъ Римскій во время Консульства Кая Фаннія и Марка Валерія велѣлъ Претору Помпонію взять мѣры, чтобы не было въ Римѣ ни Философовъ, ни Риторовъ, между которыми вѣроятно не полагали различія. Спустя потомъ, Кней Домицій Энобарбъ и Люцій Лициній Крассъ, будучи Цензорами, принудили Риторовъ выдти изъ Рима. При упадкѣ Республики они опять размножились.

Скажемъ вообще, что Риторика и Краснорѣчіе дѣлаются тогда, не только тщеславными, но даже пагубными, когда уклоняются отъ благородной своей цѣли, когда бы-

вають употреблены не къ пользѣ истины и добродѣтели, но для одного пустословія, или для того, чтобы прикрасить порокъ, и заблужденіямъ дашь наружность благовидную. Изящная Словесность гнушается такимъ краснорѣчіемъ.

Чтобъ съ успѣхомъ заниматься Словесностію, необходимо должно сперва ознакомиться съ прочими свободными науками. Словесность объемлетъ всѣ науки, ни къ одной изъ нихъ особенно не привязываясь. У Древнихъ было правило: Орапоръ долженъ быть свѣдущъ во всѣхъ наукахъ, omnibus disciplinis et artibus debeat esse instructus orator. Одна Риторика не научишь хорошо писать, и красивыя, великолѣпныя слова ни мало не придадутъ цѣны сочиненію, въ которомъ нѣтъ здраваго смысла — сочиненію, наполненному несправедливыми о вещахъ понятіями.

Бываютъ примѣры, и къ сожалѣнію весьма часто, что Писатели выборомъ и расположеніемъ красивыхъ словъ прикрывши свою бѣдность, возбуждаютъ удивленіе въ людяхъ недалъновидныхъ, не заботясь о мнѣніи опытныхъ Литтераторовъ; но обманы такого рода скоро исчезаютъ. Одно основательное ученіе можетъ доставить Писателю матеріалы для прочнаго сочиненія.

Сильное чувствіе, распроганность и природное дарованіе дѣлають человека краснорѣчивымъ. Ребенокъ, необразованной посянинъ, даже дикой, говорятъ краснорѣчиво, когда страсть движетъ сердцемъ. Слѣдственно человекъ еще прежде умѣлъ бытъ краснорѣчивымъ, нежели написаны правила о краснорѣчїи. При началѣ гражданскаго общежитїя замѣчено чудесное дѣйствіе краснорѣчїя на сердце человеческое. Нашлись люди, кошорые наблюдали, чьи слова и какїя именно слова производили сильнѣйшее впечатлѣніе. Пошомъ о б р а щ и л и вниманіе на причину сихъ впечатлѣній, шо есть начали замѣчать способы, съ помощїю кошорыхъ Вышїя дѣйствовалъ на сердца слушателей; разбирали Рѣчь его, прогательнѣйшїя мѣста въ ней, и заключили, что въ подобныхъ случаяхъ можно употребить шѣ же средства, чшобы пронуть другихъ, какъ сами были пронуты. Ita potatio patuae et animadvertio reperit artem, такимъ образомъ наблюденіе родило науку — говорятъ Цицеронъ. Во всѣхъ родахъ искусствъ образцы предшествовали правиламъ. Геній замѣчалъ напуру и украшалъ ее въ своихъ подражанїяхъ; наблюдатели замѣчали Геній, разсматривали его, и открыли шайну чудесъ въ его шворенїяхъ. Смотря на шо, что сдѣлано, они говорили другимъ людямъ: такъ надобно дѣлать. Слѣдственно Поэзія и Кра-

енорѣчіе существовали прежде Пѣншики и Риторики. Эврипидъ и Софоклъ уже написали свои Трагедіи, и въ Греціи считалось болѣе двухъ сотъ драматическихъ Поэзовъ, прежде нежели Аристопель издалъ правила для Трагедіи; Гомеръ умѣлъ бытъ *выслреннимъ* за нѣсколько сотъ лѣтъ прежде нежели Лонгинъ опредѣлилъ, въ чемъ состоитъ *выслренность*.

Изъ того слѣдуетъ, что не краснорѣчіе одолжено бытіемъ своимъ Риторикѣ, но Риторика краснорѣчію, не искусство родилось отъ науки, но наука отъ искусства. *Non eloquentia ex artificio, sed artificium ex eloquentia patitur.*

Природа не всѣхъ надѣляетъ равными способностями; одни получаютъ отъ нее больше, другіе меньше. Но сколь ни щедры дары ея, человѣку всегда остается довольно пуши, коюрой онъ перейти долженъ, чтобы приближиться къ совершенству. Успѣхи въ краснорѣчій, приобретаемые ученіемъ, столь ошущительны, люди столь часто преодѣвають своимъ неуспыннымъ прилѣжаніемъ трудности, почти непреодолимыя, что многіе долго спорили, и теперь еще спорятъ о томъ, что болѣе способствуетъ усовершенствованію Писателя и Орашора — природныя дарованія, или наука?

Нѣкоторые утверждаютъ рѣшительно, что наука ни къ чему не служитъ. Они приводятъ въ примѣръ Писателей — Данша, Шакеспира, Мильтона — которые, не слѣдуя никакимъ правиламъ, успѣли прославиться своими сочиненіями. — Даншъ и Мильтонъ знали Древнихъ. Мы удивляемся въ ихъ Поэмахъ не уродамъ, не тому что возбуждаетъ отвращеніе, но тому, что соответствуетъ правиламъ; удивляемся не расположенію Поэмъ ихъ, но подробностямъ въ частяхъ, въ которыхъ блистаетъ чувство изящества; — а правила науки значатъ не что другое, какъ введеніе въ методу сего чувства. Слѣдственно Даншъ и Мильтонъ знали сіи правила или по внутреннему побужденію, или по слѣдствію размышленія. Самъ Шакеспиръ, при всей грубости своей, былъ не безъ свѣденій; приобретенныхъ чтеніемъ: это доказываютъ его сочиненія. Безсмертный нашъ Ломоносовъ примѣтилъ самъ въ себѣ дарованія; но почувствовалъ также, что надлежитъ ученіемъ обработать сіи дарованія: въ противномъ случаѣ, плоды ума его состояли бы, можетъ быть, только въ подражаніяхъ стихамъ Симона Полоцкаго, и слава объ его талантѣ умерла бы вмѣстѣ съ нимъ въ той деревнѣ, гдѣ онъ родился. Еслибъ кто возразилъ, что Блумфальдъ Англійской башмачникъ, Индрикъ Курлянд-

ской крестьянинъ и другіе, сочиняютъ стихи, не слыхавъ отъ роду о правилахъ и наукѣ; я отвѣчалъ бы: стихи ихъ пошому только и замѣчательны, что писаны людьми, не знающими правилъ. Впрочемъ извѣстно, что *Поэты рождаются, Poetae nascuntur*, какъ говорили Древніе; однакожь — скажу мимоходомъ — Горацій и Поэтамъ совѣщаетъ учиться.

*Natura fieret laudabile carmen, an arte,
Quaeritum est. Ego nec studium sine divite vena,
Nec rursus quidquid possit video ingenium. Alte-
rius sic*

Altera poscit opem res & conjugat amice.

Говорятъ еще, что великіе Писатели умышленно нарушали правила, копорыя, безъ сомнѣнія, были имъ извѣсны, и что отъ того сочиненія ихъ получили новыя красоты. На это отвѣчаетъ Лагарпъ: Великіе Писатели нарушили нѣкопорыя изъ правилъ науки для того, чтобъ сохранить главнѣйшее, а именно пожертвовашъ меньшимъ, чтобъ получить большее. Если Писатель имѣетъ въ виду изящество, копорымъ не можеть воспользоваться иначе, какъ погрѣшивъ противъ правила: что надобно дѣлать? то, чего требуетъ вкусъ и благо-разуміе; разсмотрѣть, заставитъ ли красота забыть погрѣшность противъ правила. Это ни мало не противно правиламъ науки;

самые строгіе законодатели вкуса предвидѣли нужду въ подобныхъ опшупленіяхъ. Сюда - то относяшся слѣдующіе стихи Боаловы :

Quelquefois dans la course un esprit vigoureux
Trop resserré par l'art, sort des regles prescrites
Et de l'art même apprend à franchir les limites.

Такимъ образомъ не рѣдко искусный Полководецъ умышленно нарушаетъ правила военной науки, когда нарушеніе обѣщаетъ ему желаемый успѣхъ въ предпріятіи. Слѣдуетъ ли изъ того, что нѣтъ, и не должно быть военной науки, и что не надобно ей учиться? — Замѣтимъ однакожь, что только великіе Писатели имѣютъ право на такія исключенія; молодымъ людямъ несравненно полезнѣе въ точности слѣдовать правиламъ науки, по крайней мѣрѣ до нѣкошораго времени; а чтобы слѣдовать имъ, должно знать ихъ, должно учиться.

Иногда одна опытность доводитъ до нѣкошораго искусства. Есть люди, которые бывъ одарены опличнымъ умомъ, пылкимъ воображеніемъ, чувствительнымъ сердцемъ, съ помощію вкуса, навыкомъ приобретеннаго, изъясняются пріятно, убѣдительно, сильно. Но ихъ умъ, не управляемый наукою, весьма часто заблуждается; ихъ воображеніе и чувствительность, безъ вѣрнаго пушеводителя, весьма часто доводятъ до изли-

шествѣ ; ихъ вкусъ , не основанный на истинномъ понятіи объ изящномъ , весьма часто погрѣшаетъ. Ихъ слово по большей части бываетъ или недоспашочно , или избыточно , или безъ связи , или наполне-но мнимыми красотами , вмѣсто истинныхъ. Самыя счастливыя дарованія имѣ-ютъ нужду въ руководствѣ науки , кою правило соспавлены изъ замѣчаній и опы-товъ всѣхъ временъ. Не лъзя не согласишь-ся съ Квинтиліаномъ , коюю говоритъ : *Multo labore , assiduo studio , varia exercitatione , pluribus experimentis , altissima prudentia , prae- sentissimo consilio constat ars dicendi ;* искусство краснорѣчія приобретается многими трудами , безпрестаннымъ ученіемъ , различными упра-жненіями и опытами , глубокимъ благоразу-міемъ , и всегда голповыми совѣтами.

Я погрѣшилъ бы прошивъ истины , и приписалъ бы наукѣ болѣе нежели она въ состояніи сдѣлать , еслибъ спалъ утвер-ждать , что правила Риторики однѣ , безъ помощи природныхъ дарованій , могутъ на-учить краснорѣчію ! Цицеронъ , Квинтиліанъ и другіе , коюры болѣе примѣрами своими нежели правилами учили говорить и пи-сать , признавались , что природныя способ-ности иногда могутъ обѣйтись безъ науки , но наука всегда ничего не значитъ безъ при-родныхъ способностей. *Si parti utrilibet , alterum*

detrahas, natura etiam sine doctrina multum valebit; doctrina nulla esse sine natura poterit. Поэтому-ию Англоній, славный Учитель краснорѣчїя, какъ свидѣтельствуемъ Цицеронъ, прежде всего старался замѣчать природныя способности въ ученикахъ, которые были къ нему присылаемы; и если не находилъ въ нихъ потребныхъ дарованій, немедленно отсылалъ въ дома, чтобъ они напрасными трудами себя не изнуряли.

Хотя правила и наставленіе недоспашочны, однакожь ничѣмъ не лѣзя доказашъ, чтобъ онѣ были безполезны. Нѣтъ сомнѣнїя, что наука не можетъ родить Генїя; однакожь она управляетъ его почетомъ. Наука предлагаетъ образцы, показываетъ красоты ихъ и недоспашки, преподаетъ правила, какъ подражать первымъ, какъ избѣгать послѣднихъ. Наука удерживаетъ порывы Генїя, и не допускаетъ его удаляться отъ пути, по которому онъ долженъ слѣдовать. Если наука не вдохнетъ способности производить высреннїя красоты, покрайней мѣрѣ она остережетъ отъ важныхъ погрѣшностей.

Краснорѣчїе и вообще словесныя Науки поэтому особенно достойны вниманїя, что онѣ имѣютъ ближайшїя отношенїя ко способностямъ ума нашего. Когда я шржусь надъ сочиненїемъ, приобретаетъ ли что-нибудь мой разумъ? очень много. Истинная Ришо-

рика и здравая Логика, то есть наука хорошо говорить и наука правильно мыслить, весьма тѣсно соединены между собою. Стараюсь хорошо расположить слова, въ то же время стараюсь приводить въ порядокъ свои мысли; выражая мысли ясно и вразумительно, въ то же время приучаю себя къ точнымъ понятіямъ.

Духъ и обычай времени, въ которое мы живемъ, убѣждаютъ насъ прилѣжно занимаясь Словесностію. Теперь, болѣе нежели когда-нибудь, замѣчаютъ красоты языка и достоинство сочиненій. Слухъ часъ отъ часу становится разборчивѣе, и оскорбляется варварскимъ косоязычіемъ; теперь едва ли Писатель заслужитъ вниманіе Публики, ежели красота выраженія (eloquutio) не соотвѣтствуетъ достоинству мыслей въ сочиненіи.

Но какъ не всѣ тѣ, которые учатся, готовятъ себя быть Авторами или Орапорами; то должно упомянуть, какую пользу можетъ имъ доставить упражненіе въ Словесности. Для такихъ людей Риторика есть наука болѣе теоретическая, нежели практическая; упражненіе въ Риторикѣ покажетъ имъ способы находить красоты въ сочиненіяхъ, и лишаетъ душу свою удовольствіемъ, которое онѣ доставляютъ.

Въ наше время, когда произведенія Словесности часто служатъ содержаніемъ разговоровъ, когда почти всѣ судятъ о сочиненіяхъ, когда безъ познаній въ Словесности едва ли можно быть принятымъ въ хорошихъ обществахъ, — въ наше, говорю, время необходимо должно упражняться въ Изящныхъ Наукахъ тому, кто хочетъ получить право на знакомство съ просвѣщенными людьми, и пользоваться ихъ уваженіемъ.

Дѣйствіе изящнаго вкуса на счастье человеческой жизни еще болѣе убѣждаетъ упражняться въ Словесности. Человѣкъ самой дѣятельной, обремененной разными должностями, не можетъ безпрестанно продолжать обыкновенную свою работу; люди, посвятившіе себя глубокимъ наукамъ, не могутъ безпрестанно заниматься предметами своихъ изслѣдованій. Ни великое богатство, ни счастливыя обстоятельства, не могутъ быть источникомъ всегдашнихъ, непрерывныхъ удовольствій. Жизнь тягостна и празднаго человѣка; не менѣе она тягостна и для дѣятельнаго, если къ главному упражненію недостаетъ другаго, такъ сказать, посторонняго. Чѣмъ наполнить пустые промежутки въ жизни, которыхъ у каждаго много? Словесность и образованіе вкуса доставитъ забаву самую пріятнѣйшую, самую приличную достоинству ума человеческого.

Кто привыкъ занимашся ими, шотъ собралъ для себя богатой запасъ невинныхъ удовольствій, копорья, усыпая цвѣтами путь жизни, предохраняюшъ отъ скуки и отъ страстей, весьма часто увлекающихъ жертвы свои въ бездну несчастія. Сенека справедливо называетъ досужное время, кошорое не употребляется на упражненіе въ Словесности, смертію и гробомъ живаго человѣка. *Optim sine litteris mors est, et hominis vivi sepultura.*

Г. Шатобріанъ, извѣстный Французскій Писатель, съ чувствомъ благодарности признается, что упражненіе въ Словесности не одинъ разъ помогало ему терпѣливо переносить бѣдствія жизни. „Часто случалось — говоритъ онъ — что сидя на проѣзжей дорогѣ въ Германіи, не зная, что со мною будетъ, я занимался какою-нибудь пріятною мечтою, кошорую представляли мнѣ сострадашельныя Музы — и забывалъ свое горе, забывалъ виновниковъ моего несчастія. Все богатство мое состояло въ рукописи, кошорую носилъ съ собою, скитаясь по пустынямъ новаго міра. Картины природы, начертанныя мною въ шалашахъ Индійскихъ, часто ушѣщали меня передъ дверьми какой-нибудь Вестфальской хижины, въ кошорую впустишь меня не хотѣли.“

Ни что столько не удобно разгнать сердечныя безпокойства, ни что столько не удобно возстановить совершенное согласіе въ душѣ, какъ ученіе. Человѣкъ, утомленный мірскими бурями, скрывается во святилищѣ Музъ — и находитъ вождельнное спокойствіе, опраду, утѣщеніе. Цицеронъ былъ свидѣтелемъ несчастій своего отечества; видѣлъ, до какой степени дошло развращеніе нравовъ; видѣлъ злодѣйство торжествующимъ, добродѣпель униженною. Друзья оставили его; ни чье сердце не хотѣло принимать въ немъ участіе; міръ казался для него мрачною пустынею. „У меня оставалась дочь — такъ пишетъ онъ къ Сульпицію — она была моею утѣхою; въ ней всегда я находилъ себѣ помощь; забывалъ свои горести, наслаждаясь любезнымъ ея разговоромъ. Теперь я лишился ее, и сія рана разсправляетъ всѣ другія, кощорыя почиалъ я залѣченными . . . Я выгнанъ изъ моего дома, и изъ Форума.“ — Что сдѣлалъ Цицеронъ въ столь горестномъ положеніи? прибѣгнулъ къ учебнымъ упражненіямъ. „Я примирился съ книгами — пишетъ онъ къ Варрону: онъ призывающъ меня въ свое общество; онѣ говорятъ мнѣ, что ты поступилъ благоразумнѣе, никогда съ ними не разставаясь.“

Молодой человѣкъ, любящій Словесность, подаетъ о себѣ хорошую надежду; напро-

шивъ , кто не способенъ чувствовашъ изящество краснорѣчія , Поэзіи , искусствъ , шотъ заспаваляетъ весьма невыгодно думать о своихъ склонностяхъ ; ибо извѣстно , что вкусъ имѣетъ одушительное дѣйствіе на внутреннія наши расположенія . Обработываніе вкуса смягчаетъ нравы и укрощаетъ дикія страсти .

Ingenuas didicisse fideliter artes
Emollit mores , nec finit esse feros. *Oviâ.*

Добродѣтельные чувствованія , славыя примѣры — которые находимъ въ сочиненіяхъ прозаическихъ и стихотворныхъ , и въ Исторіи — естественна вдыхаютъ въ читателей любовь ко славѣ , презрѣніе къ порочной изнѣженности , удивленіе ко всему , истинно великому .

Посмотримъ съ другой стороны на пользу краснорѣчія . Если обратимъ вниманіе на то , какъ сильно дѣйствуютъ слова истиннаго Вищія на сердца слушателей , не станемъ удивляться , что многіе причину общественнаго порядка и гражданской жизни приписываютъ очаровательной власти краснорѣчія . Въ самомъ дѣлѣ , предводители колоній , вышедшихъ изъ Египта и Финикіи , Кекропсъ , Девкаліонъ , Кадмъ , убѣдившіе Грековъ въ пользу общежительства , были конечно люди краснорѣчивые . Линъ , Орфей , Амфіонъ

(которыхъ чудесныя лиры были не что иное, какъ даръ вишійства) распространили въ народѣ любовь къ порядку и благонравію.

Когда составились гражданскія общества, страсти людей смягчились, но не могли и никогда не могутъ совершенно истребиться. Надобно ли возбудить въ комъ-нибудь ревность къ похвальнымъ подвигамъ, къ защищенію невинности, къ вспомошествованію слабымъ — распробуйте сердце, приведите въ движеніе страсти. Вишійя, знающій тайну человеческихъ склонностей и желаній, знающій пружины дѣйствій человеческихъ, средства возбуждать ихъ и удерживать, имѣетъ великую власть надъ другими. *Виргилій* превосходно изображаетъ Вишію, укрощающую мятежъ народный.

Ac veluti magno in populo quum saepe coorta est
Seditio, saevitque animis ignobile vulgus;
Jamque faces et saxa volant; furor arma ministrat:
Tum pietate gravem ac meritis si forte virum quem
Conspexere, silent, auctisque auribus adstant;
Iste regit dictis animos et pectora mulcet (*).

A. Eneid. L. I.

(*) Переводъ Г-на Пешрова:

*И якоже когда межъ тысячи невѣжъ,
Межъ черни бѣшеной воздвигнется мятежъ;
Ужь шучами лепящъ дреколя и каменя,
Оружіе дастъ пыль буйнаго ей рвенья;*

Сильный сосѣдъ вѣпоргается въ предѣлы
опечесшва ; Вишїя предстаешъ сонмищу граж-
данъ, требуетъ отъ нихъ защиты, изо-
бражаешъ наглость непрїателя, и — храб-
рые попрысающъ оружіемъ, робкіе одушев-
ляются бодростію. Краснорѣчіе вдыхаешъ
опважносшь ; слушатели забываютъ выгоды
спокойной жизни, летящъ на встрѣчу много-
численнѣйшимъ полкамъ, разсыпающъ ихъ,
возвращающъ съ побѣдою. Исторїя пред-
сшавляетъ множество подобныхъ примѣровъ.

Римляне, раздраженныя возмущеніемъ
Бриттанцевъ, послали сильное войско для
исшребленїя мяшежниковъ. Одинъ изъ оп-
важнѣйшихъ Предводителей, именемъ Гал-
такъ, видя близкую опасносшь, зная, какъ

Коль скоро важный мужъ, заслугой знаме-
нишъ,
Предстанешъ, всѣ молчашъ, прїавъ послуш-
ный видъ ;
Онъ ярыя сердца бесѣдой умягчаешъ
И мудрою кротостью безумцевъ *укро-*
чаетъ.

Эней. Пѣснь I.

Не будемъ скрывать своей бѣдности.
Нѣмцы, Англичане и Французы обогатили
опечесшвенную Словесносшь хорошими пере-
водами древнихъ классическихъ сочиненїй.
Во Франціи Энеида по крайней мѣрѣ десять
разъ переведена стихами и прозою. Мудре-
но ли, что мы до сихъ поръ въ искусствѣ
писащъ остаемся назади ? — *Изд.*

храбро сражаются Римляне, горя любовью къ опечесшву и свободѣ, является предъ собраніемъ, и яркими красками изображаетъ предъ нимъ свои чувства. Народъ клянется защищать вольность. Юноши вооружаются; старики не уступаютъ имъ въ усердіи; всѣ забываютъ о жизни. Начинается сраженіе, и Бриттанцы рѣшились лучше погибнуть, нежели носить оковы рабства. Сіе произшествіе описано Тацитомъ въ жизни Агриколы.

Скоро по изгнаніи Царя Тарквинія, Римскій народъ, пользуясь излишнею вольностію, съ оружіемъ въ рукахъ занялъ Святую гору надъ Тибромъ. Состояніе Рима было тогда самое опаснѣйшее, и еслибъ не помогло краснорѣчіе Валерія Публикола, то Римская Республика разрушилась бы при самомъ началѣ. Граждане, выслушавъ Оратора, положили оружіе, и все утихло. Гнѣвъ и мяшежь — говорилъ Валерій Максимъ, — мечи и стрѣлы побѣждены словами Вишіи.

Въ государствахъ и республикахъ случались важныя дѣла; для окончанія которыхъ нужно было согласіе всѣхъ Членовъ судилища, а иногда всего народа; замѣшательство продолжалось до тѣхъ поръ, пока сильнѣйшій, то есть краснорѣчивѣйшій человекъ, не заставлялъ всѣхъ принять одно мнѣніе.

Въ Аѳинахъ разсуждали о важнѣйшемъ дѣлѣ, отъ котораго зависѣла судьба отечества и другихъ Греческихъ республикъ. Когда могущество и хитрость Филиппа Македонскаго привели весь народъ въ замѣшательство, когда многіе граждане, даже многіе Ораиторы приняли сторону Македонянъ, — краснорѣчіе Демосѳеново покоряетъ души и сердца Аѳинянъ. Ораиторъ одерживаетъ побѣду надъ всѣми своими противниками, возбуждаетъ унывшій народъ къ отраженію сильнаго Царя, управляетъ мыслями согражданъ. Греки вооружаются, строятъ корабли, назначаютъ полководцевъ. Ни что не могло противиться силѣ краснорѣчія, ни легкомысліе народа, ни боязнь могущества непріятельскаго, ни частныя выгоды. — Пирръ Эпирскій говаривалъ, что краснорѣчіе Кинеаса болѣе покорило ему городовъ, нежели оружіе. Кинеасъ, родомъ изъ Бессаліи, ученикъ Демосѳеновъ и наперсникъ Пирра, знаменитый Философъ и Вишій, былъ посланъ отъ Царя къ разнымъ народамъ для убѣжденія ихъ покориться Эпирской власти. Жители, плѣняясь сладостною словъ его, безъ пролитія крови, охотно отдавались побѣдителю и принимали его законы.

Кашиланна, уповая на многочисленныхъ сообщниковъ своихъ, на дружескія связи съ сильнѣйшими гражданами, на знашность

своего рода, и на отважность свою, являющаяся въ Сенатѣ. Консулъ Цицеронъ произноситъ Рѣчь; слова его, подобно молніи, поражаютъ главу мяшежниковъ — и Капилина выходитъ изъ Сената, въ опчаяніи объявляетъ себя непріятелемъ Рима, и убѣгаетъ изъ города. Такое же дѣйствіе имѣли слова Цицеронова на Верреса, правителя или лучше грабителя Сициліи; злодѣй увидѣлъ, что нѣтъ спасенія, и удалился изъ Рима.

Цицероново краснорѣчіе, пагубное для злодѣевъ, спасало гражданъ, полезныхъ отечеству. Не войду теперь въ разсмотрѣніе, какимъ образомъ Отецъ Латинскаго краснорѣчія оправдалъ Планція, своего друга и благодѣтеля — какимъ образомъ избавилъ Лиція Красса отъ ссылки. Упомяну только о славной Рѣчи его за Лигарія, и о дѣйствіи, которое она имѣла на Юлія Цезаря. Донесено было Диктатору, что Лигарій держалъ сторону побѣжденных его непріятелей. Цезарь, отъ котораго зависѣли судьба и жизнь обвиняемаго, Цезарь, страшный оружіемъ и умомъ своимъ, соглашается выслушать Цицерона, просившаго дозволенія защищать Лигарія. „Для чего не послушать Цицеронова краснорѣчія! — говоритъ Цезарь — но что касается до Лигарія, то я знаю достоверно, что

онъ безчестный человекъ, и есть одинъ изъ главныхъ моихъ непріятелей.“ — Цицеронъ начинаетъ рѣчь свою; спустя минушу, всѣ присутствующіе замѣчаютъ перемѣну; лице Диктатора то краснѣетъ, то блѣднѣетъ. Когда Ораторъ упомянулъ о Фарсальскомъ сраженіи, Цезарь зашрепеталъ, выронилъ изъ рукъ списокъ заговорщиковъ, и — простылъ Лигарія. Герой, побѣждавшій все, что ни прошивилось ему, самъ принужденъ былъ уступить силѣ вѣтхѣйша.

Приведу на память еще одинъ славный триумфъ краснорѣчія. Толпа женщинъ на Аѳинской площади окружаетъ одного гражданина, вѣнчаетъ лаврами и съ громкими восклицаніями провожаетъ въ домъ его. Какой это человекъ? что значитъ сіе торжество? что возбудило въ женщинахъ чувство восторга? Это Периклъ, произнесшій похвальное Слово гражданамъ, скончавшимъ животъ свой за отечество на сраженіи при Самосѣ. Женщины, окружающія Витію, суть осиротѣвшія матери и супруги воиновъ. Онъ забыли о тѣхъ, коихъ оплакивали. Периклово краснорѣчіе возбудило въ сердцахъ ихъ новое чувство, противоположное тому, которымъ прежде были исполнены.

Таковы дѣйствія краснорѣчія!

IV.

Анекдоты.

Коснакъ, престарѣлый Архіепископъ города Э, услышавъ о сопричпеніи Франциска Сальскаго къ лику Святыхъ Римско-Католической церкви, вскричалъ: „Какъ! мой старинной другъ? Радуюсь, очень радуюсь его счастію. Онъ былъ человекъ прелюбезной и даже честной, хошя и случилось, что играя со мною въ пикетъ, иногда подбиралъ карты.“ — Какъ, Ваше Преосвященство! — сказалъ нѣкто: можно ли, чшобы свяшой мужъ спалъ дѣлашь шалости въ игрѣ? — Да . . . отвѣчалъ Прелатъ — но онъ сказывалъ въ оправданіе, что выигранныя деньги раздавалъ бѣднымъ.

*

Одинъ Французскій Писатель рассказываетъ слѣдующій забавный анекдотъ, случившійся въ Марсели, во время свиданія Папы Клименша VII съ Францискомъ I:

Три Дамы придворныя просили Дюка Альбани объ исходатайствованіи для нихъ у Папы дозволенія ѣсть въ постѣ мясную пищу. Дюку показался случай сей весьма удобнымъ позабавишь Короля и Папу. Онъ донесъ Свяшому Олцу, что Дамы, копо-

рыя лишились мужьевъ, желаютъ во вдовствѣ своемъ пользоваться выгодами брачной жизни. Альбани прежде всего выхвалялъ ихъ уваженіе къ памяти супруговъ, и нѣжную привязанность къ дѣтямъ; сіи причины, говорилъ онъ, не дозволяютъ имъ выходить за мужъ. Потомъ доказывалъ, что слабость и тому подобныя причины заставляютъ ихъ просить о разрѣшеніи. — Разумѣется, что Папа не хотѣлъ слушать такого вздора. Дюкъ просилъ, чтобы по крайней мѣрѣ дозволено было Дамамъ лично поговорить съ Его Святейшествомъ. Папа согласился. Когда впустили просительницъ, одна изъ нихъ начала разговоръ слѣдующимъ образомъ: „Святейшій Отецъ! мы поручили Г-ну Альбани представить вамъ наши нужды...“ — Но, во, по — прервалъ Папа — этого нельзя дозволить. Il rescato di luffugia! — Послѣднимъ словамъ просительницы догадались, что Дюкъ подшутилъ надъ ними. Дѣло объяснилось, и Святейшій Отецъ далъ желаемое разрѣшеніе.

✱

Умершій Докторъ и Профессоръ Галлескаго Университета Юнкеръ, доставши себѣ для анатомическихъ операцій два трупъ повѣщенныхъ преступниковъ, положилъ ихъ въ ближней комнатѣ. Сидя въ кабинетѣ за своимъ учебнымъ столомъ, около полуно-

чи онъ вдругъ услышалъ громкой шумъ: пошелъ со свѣчкою осмотрѣнь, и не мало удивился, увидѣвши, что сукно, копорымъ были накрыты шрупы, разодрано; но еще болѣе удивился, не найдши одного шрупа. Окна и двери были заперты; слѣдственно воровство не могло случиться. Юнкеръ, посмотрѣвъ кругомъ, увидѣлъ въ другомъ углу шрупъ, копорой лежалъ свернувшись. Оказалось, что несчастный не умеръ на висѣлицѣ, и здѣсь пришелъ въ чувство. Онъ началъ со слезами просить Юнкера, даровать ему жизнь, какъ человѣку, копорой чудеснымъ образомъ спасся отъ казни, слишкомъ строгой въ сравненіи съ преступленіемъ. Человѣколюбивой Профессоръ былъ пропущенъ симъ зрѣлищемъ; спросилъ своего пѣнника, кто онъ и за что повѣшенъ. Сей отвѣчалъ, что онъ чужестранецъ, бѣглой солдатъ; что въ хмелю по неосторожности далъ себя записать въ солдаты, и что въ несчастную минуту покусился убѣжать изъ полку. Юнкеръ выдумалъ средство спасти его отъ гибели; далъ ему нужное платье, велѣлъ обернуться въ епанчу, взять въ руки фонарь и идти съ собою. Профессоръ сказалъ приворошнику, что идетъ къ больному, лежащему на смертномъ одрѣ. Такимъ образомъ мнимой слуга благополучно вышелъ; онъ хотѣлъ было ухватиться къ ногамъ своего избавителя, но сей совѣ-

тэвалъ не терять напрасно времени. Юнкеръ умѣлъ скрыть пропажу свою; никто другой не зналъ о случившемся.

Спусня десять или двенадцать лѣтъ, Юнкеръ приѣхалъ въ Амстердамъ. На биржѣ, среди толпы народа, подходитъ къ нему купецъ, и спрашиваетъ, не Г-на ли Профессора Юнкера имѣетъ онъ честь видѣть, передъ собою? Начинается учливой съ обѣихъ сторонъ разговоръ; купецъ проситъ Ученаго къ себѣ опобѣдать. Юнкеръ приходитъ въ хорошій домъ, обѣдаетъ съ большимъ удовольствіемъ; въ хозяинѣ видитъ пріятнаго собесѣдника, супруга любезной жены, и опца прекрасныхъ дѣшей. Профессоръ весьма радъ былъ такому знакомству. Послѣ обѣда купецъ показалъ ему весь домъ, попомъ повелъ его въ свой кабинетъ; тутъ спросилъ онъ Юнкера: не уже ли вы меня не узнаете? Юнкеръ сказалъ — нѣтъ. Купецъ объявилъ, что онъ шотъ самой человекъ, которой былъ повѣшенъ, и ожилъ чудеснымъ образомъ. Онъ пробрался въ Голландію, опредѣлился къ богатому купцу, которой за вѣрную службу сдѣлалъ его своимъ зятемъ и наслѣдникомъ всего имѣнія. Признательный Голландецъ предсжилъ избавителю весь домъ свой, а при распаваньѣ не успокоился до шѣхъ поръ, пока Юнкеръ не согласился принять въ подарокъ нѣсколько сотенъ червонцовъ.

V.

Россійскій Театръ.

Надобно что-нибудь сказать о двухъ новыхъ Комедіяхъ, представленныхъ на здѣшнемъ Театрѣ. Каждая изъ нихъ заключается въ одномъ дѣйствіи; обѣ излились изъ Нѣмецкаго пера, обѣ передѣланы на Русскіе нравы, и обѣ сѣиграны, въ разные времена, послѣ превосходныхъ Комедій Г-на Фонъ Визина.

Октября 19 за *Недорослемъ* слѣдовало *Опасное сосѣдство*, соч. Г-на Коцебу. Портной мастеръ *Строгкинъ* ни знаетъ ни вѣдаетъ, что *Раслаптинъ*, молодой купецъ, живущій въ домѣ торговки *Михевны*, посѣщаетъ *Настю*, находящуюся у него въ опекѣ сиротку, на которой самъ *Строгкинъ* хочетъ жениться. *Строгкинъ* и *Михевна* ближайшіе сосѣди; одна стѣна раздѣляетъ ихъ комнаты; любовникамъ не трудно было имѣть частыя свиданія, посредствомъ сдѣланнаго въ стѣнѣ отверстія. *Строгкинъ* приноситъ къ *Раслаптину* плащъ, сдѣланное по заказу для невѣсты его, и къ чрезвычайному удивленію своему находитъ *Настю*, съ которою прощался выходя изъ дому. Всѣ увѣряютъ *Строгина*, что это не *Настя*, но невѣста *Раслаптина*. *Строгкинъ* самъ себѣ не вѣритъ; бѣжитъ домой, и на-

ходитъ за рабошою сиротку, которая между тѣмъ успѣла перерядишься, вскочить въ свою комнату черезъ отпершіе въ спѣнѣ, и сѣсть за дѣло. *Портной* успокоивается, идетъ опять къ *Раслапину*, проситъ извиненія въ ошнѣкѣ, и соглашается подписаться свидѣтелемъ въ свадебномъ договорѣ между *Раслапильми* и его невѣстою. Возвращаясь домой, вмѣсто своей *Наспи*, видитъ *Михевну*, которая открываетъ ему обманъ, предлагаетъ себя въ супружество, говоритъ о своемъ достаткѣ — и *Спругкинъ* соглашается; ибо онъ уже не могъ получить руки своей пишомицы, по невѣденію подписавъ свадебной договоръ *Раслапина* съ *Наспю*. — Сія Комедія на Нѣмецкомъ языкѣ напечатана въ *Драматической карманной книжкѣ* на 1806 годѣ. Она въ представленіи довольно забавна, если роль *Спругкина* занимаетъ искусный актеръ. *Г. Коняевъ* сѣигралъ ее хорошо.

Ноября 8 послѣ *Брегадира* представлена Комедія *Свиданіе за деньги*, передѣланная на Русскіе нравы *Ангеломъ Федотовымъ*. *Г. Макаровъ*, издатель *Московского Меркурія*, разсмотрѣвъ одинъ Русской романъ, написалъ: „вошъ его содержаніе: нѣкто женился, и жена его умерла.“ О содержаніи *Свиданія за деньги* можно сказать почти по же: *Отважинъ* купилъ за чешыре сша рублей у богатаго *Дво-*

рянина (!) Щелетунова дозволеніе видѣшь-
ся съ Платонидою, его дочерью, и женил-
ся на ней. Все прочее не принадлежишь
до Комедіи. Доброй человекъ, которой при-
нялъ бы на себя трудъ посовѣтовать Г-ну
Федотову, какъ Авшору, наблюдать болѣе
строгости въ выборѣ Комедій, перелагаемыхъ
на Русской языкъ и наши обычаи, какъ
Акшеру, учишь шверже роли, и выговаривашъ
слова вняшнѣе, съ меньшею поспѣшностію,
оказалъ бы ему шѣмъ не малую услугу.

Д. Н. — в,

VI.

С м ѣ с ь.

Мнемоника, или Наука помнишь, извѣстна
была Древнимъ. Геродотъ повѣствуетъ,
что въ Египтѣ весьма прилѣжно занимались
ею, и что опшуда она перенесена въ Гре-
цію. Г. Моргенштернъ, написавшій *Разсужде-
ніе о Мнемоникѣ*, которое недавно издано въ
свѣшъ, думаетъ, что сія Наука имѣла
шѣсную связь съ Египетскими Иероглифами.
Какъ бы то ни было, но шеперь заподлин-
но уже извѣстно, что сія чудесная Наука
опяшь возникла въ Германіи. Г. Аретинъ, воз-
становишель *Мнемоники*, уполномочилъ
ученика своего, Пастора Кестнера, проповѣ-
дывашъ въ Лейпцигѣ новое ученіе — съ

тѣмъ однакожь, чшобы Кестнеръ не дозволялъ слушателямъ списывать лекціи. Новый Апостоль, ободренный успѣхомъ, съ ревностію исполняетъ препорученіе своего наставника. Онъ путешествуетъ по Германіи, подобно Доктору Галлю, съ однимъ ассистентомъ.

✱

Принцъ Баварскій, удостоивъ присутствіемъ своимъ публичное засѣданіе Общества Глухо - нѣмыхъ въ Парижѣ, и захотѣвъ узнать, имѣютъ ли питомцы Г - на Сикара понятіе о чувствѣ слуха, спросилъ сего Начальника, что они разумѣютъ подъ словомъ *слышатъ*? Г. Сикаръ провелъ по воздуху перстомъ черты буквъ, составляющихъ вопросъ, *что есть слышатъ*? Питомцы тотчасъ написали на доскѣ: *что есть слышатъ*? Имъ дано знать, что это еще не все, и что надобно прибавить отвѣта. Питомцы объявили Сикару, посредствомъ знаковъ шѣлодвиженія, что отвѣчать не могутъ. — Кажется и этого довольно для глухонѣмыхъ; ибо самая увѣренность, что не могутъ понять слова, показываетъ уже, что они много знаютъ.

Г. Сикаръ неотступно требовалъ отвѣта. Питомцы написали: *Слышатъ есть слышатъ*, Entendre, c'est ouir. Г. Сикаръ, желая показать, что сей отвѣтъ не удовле-

шворншененъ , написалъ : *Что есть шляла? шляла есть шляла.* Пишомцы задумались , пошомъ написали слѣдующіе отвѣшы. Первый: *Слышатъ есть видѣтъ ушами то, что говорятъ;* другой: *Слышатъ есть принимаютъ мысли того , кто голосомъ поражаетъ живое ухо ;* наконецъ Масье , отличнѣйшій изъ пишомцевъ , написалъ слѣдующее : *Слышатъ есть видѣтъ, разлитатъ ушами предметы, которыхъ изображенія летатлѣются посредствомъ лучей звука, или голоса; словомъ — слышатъ есть видѣтъ ушами.*

*

Въ газетѣ Великобританской помѣщена слѣдующая снатья: *„Изъ Нантшеса (въ Сѣверной Америкѣ) , отъ 1 Юля.* За нѣскольکو дней передъ симъ случилось здѣсь весьма странное происшествіе. Въ два часа послѣ полудня , къ аллеѣ дому Полковника Жиро пришелъ Индеецъ , съ краснымъ шлѣомъ , расписаннымъ разными узорами. Въ правой рукѣ держалъ онъ ружье, и махалъ имъ проворно ; въ лѣвой — бутылку ; два человека шли за нимъ медленно ; на другомъ концѣ аллеи снояло нѣскольکو Индейцовъ , въ числѣ которыхъ находился одинъ , также раскрашенный , но безъ ружья ; какая-то женщина поддерживала его. Когда первой приблизился къ сему , и былъ отъ него въ двадцати шагахъ , безоружный , вырвавшись изъ объятій женщины , побѣжалъ къ своему

прошивнику. Оба остановились въ четырехъ шагахъ одинъ отъ другаго. Безоружный обнажилъ грудь свою; другой равнодушно прицѣлился въ него, пошомъ будшо раздумавши, положилъ на землю ружье, и спалъ пишь изъ бушылки, привязанной къ большому его пальцу; между тѣмъ безоружный смопрѣлъ терпѣливо на прошивника, и держалъ передъ нимъ обнаженную грудь свою. Индеецъ, опорожнивъ бушылку, опять прицѣлился, выстрѣлилъ, повалилъ прошивника, зарядилъ ружье съ крайнею поспѣшностію, отдалъ его одному изъ предстоящихъ — сыну убишаго — самъ обнажилъ грудь, и палъ отъ выстрѣла. Оба трупя зарыты при концахъ аллеи. Родственники и друзья прежде убишаго шрое сутокъ плакали надъ могилою; пошомъ скрылись; спустя нѣсколь-ко дней, опять пришли къ могилѣ, сдѣла-ли нѣсколько выстрѣловъ изъ ружьевъ, про-кричали четверть часа, и удалились.

Одинъ изъ сихъ родственниковъ расска-залъ, что покойники подгулявши завели споръ, и что прежде убитый укусилъ па-лецъ другаго такъ больно, что сдѣлалась опухоль на рукѣ. Послѣдній объявилъ о себѣ, что онъ оскверненъ, и что обоимъ должно погибнуть. Прошивники назначили время и мѣсто смерти своей, и совершили свое намѣреніе, какъ здѣсь описано.“

Для Чишашелей Вѣспника, занимающихся сельскою экономіею, помещается письмо, которое можетъ быть полезнымъ :

„Сдѣланное мною замѣчаніе о пригото-
вленіи льна многимъ принести можетъ
пользу, если вы напечатаете его въ своемъ
Журналѣ. Оно уже не новое; къ сожалѣ-
нію, не видно его распространенія.

„Во многихъ Губерніяхъ почти каждый
крестьянинъ сѣетъ ленъ для домашнихъ
надобностей и для продажи. Въ нѣкоторыхъ
сіе расшеніе разводится преимущественно
предъ другими, и цѣлыя поля бывающъ имъ
покрышы. — Живучи другой годъ въ Москов-
ской Губерніи, я замѣтилъ, что со льномъ
обходящя также какъ и въ другихъ мѣ-
стахъ Россіи; то есшь, когда поспѣетъ, вы-
бирающъ, вяжущъ въ снопы, вымолачива-
ющъ сѣмя, пошомъ разспилаютъ на близ-
кихъ къ селенію покатосяхъ горъ, или на
выюнахъ, для того чшобъ улежался. Сколь-
ко же времени лежать ему должно, точно
не опредѣляется, а выходитъ тогда поль-
ко хорошимъ и выгоднымъ, когда смоченъ
будетъ случившимися дождями, и пошомъ
высушенъ отъ теплоты солнечной. Но все-
гда ли можетъ благопріятствовать погода?
Въ прошедшемъ году, по причинѣ дождли-
вой осени, ленъ оставался разоспаннымъ;

снѣгъ выпалъ очень рано — и ленъ совсѣмъ пошерянъ для хозяина; нынѣ же напрошивъ третій мѣсяцъ стоимъ сухое время: то и другое убыточно для сельскаго хозяйства.

„Въ чужихъ краяхъ и у насъ въ Лифляндіи, вмѣсто того, чтобы разстилатъ, прикрѣпляютъ снопы къ шесту, и опускаютъ ихъ въ рѣку, а еще лучше въ озеро или прудъ, сутокъ на пять или на шесть; потомъ вынувъ, обыкновеннымъ образомъ просушиваютъ; чрезъ то хозяинъ не только не остается въ накладѣ, но получаетъ ленъ преимущественной доброты вразсужденіи чистоты и прочности. — Желательно, чтобы сей полезной и легкой способъ введенъ былъ и въ нашемъ краю — въ казенныхъ селеніяхъ посредствомъ настаиванія Земской Полиціи, а въ помѣщичьихъ подъ распоряженіемъ самихъ хозяевъ. Правда, трудно сначала отвлечь крестьянъ отъ любимого ихъ пристрастія къ обыкновенію, которое, какъ говорятъ они, *дѣды и пра-дѣды ихъ дѣлавали*; но со временемъ, убѣдившись опытомъ, сами признаютъ полезность одного передъ другимъ.“

ПОЛИТИКА.

I.

Изслѣдованіе важной задачи: Въ послѣднія времена болѣе ли успѣли съ военною искусствомъ Французы, нежели Нѣмцы?

Второй вопросъ.

„Тѣло у Французовъ сдѣлалось ли крѣпче, приобычнѣе къ трудамъ, нежели у насъ? перемѣнилась ли ихъ природа, или наша?“

Еще никто важнымъ образомъ не упрекалъ Нѣмцовъ изнѣженностію. Хотя упонченное воспитаніе, роскошь и глупыя моды, занятыя у чужестранцевъ, разслабляютъ многихъ Нѣмецкихъ юношей; однако это не имѣетъ большаго вліянія на цѣлую націю, которая плѣсною своею силою и крѣпостію всегда превосходила Французовъ. Каждой легко въ этомъ удостовѣриться, разсудивши, что всѣ искусства роскоши, очевидно способствующія къ разслабленію человеческого плѣла, большею частію изобрѣтены Французами, и гнѣздились въ ихъ отечествѣ го-

раздо прежде, нежели мы Нѣмцы получили понятіе о семъ новомъ просвѣщеніи, которое они по своему *великодушію* принесли намъ въ подарокъ.

Стоитъ только взглянуть на полки Нѣмецкіе и Французскіе, чтобы имѣть самое сильное, очевидное доказательство превосходнѣйшаго мужества Нѣмцовъ. Въ первыхъ всякой увидишь людей сильныхъ, а въ послѣднихъ — мальчишекъ, которые умѣютъ только пустословить. Такой недоставокъ въ здоровыхъ и сильныхъ людяхъ происходитъ, можетъ быть, не столько отъ слабости самой націи, сколько отъ продолжительной кровопролитной войны, которая и теперь еще не кончилась. — Самыя блистательныя побѣды сопряжены бывають съ потерей множества лучшихъ воиновъ; ежегодное приращеніе людей никогда не можетъ быть въ одинакомъ содержаніи съ урономъ. Французы давно уже принужденными нашлись брать въ рекруты мальчиковъ, которые, не будучи приучены къ военнымъ безпокойствамъ, не только не укрѣпляются отъ трудовъ, но еще болѣе слабѣютъ, и бывають побиты или изувѣчены.

Таковы слѣдствія шестнадцатилѣтней войны, которая ни мало не укрѣпила сложеніе воиновъ, — какъ бы другіе о семъ ни говорили.

Вообще, мнѣніе, будто солдатъ укрѣпляется посредствомъ войны, происходитъ большею частію отъ воображенія. Мнѣ кажется, что съ самыхъ молодыхъ лѣтъ должно приучать шѣло къ трудамъ военнымъ: иначе, оно ихъ не вытерпитъ. Поздно привыкать къ безпокойствамъ, вступивши въ службу: физическое воспитаніе рекрута тогда уже окончано. Къ перенесенію трудностей приготавливаютъ себя съ юныхъ лѣтъ какъ образомъ жизни, такъ и упражненіями. Поэтому — то поселяне, по необходимости исправляющіе свои ежедневныя работы во всякое время, не разбирая погоды, бывающіе лучшими солдатами, нежели городскіе жители, которые занимающія своими рукодѣльями по большей части сидя дома. Если первые переносятъ всинскія трудности съ большею удобностію, нежели послѣдніе, то это ни мало не доказываетъ, что они укрѣпили себя уже будучи въ службѣ. Давно извѣстно, что упражненіе въ умѣренной, хотя и трудной работѣ, сообщаетъ шѣлу человѣческому нужныя силы; напротивъ того излишнее расслабляетъ нервы и преждевременно иссушаетъ составъ тѣлесный. Извѣстно также, что излишнее напряженіе всего чаще встрѣчается въ военномъ состояніи, а особливо въ походахъ, и производитъ упомянутыя слѣдствія. Опытъ ясно сіе показываетъ. По чему въ мирное время отъ однихъ только

акзерцицій виходить споль великое множество молодыхъ людей на инвалиднсе содержаніе? Отъ чего въ военное время въ больницахъ гораздо менѣе бываетъ раненыхъ, нежели страдающихъ внутренними болѣзнями? Отъ чего діарреи и прочія болѣзни часто испребляють цѣлая армія?

Благомыслящіе Врачи могутъ доказать это, и оправдать своими замѣчаніями, почерпнувшими изъ опытовъ. Довольно того, что я показалъ здѣсь невозможность, чтобы вообще шѣло солдатъ, и въ особенності Французскихъ, укрѣплялось отъ войны. Согласимся даже, что продолжительная война можетъ укрѣплять шѣло; но при кровопролитныхъ и частыхъ сраженіяхъ не многимъ солдатамъ достанется воспользоваться симъ полезнымъ обстоятельствомъ.

Полагать можно, что въ войскѣ въ мирное время убываетъ ежегодно двенадцатая, или по крайней мѣрѣ пятнадцатая часть людей; во время же войны, и при томъ такой, какую ведутъ Французы съ начала революціи, безъ сомнѣнія въ арміи ихъ убываетъ ежегодно четвертая, или по крайней мѣрѣ пятая часть. И такъ если во Французской арміи люди съ начала войны переѣнились чешыре или при раза; то гдѣ же солдаты, которыхъ война укрѣпить должна была?

При семъ случаѣ скажу мимоходомъ: переменна солдатъ объясняетъ, для чего войско принимало безъ роптанія новые законы во Франціи. Прежніе войны, собиравшіеся подъ знаменами, будучи движимы любовію къ вольности, въ непродолжительное время погребены со мнѣніями своими на поляхъ сраженій. Потомъ настало время, такъ называемой; конскрипціи; насильство похищало изъ нѣдръ семейства такихъ людей, которые желали бы лучше насладиться въ мирѣ плодами революціи, нежели въ странахъ оподаленныхъ воевать съ другими народами. Далѣе, когда начальники во Франціи низвергли одни другихъ, уничтожая прежнія поснановленія, каждой съ радостію присоединялся къ новой партіи, надѣясь, что она возстановитъ миръ, кшоль давно всѣми желанный.

Французы, какъ нѣкоторые утверждаютъ, имѣютъ еще преимущество въ томъ, будто пища, ими употребляемая, гораздо лучше и питательнѣе, нежели у Нѣмцовъ, и будто они отъ того дѣлаются способнѣе къ перенесенію воинскихъ трудностей. Если бы можно было точно доказать, что Французы въ отечествѣ своемъ по большей части питаются мясомъ; то сія пища конечно имѣла бы вліяніе въ телесной сснавѣ ихъ; въ эшомъ они сходились бы съ Англичанами.

Но изъ разныхъ извѣстій видно, что Французы въ своемъ отечествѣ насыщаются одною зеленую, такъ какъ и Нѣмецъ. Только въ пищу разница: Французы употребляютъ виноградное вино, а Нѣмцы хлѣбное.

Мясная пища, употребляемая Французами во время пребыванія въ чужихъ земляхъ, могла ли совершенно переменить ихъ нашуру? могла ли сдѣлать ихъ болѣе способными къ перенесенію военныхъ трудностей? На это можно согласиться только тогда, какъ представлены будутъ достоверные списки и свидѣтельства, что, не взирая на непрестанные марши, упраздненіе палатокъ, введеніе частыхъ биваковъ и проч., во Французскихъ больницахъ менѣе умерло людей отъ внутреннихъ болѣзней, нежели у Нѣмцовъ. Ибо хотя Французъ въ дурную погоду шутитъ, а Нѣмецъ бранится; но это зависитъ только отъ національнаго характера, и ни мало не можетъ служить доказательствомъ, что первый сильнѣе послѣдняго.

Третьй вопросъ:

„Скорѣе ли Французы дѣлаютъ свои марши и эволюціи?“

На сей вопросъ обыкновенно отвѣчаютъ такъ утвердительно, что я едва осмѣлился бы объявить здѣсь свое мнѣніе, когда бы

не могъ опровергнуть простыя догадки и умозаключенія извѣстными событіями.

Еще у всѣхъ въ свѣжей памяти послѣдній походъ. Издатели Французскихъ журналовъ и газетъ удивлялись чрезвычайной скорости, съ каковою Французская армія прибыла изъ Булони въ Спразбургъ; сравнивали оную съ быспрошою молніи, и только шѣмъ могли объяснить сіе чудо, что половина войска доставлена въ показанное мѣсто на перемѣнныхъ лошадяхъ — по крайней мѣрѣ такъ было писано въ ихъ листкахъ. Извѣстіе о семъ новомъ военномъ маневрѣ возбудило всеобщее вниманіе; многіе, безъ дальнѣйшаго испытанія, вѣрили ему, и повпоряли то же въ своихъ изданіяхъ. Я хочу помѣстить здѣсь небольшое изслѣдованіе сего блистательнаго похода; оно покажетъ намъ совсѣмъ другое:

Августа 30 дня 1805 года, Генералъ Бернадотъ, находившійся въ Люнебургѣ, получилъ повелѣніе выступить въ походъ съ своимъ корпусомъ. Слѣдственно Бонапарте еще 25 числа Августа, если только не прежде, вознамѣрился двигнуть армію къ Рейну; даже изъ самыхъ Французскихъ извѣстій видно, что войска, находившіяся въ Булони, выступили опшуда 1 Сентября; слѣдовательно довольно оставалось времени

запасши для нихъ все нужное, и уничтожишь препятства, копорья могли сдѣлать помѣху скорому движенію.

Въ шѣхъ же самыхъ листкахъ писано, что войска, выступивши изъ Булони, прибыли къ Стразбургу 24 Сентября 1805. Теперь, если разчислимъ, полагая, какъ водится у Нѣмцовъ, на три дни маршу одинъ день роздыху: то выйдетъ, что войска въ 18 дней прошли не болѣе 66 Нѣмецкихъ миль, то есть въ каждой день по $3\frac{2}{3}$ мили.

Такой походъ солдатъ Нѣмецкой можетъ совершить во всякое время! Если правда, что большая часть Французской арміи везена была на перемѣнныхъ лошадяхъ; то должно думать, что она состояла изъ хворыхъ солдатъ, и что въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности говорить о шѣлесной силѣ Французскихъ воиновъ.

Можно привести еще другое доказательство противъ скорости Французскихъ движеній, взявши въ примѣръ походъ корпуса Бернадоштова. Сей корпусъ 30 Августа выступилъ изъ Люнебургской области; 11 и 12 Сентября собирался при Гешингенѣ; 17 прошелъ черезъ Кассель; 22 приблизился къ Франкфурту. И такъ онъ прошелъ 50 миль въ 24 дни; или, если выключить

дни, употребленные на отдыхъ, въ 18 дней: выходить на день по $2\frac{7}{8}$ мили.

При началіи послѣдней кампаніи самый скорый маршъ сдѣлалъ Батавскій корпусъ; ибо онъ 10 Сентября прошелъ черезъ Клевъ, а 22 находился уже въ окрестностяхъ Франкфурта и Майнца. Первое мѣсто отъ обонхъ послѣднихъ отстоитъ почти на 36 миль: слѣдовательно корпусъ прошелъ въ 9 дней, выключая дни отдыха, 36 миль, каждой день по 4 мили. Такой маршъ можетъ почесться очень *скорымъ*; что видно было изъ самыхъ слѣдствій. Всякой внимательной читатель газетъ припомнитъ, что шедшая изъ Голландіи дивизія Маршала Мармона измучила множество лошадей.

Кажется, этого довольно для показанія, что Французскія войска ни чѣмъ не превосходятъ войскъ сѣверной Германіи, какъ въ людяхъ, такъ и въ искусствѣ военномъ.

Французскій Кабинетъ, также и Французскіе Генералы отличались до сихъ поръ дѣятельностію и рѣшительностію какъ въ изобрѣшеніи своихъ плановъ, такъ и въ произведеніи ихъ въ дѣйство. Наполеона Бонапарте никто не могъ въ этомъ не

только превзойти, но ниже сравниться с нимъ.

И такъ надобно ли удивляться столь чрезвычайнымъ послѣдствіямъ?

Впрочемъ, дѣятельность Наполеонова не можешь почестъся слѣдствіемъ новоизобрѣтенной дисциплины; она есть особенное свойство человека, — свойство, съ которымъ онъ родился и умретъ. Если сѣверные Нѣмцы начнутъ опять сражаться съ Французами, то они будутъ спрашиваться не новой Французской дисциплины, но дѣятельности Наполеоновой.

Въ случаѣ войны, сѣверная Нѣмецкiя Государства, при всеобщей опасности, соединясь между собою тѣснѣйшимъ союзомъ, должны дѣйствовать съ равною неутомимостію не только на полѣ, но и въ самыхъ Кабинетахъ. Ибо Кабинетъ, ослабѣвшій отъ медленности и нерѣшительности, однимъ почеркомъ пера можешь произвести такое зло, котораго не лзя поправить усилиями цѣлой арміи. Французы полишикъ своей не менѣе обязаны, какъ и побѣдамъ.

Я могъ бы пространно говорить здѣсь о дѣятельности Сѣверонѣмецкихъ полководцевъ, потому что большая часть изъ нихъ извѣ-

отна мнѣ въ семъ отношеніи съ самой хорошей стороны; желалъ бы предложить имъ, что они теперь имѣютъ прекрасный случай воспользоваться сею способностію, и — подобно сотрудникамъ Фридриха Великаго — заслужить безсмертіе.

Въ разсужденіи единодушія съверныхъ Нѣмецкихъ Государствъ и дѣятельности ихъ Кабинетовъ, не осмѣливаюсь предложить своего мнѣнія, потому что не имѣю свѣденій, нужныхъ для основательнаго сужденія о семъ предметѣ. Однакожь, кажется, можно утвердительно сказать, что если при заключеніи союза между съверными Нѣмецкими Государствами, во время всеобщей опасности, не будетъ единодушія; то каждое изъ оныхъ въ короткое время неминуемо подвергнется столь давно угрожавшему подданству. Теперь уже нѣтъ сомнѣнія, что Министръ, который въ переговорахъ съ Французами безразсудно уступитъ имъ преимущество въ дѣлахъ по видимому мало-важныхъ, лишитъ Государя своего всеобщаго уваженія, и сдѣлаетъ его Французскимъ Префектомъ.

Если случится — отъ чего да сохранишь насъ Богъ, и о чемъ я даже не могу помыслить — если случится въ самомъ дѣлѣ такое несчастіе; то опечество наше

неминуемо погибнетъ , и проклятіе падетъ на главу Министра , виновника сихъ бѣдствій !

(Изъ Нѣм. Журн.)

II.

О размѣнѣ областей.

Исторія послѣдняго двадцатилѣтія доказала несправедливость старинной пословицы : *нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ !* Правда , и въ древнія времена въ нѣкоторыхъ Государствахъ и частяхъ Свѣта , а особливо въ Римѣ , совершались такія же гнусныя злодѣйства , являлись такіе же гнусные характеры , какіе видѣли мы во Франціи ; однакожь въ наши времена было много новаго , никогда небывалаго. Кто спанетъ утверждать , что и нынѣ ежедневно не происходятъ неслыханныя новости ? Находимъ ли въ Исторіи хоть одинъ промежутокъ времени , въ копорой бы обмѣнъ земель — предметъ весьма важный для людей просвѣщенныхъ ! — былъ въ такой модѣ , какъ нынѣ , и въ копорой такъ скоро и такъ часто перемѣнялись бы Владѣтели , подобно чепцамъ у щеголихъ Парижскихъ ?

Сначала появилась мода вводить новыя Конституціи ; ихъ перемѣняли , какъ плашье ,

и съ такою же безпечносною. Мы видѣли примѣры сему во Франціи, въ Голландіи, въ Швейцаріи, въ Германіи, въ Ирландіи, и проч. Сѣи Конституціи, изъ копорыхъ ни одна не содержала въ себѣ *молезной* новости, вводимы и уничтожаемы были такъ часто, что никто уже не хотѣлъ заниматься ими ни внутри, ни внѣ Государства. Напрошивъ того прежде самовластная перемѣна Владѣтелей или земель, даже въ какомъ-нибудь маломъ округѣ случившаяся, обращала на себя вниманіе всей Европы; народныя безперестанно скакали отъ одного Двора къ другому; посредники работали; Государи угрожали войною нарушителю порядка, и выводили сто-тысячныя арміи.

Такъ думали еще въ 1778 году, когда Фридрихъ Великій выставилъ все свое ополченіе, чтобъ помѣшати обмѣну въ Баваріи; такъ думали въ 1790 году, когда Англія хотѣла объявить войну дружественной Державѣ за опняшіе у Турковъ почти необитаемой степи Очаковской. Такая политическая совѣстность прекратилась вмѣстѣ съ революціонною войною, которая, подобно всемірному пошопу, дѣлаетъ эпоху въ Исторіи всего человѣческаго рода. Нынѣ рѣшатъ дѣла скорѣе. Нынѣшняя политика не заботится о мнѣніяхъ и голосахъ народовъ; однимъ почеркомъ пера обмѣнивають и дарятъ большія

Государства, не подумавъ ни о правахъ жителей, ни объ ихъ собственности, ни о наследственныхъ договорахъ, даже не совѣщавшись съ ихъ Владѣтелемъ, даже не покоривши ихъ областей оружіемъ! — Вотъ до чего мы дожили!

Къ сожалѣнію, теперь еще не лзя сказать, что сія странная эпоха обмѣна земель миновалась; однакожь, кажется, новая мода уже прошла черезъ меридіанъ, и склоняется къ западу.

(Изъ Нѣм. Журн.)

III.

Нѣчто о Княжествѣ Беневенто.

Давно уже забытое Ducato di Benevento по дѣйствію волшебнаго жезла опять спало на ряду съ Княжествами. Линія древнихъ Князей пресѣклась на Ландульфѣ, въ 1077 году; теперь въ 1806 начинается новая съ Карла Мавриція, происходящаго отъ стариннаго Дворянскаго поколѣнія.

Древніе Князья Беневентскіе владѣли немалою частію нынѣшняго Неаполитанскаго Королевства, выключая берега приморскіе, которые находились подъ власнію Грековъ. Они долго защищались отъ западныхъ Имъ:

перашоровъ и Срациновъ. Теперь — — —
какая разница!

Вся область Беневенто 1781 года содер-
жала въ себѣ не болѣе 18,709 душъ. Едва
ли число жителей въ теченіе послѣднихъ
25 лѣтъ прибавилось. Городъ Беневенто пла-
тилъ Папѣ не важную сумму — около 6000
шалеровъ.

(Изъ Нѣм. Журн.)

IV.

*Письмо отъ Людовика Бонапарте
къ Ихъ Высочеству.*

Октября 3 дня, въ присутствіи Ихъ
Высокомочій, въ Гагѣ, прочитано письмо
слѣдующаго содержанія:

„Господа! При отъѣздѣ нашемъ въ Іюль
мѣсяцѣ мы ожидали счастливыхъ событій
въ будущемъ. Мы надѣялись, что Прови-
дѣніе, возложившее на насъ тяжкое бре-
мя, въ награду за наши попеченія о любез-
номъ народѣ нашемъ, низпослешъ на него
свое благословеніе. Подати были расположены
по мѣрѣ доходовъ. Уже мы назначили-было
день, для того чтобъ уменьшить на-
доги, которые по несчастію до сихъ поръ

были необходимы. Разнеслась молва о войнѣ; войска приближились къ нашимъ предѣламъ. Сколько ни желательна для насъ, чтобы сіи слухи не сбылись, однакожь долгъ попеченія о безопасности вѣрныхъ нашихъ подданныхъ заставляетъ насъ, не медля ни минуты, употребить всѣ средства, могущія служить къ оборонѣ нашихъ владѣній.

Всякая законная война возбуждаетъ благородную смѣлость. Хотя возстаютъ противъ насъ въ такое время, когда уменьшено войско наше; однакожь народъ не долженъ беспокоиться. Мы собрали полки, и будемъ готовы отражать нападеніе, гдѣ бы оно ни сдѣлано было. Но какъ приготовленія къ оборонѣ сопряжены съ чрезвычайными издержками, то намъ надобны денежные пособія, гораздо большія тѣхъ, которыя не задолго передъ симъ были предложены, и которыя соответствовали потребностямъ для войны только на морѣ. Мы не налагали податей ни на капишалы, ни на доходы; но теперь надлежитъ начать съ доходовъ, не теряя времени.

Скажете, Господа! своимъ согражданамъ, когда возвратитесь домой, что они должны имѣть къ намъ безпредѣльную довѣренность. Да какъ имъ и не имѣть

къ намъ довѣренности? развѣ на насъ лежитъ небольшая сягосшь гражданской повинности (ne sommes - nous pas encore plus citoyen, que les autres habitans?), нежели на другихъ жителей? Каждой изъ нихъ, которой не почиаетъ себя счастливымъ здѣсь, можетъ избрать другое отечество. Напротивъ того мы одни привязаны къ здѣшней странѣ, и никакъ не можемъ оставить ее.“

Подписано : Лудовикъ.

V.

И з в ѣ с т ѣ я .

Уже четыре почты сряду не доставили намъ никакихъ газетъ изъ за границы, кромѣ *Варшавскаго Корреспондента*, въ которомъ очень мало содержится извѣстій, по причинѣ остановки въ сообщеніяхъ. Военныя происшествія всему виною. За то вдругъ получимъ много новостей, и — кажется — не непріятныхъ; по крайней мѣрѣ обстоятельства подають причину ожидать этого. Если Бонапартъ пошоролише войши въ Бранденбургскую обласшь, и оставитъ за собою Прусскіе корпусы; то съ одной стороны Шведы и Англичане (которые, какъ говорятъ, уже высажены на швердую землю), съ другою сто - тысячной Австрійской корпусъ, распо-

ложенный въ Богеміи, могутъ надѣлать Французамъ довольно хлопотъ. Оспавляя догадки, выишемъ нѣсколько спашей изъ Польской газеты. Ошъ 15 Октябрю написано подъ спашьею изъ Бреслава: „Лейпцигская почта вчерашняго дня привезла намъ извѣстія о начавшій непріятельскихъ дѣйствій. Въ окрестностяхъ Плацена и Геры произошло великое сраженіе между корпусомъ Князя Гогенлоге и Французами, которые съ важною потерею опогнаны опъ Геры, и окружены близъ Гофа“ Письмо изъ Берлина опъ 14 Октябрю: „Мы получили печальное извѣстіе о смерти Принца Лудвига Фердинанда, убитаго на сраженіи съ корпусомъ Маршала Бернадотта. Вчера непрерывно приходили сюда изъ арміи дшипафеты съ извѣстіями о продолжающейся битвѣ между корпусомъ Князя Гогенлоге и Французами; 5000 человекъ непріятельскаго войска уже легло на мѣстѣ; и Бернадоттъ съ 17 тысячами окруженъ. Путешественники, сего дня по утру прибывшіе сюда на почтѣ изъ Лейпцига, увѣряютъ, что тамъ находится болѣе 5000 раненыхъ Французовъ и Прусаковъ. Сіе сраженіе, которое не окончилось еще, должно бытъ весьма жестокое. Уже нѣсколько Прусскихъ и Саксонскихъ полковъ побито. Объявлено, что письма во Францію, въ Голландію и на Рейнъ не будутъ принимаемы. Каждую минушу ожидаемъ извѣстія объ окон-

чаніи бисшвы. Теперь седьмой часъ послѣ полу-
дня, а мы еще ничего не знаемъ. Въ Эрфур-
тѣ вышелъ Манифестъ (*) о войнѣ про пиву
Франціи, на двухъ листахъ напечатанный;
онъ сочиненъ славнымъ *Иваномъ Милле-*
ромъ. — Кромѣ Принца Людовика Фердинан-
да, убиты Генералы Прусскіе: *Пелепъ* и
Билл, и Саксонскій *Бюндю*.“ 18 Октябрю въ
Берлинской газетѣ напечатано: „Здѣсь по-
лучено извѣстіе о происходившемъ вели-
комъ сраженіи 14 Октябрю при Ауэрштадтѣ,
что между Еною и Наумбургомъ. Ожидаемъ по-
дробнаго описанія. Король и братья Коро-
левскіе живы и не ранены.“

(*) Кѣпорой въ скорости сообщенъ будетъ въ
и нашей Публикѣ. *Изд.*

Въ 21 Нумерѣ на 3 страницѣ въ загла-
віи ошибкою поставлено *Октябрь*; надле-
житъ читать *Ноябрь*.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

Д Е К А Б Р Ъ , 1806.

№ 23.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Историческія извѣстія о Евреяхъ.

Послѣ Вавилонскаго плѣненія только два колѣна, Іудино и Веніаминово, возвратились въ Іерусалимъ, и возстановили храмъ подъ начальствомъ Эздры; прочія десять колѣнъ не захотѣли переселяться, но остались за Эфратомъ въ шѣхъ мѣстахъ, которыя назначены были для нихъ побѣдителемъ. При Александрѣ Македонскомъ Евреи распространились уже по всей Персидской Имперіи. Сей завоеватель нѣкопоруую часть ихъ поселилъ въ Египтъ. Извѣстно, что Александръ пощадилъ Іерусалимъ, и оставилъ въ покоѣ жителей сего города. Птолмей, которой по смерти Александра объявилъ себя владѣтелемъ Египта, разпространилъ новую колонію; число Евреевъ умножилось, а съ

нимъ вмѣстѣ и богатство ихъ. Отъ эпохи возвращенія въ Іудею до покоренія Іерусалима Титомъ, Евреи уже не переходили изъ одной страны въ другую; воевали съ разными народами, заключали союзы съ Царями Египта, Азіи, и даже съ Римлянами; были побѣждаемы, и сами одерживали побѣды. Въ продолженіе сего времени они жили гораздо постояннѣе предковъ, которые многократно оставляли свои законы и обычаи, и принимали богослуженіе народовъ побѣжденныхъ. Связи съ чуждыми племенами не имѣли уже слѣдствій, подобныхъ прежнимъ; народъ непостоянный и легкомысленный принялъ совершенно иной характеръ, когда его счастье и могущество поколебались. Помпей, овладѣвши Іерусалимомъ, привелъ въ Римъ нѣкоторое число изъ его жителей; тогда въ первый разъ Евреи появились въ Италіи; ихъ причислили къ сословію отпущенниковъ. Здѣсь Евреи удержали свою вѣру, и ежегодно посылали дары въ Іерусалимъ. По смерти Ирода, посланники, пришедшіе отъ жителей Іудей, нашли въ Римѣ восемь тысячъ своихъ братьевъ, не считая женщинъ и дѣтей; слѣдственно полагають надлежишь, что число ихъ простиралось до двадцати тысячъ чело-вѣкъ. Августъ во все время царствованія оказывалъ имъ свое покровительство; многіе изъ Евреевъ занимались Латинскою Словесностію; извѣстно, что Фускъ Аристій,

Поэтъ и другъ Горація, былъ опущенникъ, Еврей природной. Кажется, что они уже пользовались правомъ гражданства, когда Тиверій, разсердившись, четыре тысячи Евреевъ отослалъ на островъ Сардинію. Калигула не любилъ ихъ. Клавдій, досадуя на Евреевъ и Христіянъ за ихъ споры, тѣхъ и другихъ выгналъ изъ Имперіи. При Неронѣ Евреи опять поселились въ Римѣ, явно опправляя свои обряды, и даже пользовались нѣкоторымъ уваженіемъ. Лѣтописи Іудейскія говорятъ, что по разрушеніи города Іерусалима Титъ переселилъ въ Испанію колѣна Іудино и Веніаминово, и что последнее перешло потомъ во Францію. Веспасіянъ повелѣлъ со всѣхъ Евреевъ, гдѣ бы ни жили они, брать на Капитолій съ человека по двѣ драхмы, копорыя прежде они посылали во храмъ Іерусалимскій. Тогда всѣмъ свѣтомъ владѣлъ одинъ языческій Императоръ; потому - что Евреи терпѣли одинакую участь съ Христіянами. Язычники равно презирали тѣхъ и другихъ, не смотря на различіе. Нерва былъ къ нимъ снисходителнѣе. Въ его царствованіе явился въ Іудеи первый Патріархъ. Евреи, послѣ разсѣянія, раздѣлялись на западныхъ и восточныхъ; первые обитали въ Іудеи, Египтѣ, Италіи и другихъ частяхъ Римской Имперіи; восточные жили въ Вавилонѣ, Халдеѣ, Ассиріи и Персіи. Евреи западные пошановили надъ собою

Патріарха , копорой имѣлъ въ своемъ вѣдомствѣ всѣ Синагоги ; восточные равнымъ образомъ учредили начальника, копорой назывался *Князь плѣненія*. Траянъ посылалъ войско противъ возмущившихся Ливійскихъ Евреевъ , которые умертвили прочихъ жителей ; при семъ случаѣ погибло такое множество людей , что надлежало снова заселять область. Въ послѣдовавшемъ году въ Месопотаміи и на островѣ Кипрѣ Евреи отважились на подобныя неистовства , и были столь же строго наказаны. При Адріанѣ постигли ихъ жесточайшія бѣдствія. Евреи большею частію промышляли угадываніемъ будущаго и преподаваніемъ Магіи. Адріанъ запретилъ имъ обрѣзываться и отправлять почти всѣ обряды богослуженія. По укрощеніи мятежа , возникшаго въ Іудей , оставлена самая малая часть жителей въ сей области. Антонинъ съ ними поступалъ милосердивѣе , но Маркъ Аврелій подтвердилъ всѣ узаконенія Адріановы противъ Евреевъ. Императоръ Северъ даровалъ имъ многія преимущества ; онъ первой началъ отличать ихъ отъ Христіянъ , терпѣвшихъ гоненія. Каракала былъ также покровителемъ Евреевъ ; вообще , до временъ Константина , они жили въ покоѣ.

При Императорахъ Христіанскихъ участіе Евреевъ перемѣнялась сообразно съ расположеніемъ Государей. Сперва Константинъ огра-

ничилъ ихъ преимущества и свободу; потомъ принужденъ былъ издать нѣсколько указовъ объ укрощеніи непокойнаго ихъ нрава. Начавшіяся гоненія на Христіянъ и отъ Евреевъ открывшіеся мяшежи въ разныхъ провинціяхъ, заставили Констанція послать войско противъ сихъ послѣднихъ. Кончилось тѣмъ, что Евреямъ запрещено входить въ Іерусалимъ. Іуліанъ любилъ Евреевъ, какъ враговъ Христіанства. Получивъ дозволеніе возстановить храмъ, они снова начали притѣснять Христіянъ; разрушали церкви, и позволяли себѣ дѣлать всякія неистовства. Іовіанъ, преемникъ Іуліана, усмирилъ ихъ дерзость. При Валенціѣ, Валентиніанѣ и Аркадіанѣ Евреи жили въ покоѣ. Θεодосій учредилъ для нихъ особую расправу для множества тяжбныхъ дѣлъ съ Христіянами. Онъ назначилъ особаго Претора, который въ качествѣ Судьи Императорскаго жилъ между Евреями, и одинъ имѣлъ право разбирать ихъ тяжбы. Тотъ же Θεодосій призналъ духовныхъ власпей, то есть учителей Еврейскихъ; наконецъ въ 429 году отъ Р. Х. уничтожилъ достоинство Папріарха, учрежденное, какъ выше сказано, въ царствованіе Нервы. Гонорій былъ крошкѣ и справедливъ къ Евреямъ; онъ запретилъ разрушать Синагоги, не велѣлъ однакожь и вновь строить. Въ его царствованіе Евреи усилились на островѣ Миноркѣ; они могли тамъ

получать Графскія званія, и отпралять гражданскія должности. Вандалы, проходя въ Африку, не сдѣлали никакого зла Евреямъ. Гоѣы, покорившіе Ипалію, оставили Евреямъ прежнія ихъ преимущества. Теодорикъ защищалъ ихъ отъ Христіянъ, и подтвердилъ права ихъ свободы. Такимъ образомъ Евреи жили пять столѣтій въ Римской Имперіи, будучи покровительствуемы Императорами и завоевателями. Прочія десять колѣнъ не имѣли подобныхъ выгодъ; они терпѣли гоненіе въ Персіи, продолжавшееся семьдесятъ три года. Шестой вѣкъ начался для нихъ столь же несчастливо. Кавадъ и Хозрой Великій погубили множество Евреевъ и Христіянъ.

Въ началѣ седмаго столѣтія Магомешъ явился на востокъ. Сперва онъ былъ доволенъ Евреями, которые хотѣли принять его за Мессію. Всѣ десять колѣнъ подпали владычеству Мусульмановъ. Аравитяне терпѣли различіе исповѣданій, и не притѣсняли Евреевъ, которые при первыхъ Калифахъ завели въ разныхъ мѣстахъ Академіи.

Въ Константинополь они были не столько счастливы. Юстиніанъ запретилъ въ судилищахъ принимать свидѣтельства Евреевъ противъ Христіянъ, и лишилъ ихъ права дарить или назначать по завѣщанію свое

имѣніе; сверхъ того онъ принуждалъ ихъ перемѣнить вѣру. Въ Боріумѣ, Африканскомъ городѣ, Евреи соорудили для себя великолѣпный храмъ; Густиніанъ велѣлъ превратить его въ Христіанскую церковь. Царствованіе Густина и Мавриція было для нихъ благопріятнѣе. Фока посылалъ войско въ Сирію для укрощенія возмущившихся Евреевъ, которые изуродовали Антіохійскаго Епископа, и умертвили всѣхъ жишелей Христіанскаго исповѣданія. Въ сіе-то время Григорій Великій покровительствовалъ Евреямъ, которыхъ почиталъ живыми свидѣтелями святоши Христіанской вѣры. Онъ думалъ, что имъ предопредѣлено обратиться къ православію, и всячески старался побуждать ихъ къ тому кротостію и увѣщаніями. Но Ираклій столь жестоко ненавидѣлъ Евреевъ, что, не будучи доволенъ гоненіемъ на нихъ въ своей Имперіи, писалъ во Францію, чтобы тамъ обращали ихъ въ Христіанскую вѣру, а Сизебуша, Испанскаго Короля, убѣждалъ выгнать ихъ изъ Государства.

Во Франціи въ первой разъ видимъ Евреевъ около половины шестаго столѣтія. Въ 540 году Шильдеберъ запретилъ имъ выходить на улицу съ чешверга Спрасшной недѣли до Свѣшлаго Воскресенія. Орлеанской Сѣборъ тогожь года издалъ подобное узаконеніе; это доказываетъ, что ихъ уже было

много. Карлъ Великій, вознамѣрившись отправить Посольство къ Аарону, Калифу Арабійскому, выбралъ къ тому Еврея Исаака. Препорученіе было весьма важно; надлежало заключить союзъ съ Аарономъ и склонить его къ начатію войны на востокъ, для того, чтобы Державы не вздумали опшнимать у Карла завоеванныхъ обласпей на западѣ. Исаакъ наилучшимъ образомъ исправилъ свое дѣло. Кажется, что изъ всѣхъ Евреевъ, послѣ ихъ разсѣянія, одинъ только Исаакъ представлялъ споль важное лице на позорищѣ міра.

Въ одиннадцатомъ вѣкѣ Испанскіе Раввины дозволяли своимъ собратіямъ учиться разнымъ наукамъ и языкамъ чужестраннымъ. Въ Германіи Евреи часъ отъ часу болѣе разпространялись; въ сіе время они имѣли Синагоги въ Трирѣ, въ Кельнѣ, въ Майнцѣ, — также въ Венгріи, въ Богеміи, во Франконіи. Въ одиннадцатомъ столѣтіи во Франціи Жиды принадлежали помѣщикамъ, соспавляли часпъ ихъ имѣній, и приносили имъ великіе доходы; владѣльцы могли продавать ихъ и закладывать. При Филиппѣ Августѣ Евреи начинали быть страшными своимъ богатствомъ; большая часть движимыхъ и недвижимыхъ имѣній перешла въ ихъ руки посредствомъ лихоимства. Филиппъ Августъ рѣшился выгнать ихъ изъ Франціи,

возвратишь подданнымъ своимъ имѣнія , находившіяся въ рукахъ Евреевъ , освободишь первыхъ отъ плашежа долговъ , заставивъ ихъ внести только пятую часть , и то не въ пользу займодавцовъ , но въ казну Королевскую. Спустя нѣсколько лѣтъ , Филиппъ взялъ съ Евреевъ великую денежную сумму , дозволилъ имъ возвратиться во Францію , и даже построилъ двѣ Синагоги въ Парижѣ.

Ихъ выгнали изъ Англіи въ началѣ одиннадцатаго столѣтія. Когда Король Ричардъ возшелъ на престолъ , Евреи толпами приставали къ берегамъ Англійскимъ ; однакожь имъ не позволено было находиться въ Лондонѣ во время коронаціи , пошому что въ то время Евреевъ почитали колдунами. Нѣкоторые Жидаы изъ любопытства , или по другимъ причинамъ , постарались пробраться въ столицу ; народъ узналъ ихъ , и перебилъ всѣхъ до смерти. Когда Ричардъ собрался идти въ крестовой походъ , Евреи внесли въ казну значное количество денегъ , и думали , что въ правленіе сего Монарха имъ нечего бояться ; но лишь только Ричардъ успѣлъ отправиться въ путь свой , народъ немедленно умерщвилъ всѣхъ Евреевъ.

Государи и духовные Соборы имѣли двѣ важныя причины издавать узаконенія про-

шивъ Евреевъ ; они должны были во первыхъ защищать Христїанскую вѣру отъ нападенїя враговъ ея , во вторыхъ удерживать Христїанъ отъ Іудействованїя : ибо , не смотря на взаимную ненависть , господствующую между людьми разныхъ исповѣданїй , часто случалось во времена невѣжества , что Христїяне принимали Жидовскїе обряды. Поэтому-то Соборъ , бывшїй въ Шато-Гонтье запретилъ Евреямъ злословить Христїанскую вѣру ; Соборъ Маконскїй запретилъ имъ публично работать въ дни Воскресные и праздники ; Соборъ Вѣнскїй , въ тринадцатомъ столѣтїи , постановилъ , чтобы Евреи тотчасъ запирали ставни въ домахъ своихъ , услышавъ звонъ колокольчика , предносимаго Святымъ Тайнамъ. Многократно изданы были постановленїя , которыми строго запрещается было Христїянамъ сообщаться съ Жидами. Духовные Соборы увольняли Христїанъ отъ плачежа долговъ Евреямъ , и оплучали отъ Церкви шѣхъ , которые занимали у нихъ деньги. Но свѣтскїя Правительства не заботились объ исполненїи сихъ постановленїй ; Христїяне и Евреи не повиновались имъ : одни по необходимости занимали деньги , другїе также по необходимости давали въ займы.

Въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ столѣтїяхъ Евреи жили спокойно въ Грече-

ской Имперіи; въ Испаніи они терпѣли гоненія. Папы были къ нимъ благосклоннѣе, нежели прочіе Государи. Григорій IX спасъ многія тысячи Евреевъ отъ смерти въ Англии, во Франціи и въ Испаніи; Климентъ V покровительствовалъ ихъ, и старался просвѣтить; Климентъ VI далъ имъ спокойное убѣжище въ Авиньонѣ, когда въ другихъ частяхъ Европы гнали ихъ и притѣсняли. Лудовикъ Святой не рѣшился выгонять Евреевъ изъ Франціи, но только запретилъ имъ лихоимствовать, и велѣлъ сжечь Талмудъ и прочія книги, желая шѣмъ обратиться ихъ къ Христіянству. Однакожь при семъ Государѣ и сынѣ его изданы многія оскорбительныя узаконенія противъ Евреевъ; такъ, на примѣръ, въ 1271 году велѣно Жидамъ носить шапки съ однимъ рогомъ. Въ 1306, Филиппъ Прекрасный отнялъ у Евреевъ имѣнія, и выгналъ ихъ изъ Франціи; въ 1315 году они опять купили себѣ дозволеніе поселиться въ Королевствѣ на тринадцать лѣтъ. Въ 1321 обвинили Евреевъ въ намѣреніи напустить яду во все колодези, ручьи и водоемы, будто бы по согласію съ невѣрными. При семъ случаѣ многіе изъ Евреевъ сожжены, прочіе выгнаны, кромѣ богачей, которые заплащали великія суммы. Спустя нѣсколько лѣтъ Евреи нашли способъ войти во Францію; опять были выгоняемы, и опять возвращались.

Кажется, что послѣ того, какъ Эдуардъ выслалъ Евреевъ, они уже не были допускаемы въ Англію до временъ Кромвеля, которой въ 1649 призвалъ ихъ въ Королевство, далъ имъ многія преимущества и дозволеніе построить Синагогу. Въ Германіи почитали Евреевъ виновниками Ташарскихъ набѣговъ. Соборъ, бывшій въ Вѣнѣ 1267 году, повелѣлъ разрушить новыя Синагоги, потому что приходскіе священники лишились части своихъ доходовъ отъ размножившихся Евреевъ.

Въ пятнадцатомъ столѣтіи въ Испаніи прилѣжно старались обратить Евреевъ къ Христіянству. Когда Король Фердинандъ велѣлъ выгнать изъ Государства всѣхъ, которые не захотятъ принять Христіанской вѣры, 70,000 семействъ вышло за границу, и унесло съ собою 30 милліоновъ червонцовъ. Іоаннъ II Король Португальскій дозволилъ желающимъ остаться въ своихъ владѣніяхъ, и наложилъ на нихъ тяжкую подать. Въ Испаніи и Португаліи нѣкоторые Евреи для виду приняли Христіанскую вѣру и наименованіе *новыхъ Христіянъ*; они и теперь наружно исполняютъ Христіанскіе обряды и носятъ то же имя.

Въ 15, 16 и 17 столѣтіяхъ Евреи восточные, подобно западнымъ, были гонимы

и терпимы попеременно. Однакожь они удержались въ Персіи, Арменіи, Мидіи и другихъ странахъ, и даже основали нѣкоторыя заведенія. Начиная отъ Индіи и Бассоры до Мингреліи, гдѣ только отправляется торговля, тамъ есть и Жидаы. Кажется, они соеѣмъ оставили Іерусалимъ и Іудею. Въ Еѳіопіи они жили въ добромъ согласіи съ Христіянами, которые тамъ обрѣзываются, и наблюдаютъ многіе Іудейскіе обряды.

Люшеръ строго поступилъ съ Евреями; онъ убѣждалъ многихъ Князей выгонять ихъ изъ своихъ владѣній; не смотря на то, въ шестнадцатомъ столѣтіи не было ни одного города въ Германіи, гдѣ бы Евреи не отправляли торговыхъ промысловъ. Въ Польшѣ имъ даны были многія преимущества.

Самые богатѣйшіе изъ Евреевъ живутъ нынѣ въ Голландіи. Они тамъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, раздѣляются на Жидовъ Нѣмецкихъ и Португальскихъ. Тѣ и другіе взаимно себя ненавидятъ и почишаютъ идолопоклонниками, хотя въ самомъ дѣлѣ разность состоитъ только въ нѣкоторыхъ обрядахъ. Впрочемъ кажется, что въ Голландіи довольны Евреями, и что они заслуживаютъ нѣкоторыя преимущества, которыми пользуются. Португальскіе Евреи богаче и

благонравнѣе Нѣмецкихъ. Они пришли въ Голландію 1675 году, чшобъ избавишься отъ Инквизиціи.

Въ Пруссіи Жидовъ много. Они занимаются банкирскими дѣлами и торговлею, и дають деньги въ займы. Въ Берлинѣ большая часть банкировъ состоишь изъ Жидовъ, и большая часть подвижныхъ капиталовъ находится въ ихъ рукахъ. Правительсство и частные люди въ случаѣ надобности относясь къ нимъ съ своими требованіями.

Ливорна есть одинъ изъ городовъ Италіанскихъ, въ кошоромъ живешъ множество Евреевъ, упражняющихся въ торговлѣ. Они пользуются тамъ великою свободою, и кажешся не подають причины на себя жаловаться. Въ Испаніи и Португаліи еще и теперь заставляють Евреевъ наружно исповѣдывать Христіянскую вѣру. Сказываютъ, что нѣкоторыя изъ нихъ въ случаѣ надобности такъ далеко простирають свое лицемѣрство, что даже вслухъ въ чинѣ монашескій.

Теперь уже не лъзя распознать другихъ десяти колѣнъ, не возвратившихся въ Іерусалимъ. Кажешся однакожь, что Евреи, живущіе на востокѣ, и распространившіеся до Польши и Германіи, суть ихъ потомки.

Къ симъ извѣстіямъ , сокращенно выпи-
саннымъ изъ одного иностраннаго Журнала,
прибавимъ еще другія , почерпнутыя изъ
отечественной нашей Исторіи.

Лѣтописи не говорятъ опредѣлительно,
въ какое время Евреи поселились въ Россіи.
Въ первой разъ упоминается о нихъ подъ 986
годомъ , когда приходили Козарскіе Жиды
проповѣдывать вѣру свою Великому Влади-
міру. По мнѣнію Тапищева , здѣсь должно
разумѣть шѣхъ Козаръ , которые , почти за
двадцать лѣтъ прежде , плѣнены Святосла-
вомъ I , и по разореніи городовъ ихъ поселены
въ Кіевѣ на рѣкѣ Роси , и въ другихъ мѣ-
стахъ ; ибо нѣтъ примѣра въ Исторіи , что-
бы Жиды странствовали для проповѣданія
закона Моисеева. Извѣстно , что Козары
нѣкогда владѣли землями отъ Дона до Ду-
ная , и брали дань съ Кіевлянъ , которыхъ
освободилъ отъ порабощенія Олегъ , пришедъ
съ Русскими и Варягами изъ Новагорода. Свя-
тославъ I , какъ сказано , разоривъ многіе
города Козарскіе по Днепру и Бугу , распро-
странилъ владѣнія свои до Дуная. Родо-
началіе Козаръ остается недоказаннымъ : одни
почитаютъ ихъ соплеменными Славянамъ , а
другіе , и въ томъ числѣ Константинъ Ба-
грянородный , Туркамъ. И такъ Евреи были
пришельцы у Козаръ , и перпѣли съ ними
одинакую участь. Въ числѣ Козаръ , пересе-

ленныхъ въ Русскія области, и бывшихъ потомъ извѣстными подъ именами Торковъ, Берендеевъ, Черныхъ Клобуковъ и вообще Поросянъ, находилось много Жидовъ природныхъ.

Святополкъ II, Великій Князь Кіевскій, движимый сребролюбіемъ, далъ Жидамъ многія преимущества, и шѣмъ Христіанъ лишилъ важныхъ выгодъ, торговыхъ и ремесленныхъ. Народъ оплакивалъ свое состояніе, и терпѣлъ до времени. Лишь только сей Князь скончался 1132 (1), Кіевляне, сошедшись въ церкви Святыя Софіи, избрали на Великое Княженіе Владиміра Всеволодовича Мономаха, и послали къ нему въ Переяславль значнѣйшихъ людей съ прошеніемъ о принятіи родительскаго престола. Владиміръ опклонилъ предложеніе посланныхъ, боясь, чшобы въ противномъ случаѣ не сдѣлался виновникомъ войны междоусобной; ибо искавшіе престола, Олегъ и Давидъ, были дѣти Святослава, старшаго брата отца Владимірова. Народъ, ненавидя Святославичей, возмутился, и разграбилъ домъ Тысяцкаго Пупяшы, и другихъ, которые держали сторону Олега и Давида. Потомъ дошла очередь до Жидовъ. Кіевляне вспомнили прежнія обиды по дѣламъ торговымъ, и отмстили своимъ припѣснишелямъ. Множество Жидовъ побило, и дома ихъ

разграблены. Несчастливые заперлись въ Синагогу , и просили помилованія до пришествія Владиміра. Вельможи на силу могли ласковыми совѣтами утишить смятеніе въ народѣ; а между тѣмъ въ другой разъ послали ко Владиміру съ убѣдительнѣйшимъ прошеніемъ немедленно придти, и отвратить грозящія бѣдствія. Многочисленный народъ, Бояре и Митрополитъ со причтомъ церковнымъ встрѣтили Владиміра, и проводили его въ домъ Княжескій. Граждане успокоились; но единодушно просили управы на Жидовъ, которые опіяли у Христіянъ всѣ промыслы, разорили купцовъ и ремесленниковъ, присвоили себѣ великую свободу и власть, брали многихъ въ свой законъ, и поселились въ домахъ между Христіанами, чего прежде не бывало. Ненависть къ Жидамъ до того дошла, что народъ требовалъ дозволенія побить всѣхъ, и разграбить ихъ дома. Мудрый Владиміръ отвѣчалъ, что, не нарушивъ справедливости, не можетъ согласиться на прозьбу народа, и погубить многихъ невинныхъ; что, какъ не малое число Жидовъ находится въ разныхъ Княжествахъ, въ которыхъ они поселились по соизволенію прежнихъ Владѣтелей, то надобно о семъ посоветоваться съ Князьями. Вскорѣ пошомъ Князя, по приглашенію Владимірову, дѣйствительно съѣхались въ Кіевъ, и по долгомъ разсужденіи установили законъ:

„Изъ всея Русскія земли выслать Жидовъ со всѣмъ ихъ имѣніемъ, и впредь не впускашь; если же шайно войдутъ, дозволяется ихъ грабить и убивать.“ Въ другихъ земляхъ мучили Жидовъ за вѣру, опнимали у нихъ имѣнія и выгоняли изъ областей: Русскіе Князья выслали Жидовъ, какъ людей вредныхъ и опасныхъ для своихъ подданныхъ; однакожь не признали нужнымъ испреблять ихъ огнемъ и мечемъ за то, что сіи несчастныя рождены и воспитаны въ заблужденіи. Тогда по простодушію на Руси думали, что одинъ Богъ имѣетъ власть и право наказывать за мнѣнія. — Съ тѣхъ поръ Жиды не были терпимы въ Россіи до присоединенія къ ней земель, находившихся нѣсколько времени подъ властію Польши; гдѣ они опять поселились и размножились.

Между Козарами, пришедшими въ Русь 1117 года изъ Бѣлой Вежи, и поселившимися на земляхъ, которыя Владиміръ II повелѣлъ опвесити имъ, вѣроятно Жидовъ не было.

При Юріѣ Даниловичѣ, Великомъ Князѣ Московскомъ, Россія спрадала подъ Таттарскимъ игомъ. Хань присылали своихъ Чиновниковъ для собиранія податей. По лѣтописямъ видно, что 1320 году приѣзжалъ въ Кашинъ нѣкоторой Жидовинъ,

которой купилъ себѣ у Ташарѣ право *сосать* кровь Христїанскую.

Въ 1490 году приѣхалъ въ Москву Греческій Князь Андрей, брательникъ Великія Княгини Софіи, Дщери Ѳомы Палеолога. Съ симъ вмѣстѣ возвратились въ отечество Послы Великаго Князя Дмитрій и Михайло Рааевы, которые привели съ собою многихъ иностранныхъ художниковъ, и въ томъ числѣ Лѣкаря Жида Леона. Сей несчастный взялся вылѣчить Князя Иоанна, старшаго сына Великаго Князя, отъ болѣзни въ ногахъ, объявивъ, что подвергается себѣ смертной казни, если не успеетъ въ предпрїятїи. Леонъ врачевалъ Князя разными зельями, прикладывалъ къ плѣту скляницы съ горячею водою, и — уморилъ его. Великій Князь велѣлъ задержать Жида; по окончанїи сорокадневнаго поминовенїя по усопшемъ, Леону отрубили голову.

Скоро потомъ (1491) былъ духовный Соборъ въ Москвѣ при Митрополитѣ Зосимѣ на еретиковъ Новгородскихъ, которые, отвергая всѣ Христїанскїе догматы, исповѣдывали Іудейство. Вошъ начало сего разврата: Литовскій Князь Михайлъ привелъ съ собою изъ Кїева въ Великій Новгородъ Жида Схарїя; а потомъ Жида Сха-

сїи — кошорой, по свидѣтельству Іосифа Волоколамскаго (*), былъ діаволовъ сосудъ, изутенный всякому злодѣйскому изобрѣтенію, кародѣйству, тернокмижію и звѣздозаконію — соблазнилъ Попа Дениса; Попъ Денисъ привелъ къ нему Попа Алексѣя. Попомъ пришли изъ Липвы другіе Жиды, и съ единомышленниками своими успѣли многихъ обратишь къ Іудейству. Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ перевелъ изъ Новгорода въ Москву Алексѣя на Прѣшопосство къ церкви (нынѣшнему Собору) Успенія Богородицы, а Дениса къ церкви (Собору же) Архангела Михаила. Сіе обстоятельство было поводомъ къ тому, что нечестіе разпространилось и въ самой столицѣ. Геннадій, Архіепископъ Новгородскій и Псковскій, писалъ въ Москву о семъ развратѣ, почему и Соборъ созванъ. Ерешики Новгородскіе были оплучены отъ Церкви и наказаны. Однакожь симъ не кончилось. Въ 1505 году, другой Соборъ изыскивалъ дѣла ерешиковъ, принявшихъ Іудейство, кромѣ обрѣзанія. По соизволенію Великаго Князя и опредѣленію Собора, нѣкопорые изъ сихъ несчастныхъ безумцевъ (въ числѣ ихъ были духовные и свѣшскіе) сожжены, другіе разосланы въ заточеніе и по монастырямъ. Заключимъ словами Прѣосвященнѣйшаго, Сочинителя Краткой Церковной Россійской Испоріи:

(*) См. Древн. Росс. Вѣлїюв. Часть XIV.

„Хотя шаковый развратъ никакъ не могъ
„терпимъ быть, и дѣлалъ соблазнъ всему
„народу несносный и пагубный: однако
„строгое ихъ сужденіе съ духомъ кротости
„Христовой согласить не можно. Надле-
„жало ихъ удалить, и тѣмъ другихъ отъ
„шаковой заразы предохранить, и всѣхъ
„успокоить.“

II.

Къ Русскимъ.

Возстань народъ Царемъ любимый,
И жизнь готовь опчизнѣ въ дань!
Идетъ врагъ алчноспью водимый,
Неся съ собой кроваву брань.
Какъ шуча мрачная находить,
Крамслы и развратъ приводитъ,
Собравшись буйственной толпой.
Возстань, къ побѣдамъ Россѣ рожденной!
Надежду оправдай вселенной
И царствамъ возврати покой.

✱

Какъ по полямъ крутяся чистымъ
Вихрь бурный, все съ собой влечетъ;
Но устремясь къ горамъ кремнистымъ,
Ударитъ въ нихъ — и упадетъ:
Такъ врагъ законовъ, смертныхъ роду,
Опнявъ у согражданъ свободу,

Коварствомъ возложа вѣнецъ ,
Народы робки разоряетъ ;
Но вдругъ Россію онъ встрѣчаетъ —
И гордымъ замысламъ конецъ !

*

Возстань , Россія ! ополчися ,
Возвалъ Царь мужество твое :
Въ броню Донскаго облекися ,
Возьми ты Грознаго копье ,
Да вострепещетъ врагъ злосердый ,
Узря Пожарскаго щитъ твердый !
Вери , Россія , мечъ ПЕТРОВЪ ,
Ты , шлемъ надѣвъ ЕКАТЕРИНЫ ,
Предстань — и праведны Судьбины
Помогушъ низложишь враговъ.

*

Возстань , мужайся , и съ устройствомъ
Иди въ путь славы за Царемъ.
Твердыни — замѣни геройствомъ ,
Союзниковъ — своимъ мечемъ !
Послѣдуй предковъ ты примѣру ,
Храни домъ Божій , честь и вѣру ,
Въ odporъ поставя тверду грудь.
Брось громъ въ врага — и съ той минуты
Найдетъ удачей Галль надушый
Не къ добычѣ , а къ смерти пушь !

*

Ужь онъ идетъ — лучшимъ сражашся ,
Чтобъ каждый , честію водимъ ,
Готовъ былъ съ жизнью распашся.
Друзья ! умремъ , иль побѣдимъ !

На гласъ Царя мы соберемся,
 Изшоргнемъ мечь — стѣной сомкнемся;
 Ударимъ — сокрушимъ колоссъ!
 Намъ АЛЕКСАНДРЪ примѣръ средь бою —
 Отецъ отечества! съ ТОБОЮ
 Дерзнешь на все усердный Россѣ. —

N. N.

С. Пешербургъ.

III.

Бейрейсъ.

Въ числѣ достопамятностей въ Исторіи природы и человѣчества заслуживаетъ бытъ упомянутымъ Надворный Совѣтникъ и Профессоръ Бейрейсъ, живущій въ Гельмшпедтѣ. Онъ родился въ 1730 году въ Мильгаузенѣ, и теперь, на 76 году жизни своей, наслаждается совершеннымъ здоровьемъ; припомъ такъ свѣжъ, такъ веселъ и говорливъ, какъ только можно бытъ молодому человѣку. Онъ занимаетъ особливой домъ, недалеко отъ воротъ, которыя назвалъ *Бейрейсовыми*. Этошъ человѣкъ есть сущая загадка для самыхъ жителей и Профессоровъ Гельмшпедскихъ. Иные смѣются надъ нимъ, другіе почитаютъ его за чудака; но всѣ отдаютъ справедливость его обширной учености. *Бейрейсъ* не написалъ ни

одной книги; не смотря на то, успѣлъ прославиться. Имѣя чрезвычайную память, онъ научился многимъ языкамъ. Говоритъ о себѣ, что ведетъ переписку даже съ Китайцами и Японцами, и что одинъ только знаетъ языки сихъ народовъ. Онъ увѣряетъ, что *Муррз*, живущій въ Нирнбергѣ, знаніемъ Китайскаго языка обязанъ ему, хотя и тошъ равнымъ образомъ могъ бы утверждать, что *Бейрейсз* по Китайски у него учился. Часто случалось, что въ одинъ день давалъ онъ по девяти лекцій, коихъ предметами были — Математика, Исторія Философїи, Анатомія, Натуральная Исторія, Физика, Географія, Изящныя Искусства и проч. и проч. Онъ читаетъ самое мѣлкое письмо безъ очковъ; ходитъ по большей части безъ парика, и говоритъ такъ скоро, что другой не вдругъ приспаваетъ къ его рѣчи. Въ платьѣ любитъ простоту, и носитъ обыкновенно сѣрое. По всему видно, что эшотъ человекъ въ молодыхъ лѣтахъ многому учился, и имѣетъ прекрасныя способности. Онъ не замѣчалъ людей, съ которыми обращался; отъ того слишкомъ много думаетъ о себѣ и о семѣ, ему принадлежащемъ. Его важничанье, отчасу увеличиваясь, наконецъ до того дошло, что онъ сдѣлался чудомъ во мнѣніи другихъ и въ своемъ собственномъ. Вы подумаете, что онъ самъ вѣритъ бреднямъ, которыя

безъ всякаго стыда выдаетъ за сущую истину. Онъ съ такимъ чистосердечіемъ говоритъ о своихъ путешествіяхъ въ дальнія страны, въ которыхъ однакожь отъ роду не бывалъ, что всякой, слушаая рассказы его, въ состояніи божиться, что *Бейрейсѣ* не шутитъ. Вообще, собиратели рѣдкостей по большей части бывають слишкомъ привязаны къ своимъ коллекціямъ, и приписываютъ имъ чрезвычайную важность. Примѣръ сему видимъ въ *Бейрейсѣ*. Онъ собралъ много вещей, цѣнитъ ихъ выше всего, и называетъ *единственными* во вселенной. Впрочемъ, его рѣдкости не стоятъ такъ много денегъ, какъ онъ объявляетъ. Тайна дѣла въ прекрасной карминъ, долговременная Медицинская практика (*Бейрейсѣ* съ успѣхомъ исполняетъ должность Врача, а особливо Окулиста) и многія лекціи объясняють, какимъ образомъ одинокой человекъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ могъ собрать такія рѣдкости; припомъ надобно замѣнить, что онъ всегда жилъ умеренно. Ощецъ ничего не оставилъ ему въ наследство, однакожь *Бейрейсѣ* накопилъ значной достатокъ, и шѣмъ подалъ причину думать о себѣ, будто умѣетъ дѣлать золото; отъ чего онъ и самъ не опирается.

Бейрейсѣ ѣстъ очень много сахара. Онъ однажды говорилъ мнѣ, что это есть самое здо-

ровое кушанье. Наливая для меня чай, наклалъ полную чашку сахару, и убѣдительно совѣщивалъ всегда слѣдовать его примѣру. Онъ признался мнѣ, что многіе, одержимые болѣзнями, изъ отдаленнѣйшихъ странъ свѣта приѣзжаютъ къ нему просить помощи или наставленій. Всѣхъ бѣдныхъ лечитъ онъ безденежно, и въ самомъ дѣлѣ оказываетъ имъ великія благодѣянія человѣколюбивымъ своимъ участіемъ.

Во всѣхъ комнатахъ дому, въ которомъ онъ живетъ одинъ, и копорой заваленъ разными вещами, видѣнъ чрезвычайный беспорядокъ. Здѣсь лежатъ огромныя книги, тамъ рукописи; въ одномъ мѣстѣ на полу разбросаны сочиненія Кишайскія и Японскія, въ другомъ гравированныя и живописныя картины; здѣсь мраморныя и алебастровыя бюсты, тамъ медали, ботаническія собранія, набитыя чучела, птицы и земноводныя въ смирнѣ, насѣкомыя и бабочки въ стеклянныхъ ящикахъ, анатомическія препараты, рѣдкіе минералы, аншики и руды, все вмѣстѣ. Никакъ не лѣзя пройти по комнатамъ, потому что весь полъ уставленъ разными вещами; не на чемъ сѣсть, потому что всѣ стулья завалены.

Однажды спросилъ онъ нѣкотораго чужестранца, какихъ трехъ мужей почитаетъ

величайшими въ свѣтѣ; но какъ сей не могъ скоро обратиться съ мыслями, то *Бейрейсѣ* самъ отвѣчалъ на свой вопросъ: „первый былъ Аристотель, второй Невтонъ, третьяго — скромность назвашь мнѣ не позволяешъ.“ Нужно ли сказывать, кто эшотъ великой мужъ, котораго *Бейрейсѣ* не хотѣлъ назвашь по имени?

Онъ чрезвычайно любитъ картины, и утверждаетъ, что его собраніе картинъ есть самое лучшее изъ всѣхъ возможныхъ, и что онъ имѣетъ у себя превосходныя произведенія всѣхъ великихъ живописцевъ; однакожь извѣстно, что многія изъ сихъ, такъ называемыхъ, мастерскихъ произведеній суть ничто иное, какъ только простыя копіи, изъ которыхъ многія впрочемъ довольно хорошо написаны. На оборотѣ каждой картины находится по одному Латинскому двуспишію, на нѣкоторыхъ по два; въ нихъ описывается впечатлѣніе, которое картина произвела въ *Бейрейсѣ*, и означается имя живописца и содержаніе. Онъ увѣряетъ, что имѣетъ одну картину написанную на паупинѣ, а другая на бархатѣ; говоритъ еще, что изъ всѣхъ своихъ книгъ пользуется только тремя, — одна служишь для его оубы, другая для лекцій, а третья пригопвлена въ запасъ, на случай, если вшорая совсѣмъ изорвется.

Бейрейс почитаетъ себя единственнымъ виновникомъ смерти многихъ извѣстныхъ мужей. Испытатель природы Геце, по словамъ Бейрейса, умеръ отъ того, что осмѣлился писать противъ него, и опровергать сдѣланное имъ открытіе червей въ колодезной водѣ. Зандеръ умеръ, по его же старанію, въ наказаніе за то, что бралъ слишкомъ много денегъ съ какого-то книгопродавца. Онъ также выдаетъ себя виновникомъ смерти Графа Орлова. О всѣхъ живыхъ Писателяхъ отзываясь весьма не хорошо, — хотя ни почему не видно, чтобы онъ читалъ ихъ сочиненія. Съ Профессорами, своими товарищами, почти совсѣмъ не имѣетъ обращенія.

Бейрейс въ разговорѣ любитъ чрезвычайности; самыя большія суммы для него — бездѣлица. Онъ утверждаетъ, что *Линней* много почерпнулъ знаній отъ одного молодаго человѣка, которой учился прежде у него *Бейрейса*. Что мыши любятъ музыку — это *Линней* также взялъ у него, и проч. и проч. — Онъ говоритъ еще, что никто не имѣетъ такой обширной практики, что каждой мѣсяцъ прибываетъ у него 30 новыхъ больныхъ, и что слѣдовательно нигдѣ не лзя обогатиться такими знаніями, какъ учась у него. Череныхъ своихъ препаратовъ не показываетъ никому, извиняясь

нѣмъ, что опдалъ ихъ одному прѣятелю, отъ котораго получишь тотчасъ послѣ его смерти.

Бейрейсъ показываетъ чрезвычайной величины алмазъ, которой будто бы самъ сдѣлалъ, и которой, по его словамъ, стоишь несравненно дороже цѣлой Европы; *Бругманъ*, живущій въ *Лейденѣ*, почищаетъ сію рѣдкость за *Индійской* дымчатой пошазъ. Когда онъ спросилъ однажды *Бейрейса*, въ самомъ ли дѣлѣ это алмазъ, то сей насчиталъ ему болѣе двадцати свойствъ алмаза, и между прочимъ, что онъ можетъ уменьшаться отъ испареній... — Такъ вы конечно выгоняли изъ него летучія частицы? спросилъ *Бругманъ*. — „Да — ошѣчалъ *Бейрейсъ*, выгналъ немного; правда, алмазъ потерялъ чрезъ это въ цѣнѣ своей милліона два; но вѣдь вы знаете, что два милліона для меня — бездѣлица!“ Онъ хочетъ камень сей сжечь на своей могилѣ, и сдѣлать себѣ такіе похороны, какихъ еще не видано подъ солнцемъ. „Не думаете ли вы, — спросилъ онъ — еслибъ *Прусской* *Король* давалъ мнѣ за алмазъ всѣ свои земли, что я согласился бы уступить его? какъ бы не такъ! я былъ бы сущій оселъ, когда бы это сдѣлалъ.“

Достоинны примѣчанія, находящіяся у *Бейрейса* при славные *Векансоновы* автомаша.

Онъ говоритъ, что заплѣшилъ за нихъ въ Нирнбергъ чрезвычайно великія суммы денегъ; теперь они стоятъ въ бесѣдкѣ въ саду позади дому. Первой и самой меньшей изъ авшоматовъ есть ушка, составленная изъ множества колесъ, копорыя, дѣйствуя взаимно другъ на друга, представляютъ чудеса, какихъ нигдѣ найти не можно. Хотя сія единственная въ свѣтѣ ушка еще не совсемъ устроена; однакожь это не препятствуетъ ей шевелить носомъ, лишь только до нее допронешься.

Когда же бываетъ она въ хорошемъ состояніи, то обыкновенно клюетъ ячмень съ шарелки, перевариваетъ въ желудкѣ своемъ пищу, и черезъ нѣсколько времени извергаетъ нечистоту, копорая имѣетъ совершенное сходство съ натуральною. Другой, достойной примѣчанія авшоматъ, есть игрокъ на флейшѣ, сдѣланной въ человѣческой ростѣ. Какъ скоро попянешь за снурокъ, статура начинаетъ играть прекрасныя аріи. Наконецъ третій представляетъ барабанщика въ человѣческой ростѣ, которой бьетъ разные марши, какъ скоро его пронешь!!

Еслибъ я захотѣлъ пространно описывать образъ жизни Г-на Бейрейса, то могъ бы наполнить цѣлую книгу подобными замѣчаніями.

СЪ НѢМ.

Аминта ль, Дафна ли — теперь мнѣ все равно;
Мое спокойствіе мнѣ дорого одно.“

И Эхо между горъ слова тѣ повторяя,
Гласило: Ливія не любитъ Эзилая! . . .

Съ улыбкой радости прилегши на утесъ,
Внимала я, какъ гулъ слова мои понесъ
Въ окрестныя мѣста, въ селенья и пещеры;
И льсаясь исторгнушь тѣмъ вонзенны въ
сердце стрѣлы,

Я мнила, что могу сказавши разлѣбить,
Могу окаменѣть, напаси прекратишь. . .

Я мнила — и лице веселіемъ покрылось.

Но пламя лютое въ груди моей тайлось;

Палишь ее, и ахъ! не гаснетъ отъ рѣчей. . .

Весь адъ съ любовью ношу въ груди я сей.

Вчера мнѣ Сильвія сказала, здѣсь гуляя:

„Похвально, что любитъ не хочешь Эзилая.

Пастушки здѣшнихъ справъ твердятъ ме-
жду собой:

Какъ можно то любитъ, что губитъ нашъ
покой?

А Эзилай не богъ. . . . Подруга справедлива!“

Нѣтъ, Сильвія! — ахъ, нѣтъ, подруга ваша
лжива. . . .

Хотѣлабъ, но, увы! лзяль сердцу измѣнить?

Могуль неправдою васъ снова обольститъ?

Не богъ онъ. . . но ужь ли равны ему Тирсисы,

Меналки, Дафнисы, Милоны, Алексисы?

Ахъ, Сильвія! любитъ его — и переспать,

Есть но же для души, что жить — и не
дышать.

„Но Эхо въ сихъ горахъ ужель насъ оболь-
стило?“ —

Оно вамъ ложныя слова лишь повторило. . .
За то хочу его на вѣкъ опселя изгнать,
Въ себѣ отмститишь обманъ, съ нимъ вмѣстѣ
пострадашь.

И вотъ ужь двѣ зари здѣсь Ливія встрѣчаетъ,
Дыханьемъ пламеннымъ утесы согрѣваетъ,
А камни цѣлы всѣ. . . .

К а м и л л а .

Но не рукъ твоей,
Несчастлива Ливія, свершитъ трудъ тяжкой сей;
Умрешь. . . и жизнь твоя во цвѣтѣ прекра-
шится.

Л и в і я .

И съ ней минетъ напасъ, прешанутъ слезы
лишься.

V.

*Благодарность друзьямъ либѣ страдающа-
го теловѣщества.*

Великодушныя пожертвованія нашихъ соотечественниковъ не только составили цѣну, требуемую Хивинцемъ за освобожденіе дѣшей Акулины Кривобоковой, но даже превысили

ее. Къ осми стамбъ рублямъ, отпускаемымъ изъ казны на искупленіе чешырехъ человекъ, по договору не доставало *тысячи восьми сотъ* рублей. Въ Войсковую Уральскую Канцелярію прислано отъ разныхъ благошворителей *двѣ тысячи триста лятьнадцать* рублей. Остающіеся за выкупомъ *лять сотъ лятьнадцать* рублей будутъ употреблены въ пользу *Кривобоковой* и дѣтей ея. Сиротствующая мать скоро увидитъ себя матерью двухъ сыновей и двухъ дочерей, имѣющихъ надежное пристанище и средства къ пропитанію. Можетъ быть въ сію минуту дѣти окружаютъ уже мать свою; можетъ быть въ сію минуту они въ безмолвномъ восторгѣ молятся за своихъ избавителей! —

Войсковая Уральская Канцелярія препоручаетъ Издашелю засвидѣтельствовать предъ лицомъ Отечества благодарность свою *Особамъ, даровавшимъ* свободу семейству *Кривобоковой*, и напечатать въ Вѣстникѣ Европы имена благошворителей и денежные суммы, употребленные ими на сіе богоугодное дѣло.

Въ Войсковую Уральскую Канцелярію прислано отъ благошворителей въ разныя времена (см. Нум. 19 Вѣстн. Евр. 1805) денегъ - - - 1100 руб.

Послѣ того получено :

Отъ К. Н. А. Б.	-	-	-	5 руб.
— Я. А. Т.	-	-	-	25 —
— негожѣ	-	-	-	25 —
— Я. И. Р.	-	-	-	25 —
— Е. С. Трешьякова	-	-	-	25 —
— Е. С. Васильева	-	-	-	50 —
— Д. Г. Угримова	-	-	-	25 —
— Ю. Д. Вилькеса	-	-	-	50 —
— неизвѣстнаго благотворителя				800 —
— Вѣры Чирковой	-	-	-	25 —
— незнакомой благотворительницы, чрезъ Издателя Вѣст. Европы				125 —
— неизвѣстнаго благотворителя				10 —
— неизвѣстнаго же благотворителя				25 —
				И того 2315 руб.

VI.

С М Ъ С Ъ.

Малый Совѣтъ Лозаннскій издалъ окружное ко всѣмъ паспорамъ письмо, въ которомъ сказано: „Дошло до свѣденія Совѣта, что многіе пасторы читаютъ свои проповѣди по шепради, а не наизусть; въ слѣдствіе чего впредь запрещается такимъ образомъ сказывать проповѣди, безъ особаго дозволенія Совѣта. (А развѣ не лъзя чужую проповѣдь вытвердить, какъ свою собствен-

ную? или, развѣ лучше будетъ, когда паспорты вмѣсто чужихъ хорошихъ начнутъ сказывать свои дурныя проповѣди?)

*

По новѣйшему вычисленію, Сѣвероамериканскія соединенныя области содержатъ въ себѣ 5,150,000 свободныхъ жителей и 1,024,900 невольниковъ, всего 6,174,900 человекъ. Земское войско состоитъ изъ 1,100,000 чел.; флотъ изъ 34 кораблей, на которыхъ находится 574 пушки и 66,000 матросовъ.

*

Въ одномъ Нѣмецкомъ Журналѣ написано, что Панорама изобрѣтена въ Неаполѣ, въ наемной квартирѣ извѣстнаго Кавалера Гамильтона. Съ обѣихъ сторонъ наугольной комнаты дому были сдѣланы балконы, а внутри зеркальныя стѣны. Такимъ образомъ, не выходя изъ комнаты, можно было видѣть прелестныя окрестности Неапольскія. Сама собою родилась догадка перенести круглую картину съ зеркальной стѣны на холстъ. Нѣкоторые пріятели Гамильтоновы захоуѣли сдѣлать это — и сдѣлали.

*

Слѣдующія сцены выписаны изъ Англійскихъ лиспковъ. — Молодой Росціи спранствуетъ шеперь по городамъ, и показываетъ искусство свое за дешевую цѣну. Отецъ его

до такой степени сребролюбивъ, что хотѣлъ заключить договоръ съ двумя театральными Дирекціями въ одно время, и заставишь сына своего играть по утру въ Гарровгатъ, а ввечеру въ Лидсѣ, не взирая на то, что города сіи лежатъ одинъ отъ другаго въ 15 миляхъ, и что молодой Росцій каждой день долженъ былъ бы переѣзжать по 30 миль Англійскихъ (около 40 верстъ). Директоръ Гарровгатскаго театра не принялъ сего предложенія. —

Одна старуха пожаловалась въ судъ на внука своего, въ похищеніи у нее 60 гиней. Обвиняемаго посадили подъ караулъ. Но какъ бабка не могла изобличить его, то внукъ въ свою очередь подалъ на нее прозъбу, и получилъ за безчестье 1000 фуншовъ стерлинговъ. —

Нѣкоторой сельской священникъ принялъ на себя должность проповѣдника въ Училищѣ двѣицѣ. Одинъ разъ, по ошибкѣ, вынулъ изъ кармана проповѣдь, которую не задолго передъ тѣмъ сказывалъ въ Училищѣ юношей, и прочиталъ между прочимъ слѣдующее поучительное замѣчаніе для своихъ слушательницъ: „Если будетъ угодно Богу, то не одинъ изъ васъ, въ награду за доброе поведеніе, достигнетъ степени Лорда-Майора, а можетъ быть еще и Архіепископа Каншербургскаго!“

Въ Нордшильдѣ нѣкоторая счастливая чета провела пятнадцать лѣтъ безбрачной своей жизни въ совершенномъ согласіи и любви взаимной. Ей вздумалось обвиняться; не успѣвши еще сѣсть за столъ послѣ брачнаго благословенія, супруги въ первой разѣ завели жестокую ссору. Мужъ почелъ нужнымъ, пользуясь правами власпи своей, наказать непослушную; жена принуждена была защищаться, ухватила кочерьгу и сдѣлала шакой проломъ на головѣ любезнаго супруга, что сомнѣваются шеперь объ его выздоровленіи.

*

Августа 13 въ Парижскомъ Національномъ Институтѣ старикъ *Буффлеръ* читалъ похвальное Слово Г-ну Берцелени, Сочинителю Путешествія младшаго Анахарсиса по Греціи. Парижскій Журналъ (*Journal de Paris*) увѣряетъ, что сіе Слово тонкоспѣю вкуса подходитъ къ вѣку Лудовика XV, а силою мыслей соотвѣтствуетъ нашему времени. Напротивъ того Журналъ Имперіи (*Journal de l'Empire*) называетъ его совершенно безхарактернымъ. Кому вѣрить? — Потомъ слушали похвальное Слово Комическому Поэту Колленю д'Арлевилю, сочиненное Г-мъ Дарю. Въ заключеніе всего Г. Парни прочиталъ короткое Посланіе въ стихахъ.

*

Въ нѣкошоромъ Нѣмецкомъ Журналѣ написано, что имѣніе Г - на Фуше, Французскаго Министра Полиціи (перваго Инквизитора Наполеонова) простирается до 50,000,000 фрайковъ.

VII.

Къ Читателямъ.

Буду издавать *Вѣстникъ Европы* и въ печеніи 1807 года. Не принимая на себя излишнихъ обязанностей, смѣю увѣрить Читайшелей и Читайшельницъ, что планъ сего Журнала, объявленный въ Вѣдомостяхъ обѣихъ Столицъ, будетъ мною выполненъ въ точности.

Подписка принимается въ Москвѣ, на Тверской улицѣ, въ Конторѣ Университетской Типографіи, въ Императорскихъ Почтамтахъ и почтовыхъ Конторахъ. Цѣна: здѣсь въ Москвѣ 12, а съ пересылкою въ другіе города 15 рублей Государственными ассигнаціями.

М. Катеновскій.

VIII.

Россійскій Театръ.

(Письмо къ Издашелю.)

Цишая издаваемый вами *Вѣстникъ Европы*, иногда встрѣчалъ я въ немъ статьи о Театрѣ. Будучи страстнымъ любителемъ нравоучительнаго зрѣлища сего, не могу преодолѣть желанія сообщить вамъ мысли мои о недавно представленной Трагедіи, *Дидона*, соч. Г-на *Княжнина*. Прошу однакожь не называть меня Саширикомъ; Боже меня сохрани отъ такого ремесла! . .

О самой Трагедіи говорить нечего. Она уже давно извѣстна Россійской Публикѣ, а особливо Литтераторамъ, которые знаютъ даже и то, что Русская *Дидона* взята изъ Италіанской *Didona abbandonata*, — шворенія безсмертнаго *Метастазіо*; они знаютъ также, что многіе прекрасные стихи въ ней заимствованы изъ Французскихъ Авторовъ. Я только намѣренъ здѣлать нѣкошорыя замѣчанія объ игрѣ Актеровъ. Г-нъ *Плавильщиковъ* игралъ *Ярба* хорошо; но съ дарованіями, которыми природа надѣлила его, можно играть еще лучше. Не одинъ уже разъ, смотря на него въ сей роли, мы чаяли видѣть кипящаго любовію и мщеніемъ *Ярба*. Г-жа *Караневитова*

роль *Дидоны* представляетъ лучше, нежели многія другія. Игра ея была бы еще ближе къ совершенству въ сей Трагедіи, когдабъ она внимательнѣе наблюдала нѣкошорыя подробности. На примѣръ, гдѣ Авторъ ставитъ точки, тамъ надлежало бы продолжать молчаніе; тамъ естественнѣе оказывались бы мысли и чувствія спрасшной *Дидоны*. Актеръ долженъ совершенно принять на себя характеръ лица представляемаго, долженъ заставить Публику забыть, что видитъ передъ собою игру, а не истинное дѣйствіе — но это верхъ искусства! Прибавлю, что часто падашь на руки наперсницъ, и поспѣшно, не показывая малѣйшихъ остатковъ слабости, приходишь въ чувство — не естественно. Такія положенія сильнѣе дѣйствуютъ, когда повшоряются рѣже. Человѣкъ скоро привыкаетъ равнодушно смотрѣть на всѣ ужасы, имѣя ихъ часто предъ глазами. Душа его швердѣетъ; что въ первый разъ потрясло ее, то послѣ уже скользитъ по ней: потому — то искусный Актеръ бережетъ сильныя движенія, чтобы не упомить состраданія зрителей къ бѣдствіямъ представляемаго лица, и наконецъ не охладить его. Въ послѣднемъ дѣйствіи укорижны *Ярбу* высказаны превосходно. По опшествіи Царя Гешульскаго, воспоминаніе объ *Енеѣ* было недосшойно

Г-жи *Караневитовой*. — Г-нъ *Зловъ* читаетъ стихи очень хорошо; это въ искусствѣ театральнаго представленія важной пунктъ, о кошоромъ не многіе изъ нашихъ господъ Актеровъ пекутся. Для роли *Энея* надобно болѣе жару; однообразное движеніе правой руки прилично лишь Комическому любовнику. Погрѣшности въ игрѣ прости можно; не знаешь же роли своей Актеру, значить не имѣешь должнаго уваженія къ Публикѣ. — Г-нъ *Кондаковъ* со временемъ можетъ обработать свою способность, ежели Г-нъ *Плавильщиковъ*, изъ любви къ успѣхамъ *Изящныхъ Искусствъ*, не отречется помогать ему своими совѣтами и наставленіями. — Г-жа *Лисицына* кажется въ первой разъ явилась наперсницею Царицы. Привыкши къ ролямъ *Рапимы* и *Тараторы*, она была не на своемъ мѣстѣ, и читала стихи не такъ, какъ хотѣлось бы нѣкоторымъ зрителямъ. Роли наперсниковъ и наперсницъ не маловажны; напрошивъ, онѣ имѣютъ тѣсную связь съ первыми ролями, и хорошая игра наперсницы много споспѣшествуетъ хорошей игрѣ перваго лица. — Къ чести управляющихъ Театромъ надлежитъ сказать, что нынѣ примѣтно во всѣхъ *лїесахъ* рачительное соглашеніе приличныхъ костюмовъ и декораций, и что въ расположеніи ролей болѣе наблюдается правильности, нежели прежде. Ушѣ-

тщательно думашь, что сія отрасль просвѣщенія, при нынѣшнихъ способахъ, болѣе и болѣе совершенствоваться будетъ. Въ ожиданіи сего, прошу васъ помѣстить замѣчанія мои въ *Вѣстникъ*. Если господа Актеры, читая ихъ, не найдутъ ничего для себя полезнаго; по крайней мѣрѣ узнаютъ, что на нихъ смотрятъ со вниманіемъ, и замѣчаютъ ошибки столь же тщательно, какъ и самые таланты. Желаю вамъ совершеннаго успѣха въ пріятномъ для всѣхъ Читателей изданіи вашего Журнала.

..... вѣ.

ПОЛИТИКА.

I.

Манифестъ Его Величества, Короля Прусскаго, о войнѣ противъ Франціи.

Его Величество Король Прусскій, поднимая оружіе для обороны своего народа, почитаетъ нужнымъ какъ сему народу, такъ и цѣлой Европѣ объявить причины, побудившія его къ такому предпріятію.

Въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ Французская политика была бичемъ для человѣчества. Когда непостоянные начальники, которые, съ 1792 года быстро перемѣняясь одни послѣ другихъ, управляли Франціею, въ войнѣ искали орудій своего господствованія, а въ бѣдствіяхъ народовъ искали подпоры своего бытія; въ то время можно было взирать на нихъ равнодушно. Установленіе Правительства болѣе постояннаго, которое по видимому не имѣло потребности, подданныхъ первымъ, оживило надежду въ друзьяхъ тишины и порядка. Наполеонъ, имѣвши въ рукахъ своихъ власть верховную, отличившись военными подвигами, бывъ окруженъ слабыми областями, или

благорасположенными Правителями Государствъ, или побѣжденными и упомянутыми соперниками, могъ выбрать для себя лучшую роль. Ему ничего не оставалось дѣлать для возвеличенія Французовъ, но оставалось очень много для того, чшобъ сдѣлать ихъ счастливыми.

Съ чувствомъ прискорбія должно признаться, что Французская политика ни въ чемъ не перемѣнилась. Ненасытное честолюбіе всегда было отличительнымъ ея свойствомъ. И оружіе и договоры должны были равно служить ей. Немедленно по заключеніи мира въ Амьенѣ данъ знакъ насильственныхъ поступковъ. Два независимыя Государства, Голландія и Швейцарія, принужденно должны были принять новыя постановленія, обратившія ихъ во Французскія провинціи. Слѣдствіемъ того было возобновленіе войны.

Между тѣмъ миръ на твердой землѣ еще продолжался. Нѣмецкая Имперія купила его чрезвычайными пожертвованіями. Въ продолженіе сего мирнаго времени Французское войско вторгнулось въ Курфиршество Ганноверское — въ область, для которой война между Англіею и Франціею была совершенно постороннимъ дѣломъ — заперло Нѣмецкія пристани для Бриштанскаго флага, овладѣло Куксгавеномъ, и заняло округъ вольнаго

города , до котораго упомянутая война касалась еще меньше , нежели до Ганновера.

Въ продолженіе шогожь мира ; спустя нѣсколько мѣсяцовъ , Французское войско насильственно ворвалось въ землю Нѣмецкую ; и шѣмъ еще болѣе оскорбило честь народную. Хопя Нѣмцы не мстили за убіеніе Дюка Энгіенскаго ; однакожь случай сей никогда не изгладился въ ихъ памяти.

Люневильскимъ договоромъ обезпечена независимость Республикъ Италіянскихъ. Наполеонъ , вопреки торжественнымъ обѣщаніямъ , возложилъ на себя Желѣзную Корону. Генуя присоединена ко Франціи ; такая же судьба постигла Лукку. Наполеонъ , за нѣсколько мѣсяцовъ до того , выразительнѣйшимъ образомъ объявилъ предъ лицомъ своего народа и всей Европы ; что не хочетъ распространять предѣловъ своей Имперіи ; — объявилъ при случаѣ торжественнаго обряда , когда возлагалъ на себя великія обязанности. Сверхъ того , по договору съ Россією , Франція обѣщалась опредѣлить вознагражденіе для Короля Сардинскаго. вмѣсто исполненія сихъ обязанностей ; взято все , что могло служить для упомянушаго вознагражденія.

Португаллія хотѣла остаться при своемъ неутралишетѣ : ее принудили откупить

себѣ золотомъ нѣсколько минутъ мнимой безопасности.

Такимъ образомъ, не исключая даже Опшоманской Порты — которая не забыла еще насильственнаго вѣпорженія въ Египетъ и Сирию — не осталось ни одного Государства въ Европѣ, которое не было предметомъ какого-либо самовольнаго нападенія.

Къ насильствамъ должно еще прибавить систему оскорбленій и клеветаній. Журналъ (*), назвавшій себя отголоскомъ Правительсва, избранъ быть архивомъ своевольныхъ ругательствъ противъ всѣхъ Главъ Коронованныхъ.

Всеобщее утѣшеніе не могло быть чуждымъ для Пруссіи. Наносимыя обиды имѣли ближайшее къ ней отношеніе; сверхъ того опыты доказали, сколь благоразумна система, принятая всѣми Государствами Европы, почиаемыми за членовъ единого семейства — системы, которая призываетъ всѣхъ для взаимной обороны, и которая при непомѣрномъ увеличеніи одного предвидитъ опасность для всѣхъ прочихъ.

Болѣе же всего нужно изобразить, какимъ образомъ Франція вела себя въ непосредственномъ отношеніи къ Пруссіи.

(*) Мониторъ.

Излишне было бы вычислять все, за что Наполеонъ долженъ благодарить Пруссію. Сія Держава первая признала его въ новомъ достоинствѣ. Ни обѣщанія, ни угрозы не могли поколебать ея неутралишеша. Въ продолженіе шести лѣтъ она самымъ лучшимъ образомъ исполняла обязанности добраго сосѣдства. Еще болѣе — она уважала храбрую націю, копорая съ своей стороны равно научилась уважать Пруссію и въ войнѣ и въ мирѣ. Пруссія отдавала справедливоспъ Главѣ Французскаго Правительсва; хранила естественныя связи, копорыми оба Государства соединены болѣе, нежели общими выгодами. Память сихъ временъ исчезла для Наполеона.

Пруссія стерпѣла нападеніе на Курфиршество Ганноверское, и въ семъ случаѣ поступила не хорошо. Она помышляла о сопрошивленіи, и предлагала Англїи свою помощь, копорой однакожь вїя Держава принять не захопѣла. Пруссія должна была заботиться по крайней мѣрѣ о томъ, чшобы сіе предпрїятіе сдѣлать сколько возможно менѣе вреднымъ, и назначила предѣлы, за копорые Франціи выступать не надлежало. Наполеонъ торжественно обѣщался не нарушать неутралишеша областей Сѣверныхъ, и не дѣлать имъ никакого принужденія, а особливо не увеличивать числа войска, находившагося въ Курфиршествѣ.

Едва успѣлъ онъ принять на себя сіи обязанности, и пощасъ нарушилъ ихъ. Всѣмъ извѣстно, какимъ насильственнымъ образомъ схваченъ Г. Румбольтъ. Всѣмъ извѣстно, какимъ насильственнымъ образомъ Ганзеатическіе города принуждены платить контрибуцію подъ именемъ займа, не для своей собственной пользы, но какъ будто бы они вели войну съ Франціею. За первую обиду Королю сдѣлано удовлетвореніе недостаточное; о другихъ же Онъ совсѣмъ не зналъ, попому что приморскіе города боялись жаловаться. Король не скрывалъ отъ себя, какія чрезвычайныя дѣлаетъ пожертвованія для мира; но продолженіе сего мира было драгоценнѣйшимъ желаніемъ Его сердца.

Терпѣніе другихъ Дворовъ прежде испощилось, нежели Двора Прусскаго. Война возгорѣлась на твердой землѣ. Обстоятельства Короля въ разсужденіи должности Его были гораздо труднѣе, нежели когда-либо. Желая воспрепятствовать, чтобы Франція не увеличила числа войскъ, находившихся въ Ганноверѣ, Онъ обѣщался ей, что не дозволитъ ни кому напасть на упомянутыя войска, противъ которыхъ Россіяне и Шведы идши готовились. Съ сего времени вся тяжесть сношеній между Пруссіею и Франціею пала на первую Державу, безъ малѣйшей для нея выгоды. По особливому спеченію об-

остоятельствъ казалось, что Пруссія, которая хотѣла удержатъ неутраченныхъ, уже иначе не могла оставаться при немъ, какъ нарушая выгоды Государствъ союзныхъ. Такія обстоятельства Пруссіи были полезны только для одной Франціи, и Королю ежедневно угрожала опасность, которая тѣмъ была страшнѣе, что благопріятствовала намѣреніямъ Наполеоновымъ.

Кто могъ бы повѣрить, что Наполеонъ — въ ту самую минуту, когда Король являлъ Французскому правительству сильнѣйшіе доводы своего постоянства и рѣдкій примѣръ вѣрности въ исполненіи одинъ разъ приняшихъ обязанностей — нанесетъ Пруссіи чувствительнѣйшее оскорбленіе? кто не помнитъ насильственнаго въ Анспахскую область вторженія, совершившагося въ претій день Октября прошлаго года, не взирая на убедительнѣйшія представленія мѣстнаго Начальства и Министровъ Королевскихъ!

Такимъ образомъ нѣсколько лѣтъ продолжалась борьба съ одной стороны между снисходительнѣйшею умѣренностію и честностію въ вѣрномъ храненіи даннаго слова, а съ другой — злоупотребленіемъ силы, слѣпою надеждою на обманчивое счастье и привычкою соображать свое поведеніе съ симъ же счастьемъ.

Наконецъ Король объявилъ Французско-
му правительству, что всѣ связи съ нимъ
почитаешъ уничтоженными, и устроилъ вой-
ска свои, соображаясь съ обстоятельствами.
Тогда Онъ совершенно удостоверился, что
только миръ, утвержденный на прочномъ
основаніи и обезпеченный всѣми Державами,
можетъ быть вѣрною порукою за безопа-
сность сосѣдовъ Франціи.

Его Величество объявилъ союзнымъ Державамъ, что принимаетъ на себя званіе посредника въ случаѣ переговоровъ о такомъ мирѣ; и что всѣми своими силами будетъ способствовать возстановленію онаго.

Чтобы судить объ умѣренности, которою всегда руководствовалась политика Его Величества, довольно узнать тогдашнія условія. Пруссія въ то время забыла о мщеніи; не хотѣла вмѣшиваться въ дѣла послѣднихъ войнъ; сколь впрочемъ ни были онѣ пагубны; подтвердила только прежніе договоры. Она ничего не желала, кромѣ исполненія сихъ договоровъ, — но желала безусловно. Графъ Гаугвицъ отправился въ Вѣну, гдѣ тогда Наполеонъ имѣлъ свое пребываніе.

Спустя нѣсколько дней по прибытіи сего Министра въ Вѣну, дѣла военныя со-

вершено перемѣнились. Претерпѣнные поражения заставили Дворъ Вѣнскій приступить къ перемирію, послѣ котораго въ скоромъ времени заключенъ миръ окончательный. ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО ИМПЕРАТОРЪ Всероссійскій великодушными Своими намѣреніями пожертвовалъ желанію Своего Союзника; войска Его возвратились въ Отечество. Одна Пруссія осталась на позорищѣ. Она уже принуждена была назначить своей политики кругъ дѣйствія, сообразный силамъ, и опложивъ прежнее намѣреніе защищать права цѣлой Европы, заботиться только о безопасности своей и своихъ сосѣдовъ.

Наполеонъ предложилъ Графу Гаугвицу договоръ, въ которомъ постановляемо было съ одной стороны взаимное поручительство за цѣлость владѣній обоихъ Государствъ, за ненарушимость Турецкихъ областей, и за безпрепятственное исполненіе статей Пресбургскаго мира, съ другой — занятіе Пруссіею Ганновера, и уступка трехъ ея провинцій.

Первая часть сего договора по крайней мѣрѣ обѣщала на будущее время признанное, утвержденное и — еслибъ только захотѣлъ Наполеонъ — прочное политическое распоряженіе. Слѣдствія Пресбургскаго мира были несчастны для всей Европы; но Пруссія

одна подвергла бы себя великой опасности еслибъ стала прошивиться онымъ; сверхъ того сія преграда ненасытному хищничеству Франціи по видимому могла бытъ полезною, — ибо Пруссія думала, что договоръ будетъ значить для Сен-Клудскаго Кабинета нѣчто болѣе, нежели простыя слова. По сей причинѣ Король не усомнился подтвердить сшашьи договора.

Другая часть Вѣнскаго договора относилась къ предмету, коего важность ознаменована пагубнымъ опытомъ. Пруссія не могла ни на минуту оставашься въ безопасности до тѣхъ поръ, пока Ганноверъ замѣшанъ былъ въ войну, которая до него совсѣмъ не касалась. Потому-то Пруссія рѣшилась не допустить, сколь дорого ей ни стоило бы, чтобы Французы снова заняли сію область.

Что ей выбирать оставалось? надлежало отъ войны или отъ договоровъ ожидать успѣха въ своемъ намѣреніи. Уступка трехъ провинцій, много лѣтъ сряду бывшихъ вѣрными и счастливыми, есть такое пожертвованіе, котораго не должно полагать на вѣсы прошивъ какого-нибудь плана суешнаго честолюбія; но сіи самыя провинціи при началіи войны первыя дощерпѣли бы сопряженныя съ нею бѣд-

ствія, и все бремя несчастія пало бы на Монархію; напротивъ того приобретение Ганновера, безъ печальныхъ обстоятельствъ, могло доставить Пруссіи великія выгоды. И такъ Король призналъ, что Его желанія не противны правиламъ Его, и согласился принять предлагаемой замѣнъ, съ такимъ однакожь условіемъ, чтобы окончательное рѣшеніе сего дѣла опложить до всеобщаго мира, и ожидать соизволенія на то Его Величества, Короля Великобританскаго.

Всѣ выгоды сего договора были на спорѣнъ Франціи, которая приобрѣла поручительство за свои завоеванія, а сама отдала то, что ей не принадлежало, и что могла обратно получить себѣ не иначе, какъ посредствомъ непостоянной войны; напротивъ того области, уступленныя Пруссіею, послужили ей способомъ обогащенія своихъ союзниковъ.

Но между полишикою, которая всего хочетъ, и правою, которая свято хранитъ свои обязанности и обѣщанія, борьба никогда не бываетъ равною. Приближалась минута, въ которую Король долженъ былъ узнать что на опытѣ; сія минута была самая горестная въ Его царствованіи.

Оцъ Франціи завизѣло не принять условий, на которыхъ Король подтвердилъ до-

говорѣ, если онѣ ей не нравились. Однакожь она того не сдѣлала; пошому что все войско Прусское стояло подѣ ружьемъ. Она продолжала извѣлять увѣренія свои въ дружбѣ; вездѣ показывала, что уважаетъ свято договорѣ, гдѣ только видѣла для себя пользу въ томъ, чшобѣ ему вѣрили. Но лишь только Его Величество Король — будучи побуждаемъ желаніемъ насладиться единственымъ плодомъ послѣднихъ переговоровъ, плодомъ драгоцѣннымъ для его сердца, и облегчить Германію, изнеможенную опѣ пребыванія Французскихъ войскъ — повелѣлъ своимъ возвратиться на прежнія мѣста, Франція пошчасъ перемѣнила поведеніе. Въ Парижѣ отвергнули придашочныя спашьикъ Вѣнскому договору, и хотѣли Пруссію насильно засшавить согласиться на мѣры, для нее пагубныя. Когда Графъ Гаугвицъ, находившійся въ Парижѣ, прошивился шому; высококомѣрно пошребовали безусловнаго исполненія договора, и уничтоженія манифеста, опносишельно заняшія Ганновера Прусскими войсками. Оспоривали у Пруссіи часть договорныхъ выгодъ, и домогались, чшобы пристани были заперты для Англійскаго флага — какъ будто бы Франдузы опять пришли въ Курфиршество Ганноверское!

Наконецъ Король совершенно узналъ, какъ должно думать о пріязни Наполеоно-

вой. Онъ уже болѣе не скрывалъ отъ себя, что плоды такого союза всегда должны быть одинаковы, то есть, усыпительнымъ напиткомъ для Державы, которая чувствуетъ еще свои силы, и средствомъ униженія и порабощенія для Государства, которое уже силъ не имѣетъ.

Между тѣмъ Наполеонъ имѣлъ на своей сторонѣ всѣ выгоды. Прусское войско отступило; но Французы — послѣ нѣкоторыхъ движеній, которыя порадовали — было обманувшую Германію — расположились на сей сторонѣ Рейна, подъ ничтожными предлогами. Первая встрѣча могла бы довести до битвы. Война, которая не всегда бываетъ величайшимъ зломъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ могла бы имѣть пагубныя слѣдствія. Король хотѣлъ еще нѣсколько времени оставаться при своей роли; хотѣлъ силы свои, болѣе нежели когда-либо нужныя для Европы, поберечь на случай, котораго тогда ожидать уже должно было, и подтвердилъ новый договоръ, имѣя въ виду по крайней мѣрѣ обезпеченіе Сѣвера. Однакожь не лзя было полагаться на оной. Пруссія тогда была уже увѣрена, что надлежало отъ мнимато своего союзника ожидать нападенія при первомъ случаѣ, которой признаетъ онъ удобнымъ обезсилить ее, не подвергая себя опасности; она была увѣре-

на, что есть честолюбіе, котораго ни что насытитъ не можетъ, честолюбіе, которое стремится безпрестанно отъ насильства къ насильству, иногда безъ плана, но всегда съ намѣреніемъ пожирать все, не заботясь о выборѣ способовъ, и съ одинакою рѣшительностію употребляя перо и оружіе, присягу и хищничество. Однакожь, и въ сей будучи увѣренности, Король исполнилъ всѣ условія договора со щаніемъ, приличнымъ добросовѣстному Союзнику — сколь впрочемъ ни великъ былъ перевѣсъ упомянутой политики передъ тою, которая имѣетъ въ виду одну справедливость. Извѣстно, какія слѣдствія отъ того произошли вразсужденіи связей Его Величества съ Англіею. Франція ничего не получила; но мысленно радовалась, что удалось ей поссорить два Двора, которые, въ противномъ случаѣ, могли бы для нее быть опасными. Франція пощому только почитала важнымъ союзъ съ Пруссіею, что чрезъ него опдала Ея Величество отъ другихъ Монарховъ, которые могли думать, что Пруссія есть совиновница поль многихъ бѣдствій.

Сего несчастія еще не довольно. Скоро увидимъ, какъ Французская полишика — будучи въ томъ мнѣніи, что некого уже ей бояться, полагая, что Австрію довела до безсилія, и будучи обольщена высококомѣ-

ріємъ своимъ и ложнымъ сужденіемъ о Рос-
сіи, о кошорой не имѣла надлежащихъ свѣ-
деній, шакже мнимою безпечностію Пруссіи —
сбросила личину, и пренебрегши всѣ прилич-
ности, съ коими прежде соображалась, явно
попощала всѣ права и договоры. Черезъ
три мѣсяца послѣ подписанія договора
съ Пруссією, всѣ ешашьи онаго были уже
нарушены.

Основаніемъ договора было *status quo*
шого времени, въ кошорой онъ заключенъ,
а особливо поручишельство за ненарушимое
прѣбываніе Нѣмецкой Имперіи и Чиновъ въ
шакоемъ состояніи, въ какомъ они нахо-
дились до той эпохи. Сія истина за-
висишь не только опъ сущности дѣла: въ
договорѣ выразительно предписаны обязан-
ности обѣямъ Державамъ. Для Его Величе-
ства Императора Австрійскаго обезпечены
отношенія, въ кошорыхъ Онъ находился
послѣ Пресбургскаго мира, шакже Император-
ская Нѣмецкая Корона и права, съ нею со-
пряженныя. Тѣмъ же общимъ поручишель-
ствомъ подтверждено существованіе Бава-
рїи, и всѣ отношенія, кошорыми она нѣ-
сколько вѣковъ сряду была привязана къ
Нѣмецкой Имперіи. Слущя пошомъ при
мѣсяца, Рейнской Союзъ опровергъ кон-
ституцію Нѣмецкой Имперіи, опнялъ у
Императора древнее укращеніе Дому Его, и

Баварію съ тридцатью другими Князьями подчинилъ покровительству Франціи.

Надобно ли прибѣгать къ договорамъ, чтобы по надлежащему судить о семъ чрезвычайномъ произшествіи? Народы имѣютъ права свои, важнѣйшія всѣхъ договоровъ; еслибъ Франція не поругалась святоści присяги, — и тогда дѣло споль неслыханнаго деспотизма произвело бы въ умахъ общее волненіе. Лишишь независимости Князей, которые никогда не оскорбляли Франціи; сдѣлаешь ихъ подданными нѣкоторымъ людямъ, которые сами находясь въ подданствѣ Франціи; однимъ почеркомъ пера уничижишь тысячелѣтнюю конспирію, драгоценную для Чиновъ Имперскихъ по долговременной привычкѣ, по напѣванію славныхъ временъ, и по многоразличнымъ взаимнымъ связямъ между Князьями, — конспирію, за цѣлостъ которой поручились всѣ Государства Европейскія и сама Франція; разрушишь ее предъ лицомъ совинныхъ жертвъ, а между тѣмъ разоряешь войсками Чиновъ, будто бы желая обогатить ихъ; въ мирное время налагаешь на города военныя подати; даже новымъ владѣтелямъ ничего не оставишь, кромѣ сухаго основа; разрушишь конспирію, не спросясь Нѣмецкаго Императора; которой лишенъ короны, не спросясь Россіи, недавно признанной покровитель-

лицею за Союзъ Нѣмецкой, не спросясь Прус-
сіи, которая еще ближайшее принимала уча-
стіе въ Союзѣ, приближавшемся къ концу
своего бытія! Случалось, что война и ча-
стныя побѣды иногда производили дѣла вели-
кія, достопамятныя; но никогда еще свѣтъ
не видалъ такого зрѣлища въ мирное время.

Король болѣзновалъ о несчастныхъ Князь-
яхъ, которые наиболѣе терпѣли отъ сихъ
предпріятій; но Онъ не менѣе жалѣетъ и шѣхъ,
которые соблазнились пагубными корыстями.
Онъ укорялъ бы самъ себя увеличеніемъ
ихъ несчастія, когда бы стали осуждать
ихъ съ излишнею сурогостію. Будучи обма-
нуты въ награду за свою уступчивость, а
можешь бышь и принуждены повиноваться
приказамъ, неперпящимъ никакого сопроти-
вленія, или же если добровольно попались
въ сѣщи, достапочно наказаны приобрѣше-
ніями и соспояніемъ подданства, столько
жестюкаго, сколько прежнія связи ихъ были
почтенны, они не заслуживаютъ, чтобы
Германія опринула ихъ. Когда великодуш-
ный народъ, къ которому они прежде при-
надлежали, воспрянетъ для обороны своей
независимости, можешь бышь въ то время
достигнешъ до нихъ гласъ благодарности и
чеспи; покрайней мѣрѣ тогда они вознена-
видятъ цѣли свои, когда будутъ принужде-
ны омывать ихъ кровію своихъ брашій.

Казалось, что такого деспотизма еще мало для оскорбленія Пруссіи. Наполеонъ хотѣлъ, чтобы всѣ обстоятельство онаго непосредственно касались до Особы Короля. Бышіе Принца Оранскаго состояло подъ общимъ поручительствомъ обѣихъ Державъ; на семъ только условіи Король призналъ политическія перемѣны, въ Голландіи происшедшія. Нѣсколько лѣтъ сей Принцъ ожидалъ удовлетворенія въ денежныхъ своихъ требованіяхъ, которыя признаны справедливыми и Франціею и Пруссіею. Республика Батавская хотѣла привести дѣло сіе къ окончанію; Наполеонъ запретилъ ей. Ни память сего обстоятельство, ни родственныя связи, соединяющія Принца съ Королемъ, ни двадцати - кратное засвидѣтельствованіе, что Король не отступится отъ правъ своего шурина, — ни что не помогло къ исключенію его изъ числа многихъ жертвъ хищничества. Онъ первой лишенъ наследственнаго достоинства. За недѣлю передъ тѣмъ, Наполеонъ въ учтивомъ письмѣ изъяснилъ ему соболѣзнованіе свое о кончинѣ Князя, его родителя, и пожелалъ ему спокойнаго управленія наследственными областями своего Дома. Каждое изъ сихъ постороннихъ обстоятельствъ не маловажно; каждое бросаетъ лучъ свѣта на цѣлое.

Клевское Княжество досталось Іоакиму Мюра, который, ставши удѣльнымъ Княземъ,

топчасъ началъ помышлять о завоеваніяхъ. Войско его заняло Аббашства Эссенъ, Верденъ и Элшенъ, подъ предлогомъ, будто онѣ принадлежали до Княжества Клевскаго, хотя сіи Аббашства приобрѣнены весьма недавно, и хотя между ими и уступленною провинціею не было ниже тѣни какихъ-либо связей. Тщешно мучились надъ пріискиваніемъ какой-нибудь причины, которою было бы можно оправдать насильственныя поступки.

Везель долженствовало принадлежать новому Князю, а не Наполеону; иначе, Король никогда не согласился бы отдать въ руки Французовъ послѣднюю крѣпость на Рейнѣ. Везель присоединили къ Французскому Департаменту, не сказавши о томъ никому ниже одного слова.

Взаимнымъ поручительствомъ обезпечены владѣнія Монархіи Австрійской и Порты Опшоманской. Наполеонъ хотѣлъ, чтобы Пруссія замѣшана была въ сіи поручительства, ибо онѣ въ рукахъ его служили орудіемъ, которое онѣ употреблялъ сообразно выгодамъ своей политики, и могли служить предлогомъ для новыхъ приязаній въ случаѣ спора, которой его честолюбію воспламенишь не трудно. Самъ же онѣ до тѣхъ поръ держался поручительствъ, пока соб-

сѣвенныя выгоды не указывали ему другой дороги. Войско его заняло Рагузу, не смотря на то, что она состояла подъ покровительствомъ Опшманской Порты. Градска и Аквилея опняты у Австріи, подъ предлогомъ подобнымъ тому, которой былъ побудительною причиною къ занятію Французами прехъ Аббатствъ Нѣмецкихъ.

По всѣмъ политическимъ разсчетамъ выходило, что Государства, сотворенныя Франціею, должныствовали бытъ *Государствами* въ собственномъ значеніи сего имени, а не Французскими провинціями. Кабинетъ Сен-Клудской однимъ словомъ лишилъ ихъ независимости. Выдумано названіе *Великой Имперіи* — и Франція пошчасъ окружилась васаллами.

Уже не осталось ниже слѣдовъ договора; — а Пруссія все еще не впускала Англичанъ въ свои пристани! Пруссія все еще хранила свои обязанности!

Наконецъ Наполеонъ увѣдомилъ Его Величество Короля, что ему вздумалось, уничтоживъ Нѣмецкую Имперію, учредить Союзъ Рейнскій, и предложилъ Королю составить такой же союзъ въ Сѣверной Германіи. Давно уже извѣстенъ способъ, весьма благопріятствующій хорошему успѣху при сочиненіи

Новаго плана, кидашь приманку для Дворовъ, которые могли бы препятствовать исполненію. Король согласился на предложеніе, — не для того чтобы совѣты, которыхъ истинная цѣна была уже извѣстна, сдѣлали въ Немъ какое-либо впечатлѣніе; но будучи принуждаемъ къ тому обстоятельствомъ; ибо по оппаденіи Князей, присоединявшихся къ Рейнскому Союзу, тѣснѣйшая связь на Сѣверѣ была необходимѣе, нежели когда-либо прежде, для сохраненія безопасности. Король занялся новымъ планомъ; но основанія сего плана, по счастью, не сходствовали съ образцомъ своимъ. Съ чувствомъ благородной гордости, Онъ желалъ собрать подъ своими знаменами остатокъ Нѣмцовъ, не нарушая ни чьихъ правъ; одна честь долженствовала соединить Союзниковъ.

Но могло ли статься, чтобы Франція вызвала Короля на такое дѣло, которое было бы полезно для Пруссіи! Тотчасъ увидимъ, что значитъ доброхотство, изъявляемое Франціею.

Съ самаго начала постарались включить въ Испанскій Рейнскаго Союза спашью, содержащую въ себѣ сѣмена для будущихъ присвоеній. Обѣщано принимать въ число союзниковъ другихъ Князей, которые обѣдвять на то свое желаніе. Симъ способомъ

положеніе дѣла въ Германіи опять оспалось въ нерѣшительности. Франція, имѣя средства привлечь къ себѣ угрозами и обѣщаніями слабая государства, могла бы наконецъ Рейнской Союзъ распространить до самаго средоточія Прусской Монархіи.

Чтобы никто не сомнѣвался въ томъ, немедленно сдѣланъ первый опытъ. По счастью, онъ палъ на Государя, копорой не знаетъ боязни, и копорой почиаетъ независимость свою главнымъ предметомъ благороднаго честолюбія. Французской Посланникъ въ Касселъ посовѣтовалъ Курфирсу опдаться въ руки Наполеона. „Пруссія — говорилъ онъ — ничего не дѣлаетъ для своихъ союзниковъ.“ (Правда, Наполеонъ лучше поступаетъ съ своими; всякой видишь, что Испанія, Голландія, также Короли Баварскій и Виртембергскій, союзу съ Наполеономъ обязаны своимъ спокойствіемъ, независимостію и славою!) Такъ! Пруссія ничего не дѣлаетъ для своихъ союзниковъ; Наполеонъ наградила бы Курфирса за послушаніе, и распространилъ бы его области!

Какое вѣроломство противъ дружественной Державы! Въ то самое время, когда предлагали Королю учредить на Сѣверѣ Союзъ, котораго передовою стѣною долженствовало бытъ Гессенъ, въ то время замыш-

ляли оплучить Курфирста отъ Короля, съ копорымъ онъ соединенъ тѣснѣйшими связями родства, союзничества и многими другими отношеніями.

Но сіи непріязненные поступки еще мало важны. Желательно ли знать, какого рода была приманка, которою предполагали обольстить Курфирста Гессенскаго, и чѣмъ обѣщали увеличить его области? Жребій падалъ на Принца Оранскаго, Королевскаго шурина, того, которой уже два раза былъ обманутъ безстыднѣйшимъ образомъ, и копорого еще въ третій разъ хотѣли ограбить. Онъ владѣлъ Фульдою. Курфирсту обѣщана сія область, которая въ самомъ дѣлѣ была бы отдана ему, еслибъ онъ захотѣлъ того, и если бы Пруссія не подняла оружія.

Король видѣлъ, что система хищничества часъ отъ часу усиливалась; видѣлъ, что кругъ его спѣсняютъ, и что начинаютъ уже предписывать ему не двигатся въ семъ кругу, отъ времени до времени болѣе уменьшающемся. Издано странное запрещеніе чужимъ войскамъ, вооруженнымъ и безоружнымъ, переходить черезъ области Рейнскаго Союза; это значило, что, вопреки народнымъ правамъ, рушена связь между раздѣленными Гессенскими провинціями, и что готовились причины къ несогласію. Въ томъ состояло

первое наказаніе , постигшее великодушнаго Курфирста , кошорой хотѣлъ лучше имѣть у себя защитника , нежели надъ собою господина.

Хотя Его Величество , Король , о всемъ томъ не могъ помыслить безъ огорченія , однакожь забошлся о способахъ согласишвъ тогдашнія обстоятельсшва съ миролюбивыми своими расположеніями.

Напрошивъ того Наполеонъ старался уничтожить и сію послѣднюю надежду. Въ то время въ Парижѣ продолжались переговоры о мирѣ съ Россіею и Англіею. Въ обоихъ переговорахъ обнаружилась намѣренія Наполеоновы относительно Пруссіи.

Въ трактатѣ , котораго не подтвердилъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО , ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ , Франція обѣщалаь , вмѣстѣ съ Россіею , не допустить , чтобы Пруссія завладѣла провинціями Короля Шведскаго ; а за нѣсколько мѣсяцовъ передъ тѣмъ Сен - Клудскій Кабинетъ насшоятельно пребоваь отъ Пруссіи , чтобы завладѣла упомянушыми провинціями. Цѣль сего поступка была шройшвенная : онъ хотѣлъ во *первыхъ* отмстить Королю Шведскому , во *вторыхъ* поссорить Пруссію съ другими Государсшвами , во *третьихъ* засшавить Пруссію не вмѣшивашься въ дѣла южной Германіи. Король давно уже предусшошрѣлъ сіи намѣренія ; несчастная ссора со Швеціею

была для него мучительна. Онъ старался удалить всѣ подозрѣнія о планѣ любостяжательномъ ; ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ извѣстны его обѣщанія по сему предмету. Немедленно перемѣнилась сцена , и Наполеонъ , бывшій долгое время непріятелемъ Швеціи , сдѣлался защитникомъ оной.

Не излишнимъ почищается упомянуть здѣсь , что Наполеонъ , желая удовлетворить великодушное участіе Санктпетербургскаго Кабинета въ дѣлахъ Короля Неаполитанскаго , въ упомянутомъ трактатѣ обѣщался сдѣлать вознагражденіе сему Монарху , и склонить Испанскаго Короля уступить Фердинанду IV острова Балеарскіе. Таковы - то суть увеличенія владѣній , которыхъ могутъ надѣяться его союзники!

Все сіе было приступомъ къ дѣйствіямъ противъ Пруссіи. Приближаемся къ минутѣ , которая заставила Его Величество Короля рѣшиться.

Пруссія ничего не получила отъ своихъ договоровъ со Франціею , кромѣ потери и униженія. Одна только выгода при ней осталась : она имѣла въ своихъ рукахъ жребій Ганновера , и должнаствовала удержатъ его , чтобы сохранить послѣдній залогъ безопас-

ности сѣверной Германіи. Наполеонъ , торжественно поручившись за пребываніе дѣлъ въ семъ соспоянїи , договаривался съ Англіею о возвращенїи ей Курфиршества. Его Величество Король имѣетъ на то неоспоримыя доказательства.

Послѣ войны уже на самомъ дѣлѣ объявлена. Каждой шагъ Парижскаго Кабинета показывалъ недоброхотство. Ежемѣсячно возобновляемо было извѣщеніе о выступленїи войскъ Французскихъ. Несмотря на то , онѣ , подъ ничтожными предлогами , все оставались въ Германіи. И для чего ? Великій Боже ! Для того , чтобы независимость Нѣмцевъ разрушить до основанія ; чтобы съ Королями поступать , какъ съ Префектами ; чтобы испощать области ; чтобы гражданъ , обязанныхъ быть послушными только своимъ Государямъ , таскать въ судилища военныя ; чтобы другихъ , спокойно живущихъ въ чужестранныхъ областяхъ подъ властію независимыхъ Монарховъ , даже въ столицѣ Нѣмецкаго Императора , объявлять преступниками за то , что издавали сочиненія прошиву Французскаго правительства , или лучше сказать , прошивъ деспотизма его , между тѣмъ какъ по же самое правительство подъ своею защитою ежедневно дозволяетъ наемнымъ клеветникамъ оскорблять честь Главъ Коронован-

ныхъ и священнѣйшее чувство народное, Французское войско не только не уменьшалось, но часъ отъ часу болѣе увеличивалось, приближаясь къ владѣніямъ Пруссіи и Союзниковъ ея. Оно положеніемъ своимъ сдѣлалось страшнымъ для Пруссіи, и даже усилилось въ Вестфаліи, откуда безъ сомнѣнія дорога лежала не къ Бока ди Капшаро!

Уже не оставалось никакого сомнѣнія, что Наполеонъ хочетъ или воевать съ Пруссіею, или сдѣлать ее навсегда къ войнѣ неспособною; унижая оную безпрестанно, онъ хотѣлъ довести ее до такой слабости политической, въ которой она, потерявъ переднія силы свои, должна была бы безпрекословно покориться волѣ страшнаго сосѣда.

Король не смалъ долѣе медлить. Войско его собралось. Генералъ Кнобельсдорфъ отправленъ въ Парижъ съ препорученіемъ объявить послѣднее намѣреніе Его Величества. Оставался еще одинъ способъ нѣкоторымъ образомъ обезпечить Короля, а именно — возвращеніе Французскаго войска на лѣвой берегъ Рейна. Уже не было времени вести переговоры, хотя Кабинетъ Сен-Клудской всегда показывалъ къ тому свою охоту. Генералу Кнобельсдорфу велѣно настоятельно требовать удаленія войска. Справедли-

выя требованія со стороны Короля не въ одномъ семъ сосполяли ; нѣтъ , сіе условіе долженствовало бытъ предпечею другихъ , и порукою за будущую безопасность Его Величества . Согласіе или отказъ на сіе требованіе долженствовали обнаружить истинныя намѣренія Наполеоновы .

Ничего незначущія извясненія и доказательства , которыхъ прямое достоинство извѣсно уже по многимъ опытамъ , были единственнѣмъ отвѣтомъ на Королевское требованіе . Наполеонъ не только не думалъ выводить войско , но велѣлъ еще умножить его въ Германіи ; однакожь со злымъ ругательствомъ , которое достопамятнѣе самой медленности , обѣщано вывести войско изъ Вестфаліи , съ тѣмъ чтобы Пруссія прекратила свои военныя приготовленія . Этого не довольно . Съ дерзостію объявлено Королевскимъ Министрамъ , что города Гамбургъ , Бременъ и Любекъ не могутъ приступить къ Сѣверному Союзу , но что Франція предоставляетъ себѣ право взять ихъ подъ свое покровительство , — какъ будто въ то самое время , когда Франція , не спрося ни у кого , въ чужихъ владѣніяхъ раздаетъ города и объявляетъ свои законы , можно принудить Короля терпѣть въ средоточіи своей Монархіи чужія обласпи ! Еще другая прошивуположенность раздражила Короля жесточайшимъ об-

разомъ. Его Величество получилъ отъ Наполеона письмо, наполненное увѣреніями о почтеніи. Учтивости, несоотвѣтствующія поступкамъ, ничего не значатъ; однакожь Монархи саномъ своимъ обязаны наблюдать оныя даже на канунъ объявленія всѣны. Спустя нѣсколько дней, еще до начатія непріятельскихъ дѣйствій, когда Французскіе Министры проводили Министровъ Прусскихъ увѣреніями о миролюбивыхъ своихъ желаніяхъ, въ *Публицистѣ* 16 Сентября напечатана сшашья противъ Короля и Королевства Прускаго; сія сшашья, по слогу своему достойная ненавистнѣйшей эпохи революцій, оскорбительная для чести народной, въ другія времена, а не въ наши, подала бы поводъ къ начатію войны. Король можетъ презрѣть клевету, которая возбуждаетъ только омерзѣніе: но когда сія клевета служитъ къ объясненію настоящаго положенія дѣлъ, то было бы неблагоприятно плашиться за нее однимъ презрѣніемъ.

Наконецъ, послѣднее сомнѣніе исчезло. Войска изъ внутренней Франціи поспѣшали къ Рейну. Ясно обнаруживалось намѣреніе насъ на Пруссію. Драгоцѣнное время лепѣло. Король повелѣлъ Генералу Кнобельсдорфу подати ноту, содержащую въ себѣ сшашьи, на которыхъ Его Величество готовъ согласиться на примиреніе. Сшашьи были слѣдующаго содержанія:

1) Чтобы Французское войско немедленно вышло изъ Германіи.

2) Чтобы Франція не препятствовала учрежденію Сѣвернаго Союза, и чтобы къ Союзу сему принадлежать могли всѣ Нѣмецкія области, большія и малыя, не названныя Членами Рейнскаго Союза въ фундаментальномъ его постановленіи.

3) Чтобы немедленно начаты были переговоры о рѣшительномъ опредѣленіи относительно дѣлъ спорныхъ; возвращеніе трехъ Аббатствъ Пруссіи, и отдѣленіе Везеля отъ Французскаго Государства, должны быть предварительными шагами сихъ переговоровъ.

Сіи условія ручаются за свою справедливость, и показываютъ, сколь даже въ эту минуту умѣренны были требованія Его Величества, и сколь много зависѣло отъ Франціи не начинать войны, еслибъ она того хотѣла.

Прошло время, назначенное Королемъ, время, въ которое надлежало рѣшительно объявить желаніе мира или войны; не смотря на то, не получено отвѣта изъ Парижа, или лучше сказать, приговоровъ къ войнѣ ежедневно служили вмѣсто отвѣ-

шовъ. Тогда Его Величество поручилъ оружію честь и безопасность своей Короны. Онъ съ болѣзнованіемъ подѣмлетъ оружіе — ибо никогда не желалъ славы, покупаемой слезами народовъ; подѣмлетъ оное съ духомъ спокойнымъ — ибо увѣренъ въ правости своего дѣла. Уступчивость Его Величества дошла до послѣдней степени; честь не дозволяетъ Ему простираться ея далѣе. Король не оскорблялся тѣмъ, что относилось только къ его Особѣ; Онъ оставялъ безъ вниманія приговоры клеветы и невѣжества, всегда надѣясь рано или поздно довести народъ свой, безъ нарушенія спокойствія его, до того времени, когда неправедно присвоенное величіе преткнется о камень, и когда безпредѣльное честолюбіе наконецъ само собою успокоится.

Его Величество подѣмлетъ оружіе не для удовлетворенія давно продолжающагося гнѣва, не для распространенія своихъ владѣній, не для того, чтобы разорять народъ (къ которому Король имѣетъ уваженіе) въ естественныхъ и законныхъ его предѣлахъ; но для предохраненія своей Монархіи отъ судьбы, которая приготовлена ей, — для удержанія при народѣ *Фридриха* независимости его и славы, — для освобожденія несчастной Германіи отъ ига, подъ коимъ изнемогаетъ, — и для достиженія прочнаго и неоспоримаго

мира. День подписанія такого мира будетъ для Короля днемъ вождельнѣйшаго шріумфа. Произшествія войны зависятъ отъ власти Высочайшей Премудрости. Оспавляя другимъ преждевременное хвасцовство, какъ и давно уже предоспавлялъ имъ печальную забаву легкомысленно клеветашъ и изрыгашъ хулы, нестоющія отвѣта, Король выводитъ для знаменитыхъ подвиговъ Прусскія войска, достойныя своей славы; Онъ управляетъ народомъ, которымъ гордится; будучи готовъ пролить кровь свою для блага вѣрноподданныхъ, Онъ увѣренъ, что всего можетъ надѣяться отъ ихъ любви и ревнительности. Князя, украшающіе собою имя Нѣмецкое, полагаясь на благодарность, на честность Прусаковъ, и не опасаясь что-либо пошерять, когда побѣда увѣичаетъ ихъ подвиги, уже соединили свои знамена съ ихъ знаменами. МОНАРХЪ, Котораго добродѣтели украшаютъ одинъ изъ первыхъ пресполовъ во вселенной, чувствуетъ правостъ нашего дѣла. Гласъ народовъ раздается и благословляетъ повсюду оружіе Прусаковъ, и даже тамъ онъ слышенъ болѣе, гдѣ страхъ заглушилъ его хочешъ. Имѣя столь побудительныя причины спокойно ощущать силы свои, Пруссія можетъ положитьсь на высокое свое предопредѣленіе. Данъ въ главной кварширѣ въ Эрфуртѣ. Октября 9 дня 1806 года.

(Изъ Берлинс. Вѣд.)

II.

Извѣстія и замѣтанія.

Мы ожидали пріятныхъ извѣстій о военныхъ дѣйствіяхъ между Прусаками и Французами — и, къ сожалѣнію, обманулись въ своей надеждѣ. Въ прошломъ году сильная и счастливая Пруссія смогрѣла — можетъ бытъ съ тайнымъ удовольствіемъ — на страданія Германіи. Грозныя ополченія Фридриха Вильгельма спокойно стояли на границахъ Королевства, между тѣмъ какъ орды Французскія, предводимыя своимъ Батыемъ, налагали цѣпи на общее общество Нѣмцовъ. Тогда еще безпристрастные наблюдатели съ горестнымъ чувствіемъ предсказывали печальную судьбу Пруссіи. Теперь остается жалѣть о ней; остается пользоваться примѣромъ, копорой всегда сильнѣе дѣйствуетъ, нежели сухое наставленіе. Самой манифестъ о войнѣ противу Франціи обнаруживаетъ нѣкоторымъ образомъ, къ чему клонилась непоспѣвшая снисходительность Прусской политики. Польша исчезла; безпокойства постоянной аристократіи вовлекли ее въ бездну несчастія, и ускорили паденіе сего республиканскаго Королевства: Пруссія страдаетъ; пусть жалуется на излишнюю упорченность въ своихъ расчетахъ. Нѣтъ дѣйствія безъ причины.

Весьма любопытно знать, что дѣлаютъ войска, расположенныя въ Минстерѣ и Ганноверѣ; онѣ, кажется, не участвовали въ сраженіяхъ. Тридцатитысячный корпусъ Генерала Калькрейта, находящійся въ Грауденцѣ надъ Вислою, также можетъ еще на что - нибудь рѣшиться для спасенія своего Короля и отечества. Сколь фортуна ни благопріятствуетъ Французамъ; однакожь число ихъ необходимо должно было уменьшиться. Упорныя и кровопролитныя сраженія конечно стоили Наполеону не одного десятка тысячъ воиновъ; если прибавить къ тому, что во всѣхъ покоренныхъ крѣпостяхъ надлежало оставить гарнизоны, и что поспѣшныя марши, военные труды и побѣги столько же пагубны для армій, какъ и битвы: то выдешъ, что полчища Наполеоновыхъ сотрудииковъ убавиться должны по крайней мѣрѣ цѣлою половиною.

Въ старину, скитающіяся толпы сѣверныхъ варваровъ нападали на благословенныя страны Юга, и оставляли за собою плачевныя слѣды разрушенія; нынѣ южные хищники, враги порядка и общаго спокойствія, угрожающъ Сѣверу. *Такъ на Сѣтѣ все превратно!* — Наполеонъ, погубившій въ пескахъ Африканскихъ тысячи легковѣрныхъ Французовъ, для украшенія романтической жизни своей, повидимому, хочетъ еще нѣ-

сколько тысяч ихъ заморозить во глубинѣ Сѣвера. Его желаніе удобно можетъ исполниться. — Жаль бѣдныхъ Ганзеашическихъ городовъ! Если хищническая рука достигнула до Гамбурга и Любека, то прощай плоды долголѣшнихъ трудовъ и промышленности!

Все еще не имѣемъ подробнаго описанія несчастныхъ битвъ, происходившихъ между Прусаками и Французами. Въ Шпешинской газетѣ напечатано, что въ первомъ сраженіи Принцъ Лудовикъ Прусскій имѣлъ при себѣ только 7000 человекъ; а Бернадошовъ корпусъ состоялъ изъ 30,000. У Прусаковъ убито 1,500, и столько же у Французовъ. Въ большомъ сраженіи при Ауэрштедтѣ, 14 Октября, начальствовалъ войскомъ Король Прусскій. При самомъ началѣ битвы Владѣтельный Герцогъ Брауншвейгскій получилъ рану въ голову отъ картечи. Принцъ Оранскій и вообще всѣ Генералы Прусскіе подвергались чрезвычайнымъ опасностямъ. Сраженіе началось въ 3 часу по утра, а кончилось въ 5 часовъ по полудни. Подоспѣвшіе свѣжіе корпусы Французскіе рѣшили побѣду. Число сражавшихся войскъ съ обѣихъ сторонъ простиралось до 200,000 человекъ; убито и ранено съ обѣихъ же сторонъ около 40,000. Самъ Бонапарте управлялъ всѣми движеніями своего войска. Подъ Королемъ убито двѣ лошади; Его

Величество находился нѣсколько разъ въ опасности бытъ взятымъ въ плѣнъ; наконецъ Гвардейскій полкъ, окруживъ его, пробился сквозь Французскую линію, и спасъ своего Монарха.

Въ Варшавскомъ Корреспондентѣ подѣшпашею изъ Ганавы написано, что Испанія объявила войну Португалліи. Сія хитрость Наполеонова клонится къ тому, чтобы занявъ Англичанъ на Югѣ, заставивъ ихъ защищать свою Союзницу.

Мяшежи въ разныхъ мѣстахъ Европейской Турціи продолжаются. Въ Министерствѣ Порты произошли важныя перемѣны. Великій Визирь, Муфти и Кіая Бей смѣнены. Между Сербами и Турками, послѣ многократныхъ сраженій, заключено перемиріе.

Землинъ, 20 Октября. Конгрессъ, собранный въ Семендріи для заключенія мира между Портою и Сербами, прилѣжно занимается своимъ дѣломъ; надлежитъ надѣяться окончанія, выгоднаго и для Сербовъ и для Порты. Теперь ожидаютъ нѣкоторыхъ Пословъ Турецкихъ. Слышно, что Мугасиль Эффенди, Капитанъ Паша и Депутаты отъ

Греческаго Патріарха уже прибыли въ Ниссу, и поспѣшаютъ къ мѣсту своего назначенія. Слышно также, что Султанъ согласился на предварительныя сташьи, предложенныя отъ Сербовъ. — Между тѣмъ увѣдомляющъ изъ *Орсовы*, что послѣ вторженія Сербовъ въ Болгарію и Валахію, Порта предписала всѣмъ Пашамъ вооружиться противу мятежниковъ. По сей причинѣ собирающся четыре корпуса, подъ начальствомъ Пашей: Нисскаго, Софійскаго, Виддинскаго и Орсовскаго; всѣ они будутъ употреблены противъ Сербовъ. Симъ Пашамъ приказано наблюдать поведеніе Грековъ, и усмирять мятежи при самомъ началѣ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

Д Е К А Б Р Ъ , 1806.

№ 24.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

О предпріятіи соединить Англійскихъ Нонжуроровъ съ Православною Греческою Церковію.

Недавно предлагаемы были планы о соединеніи вѣрѣ. Сильные люди, принимающіе въ себѣ дѣлѣ великое участіе, весьма ясно показали, что и Сильные иногда не имѣютъ надлежащихъ свѣденій о духѣ народовъ, и о дѣлахъ, за которыя принимаются. Что во времена невѣжества всегда было сопряжено съ непреодолимыми препятствами, то почитается совершенно невозможнымъ въ нашъ просвѣщенной вѣкѣ, когда люди научились мыслить и испытывать.

Слѣдующія любопытныя извѣстія о предпріятіи, соединить Англійскихъ Нонжу-

роровъ съ Греческою Церковію, взяты изъ *Скиннеровой Шотландской Церковной Исторіи. Прим. Нѣм. Журн.*

Въ нынѣшнее время, когда Французскіе Каполики снова заговорили о обращеніи Протестантскихъ еретиковъ, желая спадо Римскаго Пастыря опять сдѣлать столь же многочисленнымъ, какъ оно было прежде, и суетворствующій разумъ, проникающій за предѣлы, ему предписанные, навсегда подвергнуть строгой власти — въ нынѣшнее, говорю, время не неприлично будетъ привести на память одинъ случай изъ Церковной Исторіи первой половины прошедшаго столѣтія:

Здѣсь рѣчь идетъ о важномъ предметѣ, — а именно о предпріятіи соединить съ Греко - Восточною Церковію Нонжуроровъ, живущихъ въ обѣихъ частяхъ Бриштаніи. Сіе дѣло начато было въ 1716 году, когда Архіерей Греческій, *Арсеній*, Митрополитъ Оиванды, находился въ Лондонѣ; для испрошенія отъ Англійской Церкви помощи угнетаемымъ въ Египтѣ Христіанамъ. Епископъ *Камлбелль* познакомился коротко съ симъ чужестранцемъ, и всѣ предложенія, копоры находилъ полезными для Христіянства, выслушивалъ съ ревностнымъ участіемъ. Разговаривая однажды съ *Арсеніемъ*, онъ намекнулъ о соединеніи Церквей; уви-

дѣвши, что сей готовъ приступитъ къ начатію опыта, *Кампбелль* увѣдомилъ о томъ Англійскихъ своихъ-собратій во время съѣзда, бывшаго въ Іюль мѣсяцѣ сего же года. Все Духовенство одобрило предпріятіе. Написали о семъ соединеніи сшати, которыя Епископъ *Сликсъ* перевелъ на Греческой языкъ для *Арсенія* и духовныхъ Власпей Греко - Восточной Церкви. Но скоро потомъ, какъ обыкновенно случается, начались споры; Епископъ *Сликсъ* и два помощника его, *Гавесолъ* и *Ганди*, отказались отъ сего дѣла, а *Кольеръ*, *Греттъ* и *Гриффинъ*, Епископы Англійской Церкви, вмѣстѣ съ Шотландскими Епископами *Кампбеллемъ* и *Гаддераромъ*, продолжали стараться объ окончаніи онаго.

Написано двенадцать предложеній; къ нимъ присоединено еще изъясненіе, въ которомъ показано, въ чемъ Англійская Церковь согласна съ Восточною, и въ чемъ онѣ не сходствуютъ между собою. Догматы, одобренные Англичанами, были такого рода, что ни одинъ Протестантъ не отказался бы принять ихъ; но въ разсужденіи слѣдующихъ пяти пунктовъ они рѣшительно объявили, что никакимъ образомъ не могутъ согласиться:

1. Почитають установленія Вселенскихъ Соборовъ столь же важными, какъ и Священное Писаніе;

2. Покланяйся Пречистой Дѣвѣ;
3. Молишься Святымъ и Ангеламъ;
4. Съ благоговѣніемъ почиташь Образа, и
5. Тайнственныи Агнецъ.

Арсеній, отправалясь въ обратной путь, взялъ эту бумагу съ собою. Ревность и чаяніе важныхъ выгодъ заставили его, по прибытіи въ Москву, убѣдись къ принятію въ семъ дѣлѣ участія Государя ПЕТРА Великаго, который не только одобрилъ похвальное намѣреніе Духовенства, но чрезъ одного Архимандрита увѣрилъ еще всѣхъ Епископовъ Англійскихъ въ готовности своей всемерно споспѣшествовать ихъ начинанію. На столь благосклонное обѣщаніе Великаго Монарха отвѣщено благодарительнымъ письмомъ, которое послано къ нему въ Октябрѣ, 1717 года.

Арсеній отослалъ предложенія къ Восточнымъ Патриархамъ, самъ же оставался въ Москвѣ. Въ 1721 году, получивъ отъ Патриарховъ отвѣты, отправилъ оныя въ Англію при учтивомъ письмѣ, въ которомъ извинялъ себя въ медленности. Надъ отвѣтами поставлена была слѣдующая надпись: „Отвѣты православныхъ Греческихъ Христіанъ на присланныя къ нимъ изъ Англіи предложенія, относящіяся до присоединенія къ Восточной Церкви“; а въ заключе-

нїи сказано, что опвѣщаны, сочинены въ
 „ слѣдствїе Синодическаго приговора и опре-
 „ дѣленїя Восточной Церкви, по зрѣломъ
 „ разсужденїи Его Святѣйшества, Господина
 „ Іеремїи, Вселенскаго Патріарха Констан-
 „ тинопольскаго, Ново - Римскаго, и Ихъ
 „ Святѣйшества, Господь Самуила Патріар-
 „ ха Александрійскаго, и Хрисанеа, Патріар-
 „ ха Іерусалимскаго, съ Преосвященными
 „ Митрополистами, и со всѣмъ Духовен-
 „ ствомъ Православной Церкви Христо-
 „ вой въ Константинополь, на Соборѣ
 „ 12 Апрѣля 1718 года.“ Опвѣщаны помѣще-
 ны въ длинномъ, на Греческомъ языкѣ,
 письмѣ о томъ, что Восточная Церковь при-
 нимаетъ всѣ двенадцать предложеній и со-
 гласные съ ними догматы, однакожь съ нѣ-
 которыми исключенїями и переменами.
 Въ разсужденїи же пяти спорныхъ пунктовъ,
 сказано, что ихъ надлежитъ принять во
 всей силѣ, безъ малѣйшаго ограниченїя.
 вмѣстѣ съ симъ прислали они два, еще
 прежде написанныя *Объясненїя* Восточной
 Церкви: первое 10 Января 1672, сочи-
 нено въ Константинополь, и подписано пог-
 дашнимъ Патріархомъ Дїонисїемъ и прид-
 ашью шестью другими Епископами и Мит-
 рополистами; другое, подъ названїемъ:
 „ Извлеченїе изъ священныхъ архивъ Право-
 „ славной Христовой Церкви въ Константино-

„ полѣ, “ подписано Патріархомъ Каллиникомъ и прочимъ Духовенствомъ.

Получивъ сіи бумаги, Нонжурорскіе Епископы, въ Маѣ 1722, написали свой отвѣтъ на Греческомъ, Латинскомъ и Англійскомъ языкахъ, въ которыхъ доказательствами, избранными изъ Священнаго Писанія и Святыхъ Отцевъ, подтвердили сказанное прежде, и заключили слѣдующимъ: „ Если оставяшъ на собственной нашъ произволъ упомянутые пункты; если Воспочные Патріархи и Епископы увѣрятъ насъ, что не будутъ принуждать насъ молиться Святымъ и Ангеламъ, почитать Иконы и таинственный Агнецъ; если имъ угодно будетъ торжественнымъ постановленіемъ объявить, что мы свободны отъ сихъ обязанностей въ домахъ нашихъ и въ оныхъ, также въ нашихъ и въ ихъ церквахъ; то надѣемся, что такое снисхожденіе выгодно будетъ для обѣихъ сторонъ, и послужитъ поводомъ къ соединенію. “

Сей отвѣтъ посланъ, чрезъ Пропосингела Александрійской Церкви *Иакова*, въ Москву къ Арсенію; въ то же время писано изъ Лондона въ Петербургъ, въ Святейшій Синодъ и къ великому Канцлеру Головкину, о вспоможеніи сему предпріятію.

Въ началѣ слѣдующаго года въ Англїи полученъ отвѣщъ отъ Арсенїя и Теофана (*), Архіепископа Новгородскаго. Они извѣщали, что Его Императорское Величество желаетъ, чтобы съ Англійской стороны присланы были двѣ духовныя Особы, копорыя вмѣстѣ съ двумя же Россійскими духовными Особама рѣшили бы миролюбно спорныя спашы, и общими силами посшарались бы о соединенїи Церквей.

Между шѣмъ, какъ дѣлались пригото-вленїя къ исполненїю сего предпрїятїя, отъ Воспочной Церкви полученъ рѣшительной отвѣщъ, въ которомъ извѣстила, что она не можетъ ничего другаго сказать на послѣднее возраженїе, кромѣ того, что писала прежде о догматахъ Православнаго Исповѣданїя; къ сему присовокупила слѣдующую рѣшительную спашью:

„Сїе ученїе уже давно разсмотрѣно,
 „ постановлено и утверждено Святыми Все-
 „ ленскими Соборами, такъ что въ немъ ни
 „ прибавлять, ни убавлять ничего не осшает-
 „ ся. Слѣдственно, желающїе соединиться съ
 „ нами въ Божественномъ ученїи Православныя
 „ вѣры, непременно должны слѣдовать и по-

(*) Въ Нѣмецкомъ Журналѣ ошибкою напеча-
 шано: Θεοδοσία. — *Изд.*

„виноваться всему, что установлено и ут-
 „верждено отъ Святыхъ Опцевъ и на Все-
 „ленскихъ Соборахъ, со временъ Апостоловъ
 „и ихъ послѣдователей, Опцевъ нашей
 „Церкви, до настоящаго времени; они дол-
 „жны, поворяемъ, безъ сомнительности и
 „противурѣчій, съ искреннимъ послушаніемъ
 „принять догматы Православія. Вотъ рѣши-
 „тельной отвѣтъ на ваше писаніе.“ Данъ
 въ Констаншинополѣ, мѣсяца Сентября 1723
 года, и подписанъ *Геремією*, Архіепископомъ
 Констаншинополя, новаго Рима, и Вселен-
 скимъ Папріархомъ; *Аввасіемъ*, Папріар-
 хомъ великаго града Антіохіи; *Хрисанеомъ*,
 Папріархомъ святаго града Іерусалима; *Кал-*
линикомъ, Митрополитомъ Ираклійскимъ;
Авксентіемъ Кизикскимъ; *Павсіемъ* Ни-
 комидійскимъ; *Герасимомъ* Никейскимъ; *Пар-*
веніемъ Халкидонскимъ; *Игнатіемъ* Тесса-
 лонитскимъ; *Арсеніемъ* Прузскимъ; *Теопти-*
стомъ Полипольскимъ, и *Каллиникомъ* Варм-
 скимъ.

Въ то же время, для подтвержденія
 своихъ догматовъ, они прислали книгу, *Ис-*
повѣданіе вѣры, сочиненную, такъ называе-
 мымъ, Виолеемскимъ Соборомъ 1672 года въ
 Іерусалимѣ; она содержала восемнадцать
 главъ, и рѣшила четыре вопроса, кото-
 рые однакожь не относились къ предмету.

Спустя немного времени по доставленіи сего отвѣта въ Лондонъ, получено тамъ извѣстіе о кончинѣ ПЕТРА Великаго, послѣдовавшей 8 Февраля (нов. стил.) 1725 года. Сей случай былъ несчастенъ для предпріятія о соединеніи исповѣданій. Ибо хотя Епископъ Колліеръ и друзья его писали къ Канцлеру и въ Святѣйшій Синодъ, и просили предстательства за нихъ у Императрицы; однакожь съ сего времени уже ничего болѣе о томъ не слышно. Такимъ образомъ уничтожилось предпріятіе, которое хотя показывало благородную ревность его виновниковъ, но не могло имѣть хорошаго окончанія, даже и тогда, когда бы не было многихъ политическихъ препятствій.

(Изъ Нѣм. Журн.)

II.

О законѣ Евреевъ.

Евреи получили отъ Моисея законы, въ которыхъ содержались предписанія духовныя и гражданскія. Законодатель, зная непостоянство и легкомысліе своего народа, кажепся, хотѣлъ поселить въ немъ особливые нравы и привычки, для того чшобъ отдѣлить его отъ иноплеменниковъ. Объявивъ Евреямъ, что Богъ избралъ ихъ своимъ возлюбленнымъ народомъ, онъ возбудилъ

въ нихъ презрѣніе къ народамъ чуждымъ ; сіе средство очень много споспѣшествовало его намѣреніямъ. „Іудеи — говоритъ Тацитъ — нашли жишелей, упражняющихся въ земледѣльствѣ ; изгнали ихъ, овладѣли землею, и соорудили на ней городъ и храмъ. . . . Моисей, желая навсегда обезпечить приверженность Евреевъ, предписалъ имъ богослуженіе новое, несходствующее съ обычаями другихъ народовъ. . . . Они свято хранящъ взаимную между собою вѣрность, всегда готовы помогать другъ другу ; но всѣхъ прочихъ ненавидящъ, какъ непріятелей (*).“ Находимъ во многихъ мѣстахъ, что Моисей и Исусъ Навинъ запрещаютъ Израильтянамъ сообщаться съ иноплеменными, подъ опасеніемъ гнѣва небеснаго за нарушеніе сего приказанія. Имъ повелѣно было не оставлять живымъ никого въ земляхъ завоеванныхъ. Эзра, послѣ Вавилонскаго плѣна возвратясь въ Іерусалимъ, и найдши многихъ Іудеевъ, сочешавшихся съ женами иноплеменными, приказалъ имъ развеспись.

Лихоимство дозволяется закономъ Моисеевымъ. Читаемъ въ книгѣ Второзаконія

(*) . . . Pulsis cultoribus, obtinere terras, in quibus urbs et templum dicatur. Moses, quo sibi in posterum gentem firmaret, novos ritus contrariosque ceteris mortalibus indidit . . . apud ipsos fides obstinata, misericordia in promptu, sed adversus omnes alios hostile odium. Tac. Hist. L. V.

(гл. 23. ст. 20) : „Чуждему да даси въ лихву, брату же своему да не даси въ лихву.“ Сіе и другія предписанія, вразсужденіи множества обрядовъ, показываютъ, что Моисей хотѣлъ дать особливые нравы Евреямъ, и отдѣлилъ народъ сей отъ всего человѣческаго рода. Онъ предписалъ воздержаніе отъ употребленія въ пищу многихъ животныхъ, омовенія, молищвы, и отдыхъ въ день субботній; ввелъ обыкновенія, совершенно затрудняющія заключать родственныя связи съ иноплемениками.

Теперь разсмотримъ, въ какомъ состояніи находилась вѣра Іудейская послѣ Моисея, и что прибавлено къ его закону. Послѣ того, какъ не стало Пророковъ между Іудеями, образовались многія секты, раздѣлявшіяся на два класса: къ первому принадлежали тѣ, которые признавали священнымъ одинъ только законъ, данный Моисеемъ; ко второму — которые, кромѣ писаннаго закона, слѣдовали еще устному, то есть преданіямъ. Сіи послѣдніе думаютъ, что Моисей написалъ только самую малую часть заповѣдей, данныхъ ему отъ Бога, и что большая часть оныхъ состоишь въ преданіяхъ.

Послѣдователи закону писанному назывались Саддукеями и Карайшами. Секта первыхъ образовалась, когда царствовали

Птоломей Эвергетъ въ Египтѣ , и Селевкѣ Каллиникѣ въ Сиріи. Саддукеевѣ , которые не вѣрили безсмертію души, можно почищать Іудейскими маперіалистами ; они давно уже исчезли. Карайшы и нынѣ еще водятся въ Ливнѣ и въ Польшѣ. Они , подобно Саддукеямъ , опровергають успныя преданія ; но безсмертію души вѣрятъ.

Изъ числа послѣдователей успнымъ преданіямъ Фарисеи составляютъ главную секту , которая началась при Іонаѳанѣ Маккавѣѣ , за 130 лѣтъ до Рождества Христова. Они разсѣяны теперь по всему земному шару. Фарисеи утверждаютъ , что , кромѣ писаннаго закона , Богъ словесно преподалъ Моисею многіе обряды и правила , сохранившіяся въ попомствѣ ; сіи обряды и правила уважаются ими сполькоже , какъ законъ писанный. Фарисеи выдавали себя за отличнѣйшихъ мудрецовъ ; ихъ - то Іисусъ Христосъ укорялъ въ гордости и лицемѣрїи.

Ессеи слѣдовали закону писанному и нѣкоторымъ только преданіямъ. Іосифъ весьма выгодно описываетъ ихъ нравы (*) и ученіе. Кажется въ однѣхъ только Филоновыхъ сочиненіяхъ находимъ извѣстія о Терапевтахъ (**), Іудейскихъ монахахъ ,

(*) Joseph. de bello Jud. Lib. II. cap. XII.

(**) Philo de vita contempl.

которыхъ Іосифъ сравниваетъ съ Пифаго-
рейцами. Они вели строгую жизнь, безпре-
сшанно занимаясь размышленіями.

Евреи, скоро послѣ разсѣянія, завели
свои Академіи, въ которыхъ сохранялось
ученіе о вѣрѣ. Начальники сихъ Академій,
сбравшіе всѣ преданія въ одно мѣсто, при-
обрѣли особенное уваженіе отъ своихъ со-
племенниковъ. Одинъ изъ нихъ, по имени
Іуда, почиается Святымъ. Примѣтивъ, что
законъ устной начинаеть приходить въ забве-
ніе и поршиться, онъ предпринялъ соединить
всѣ преданія, и написалъ славную книгу свою
Мишуа, которая появилась во 180 году по-
слѣ Р. Х. Сія книга, наполненная самымъ
страннымъ суевѣріемъ, содержитъ въ себѣ
гражданскія и церковныя узаконенія Евреевъ,
и раздѣляется на шесть частей: въ первой
говорится о земледѣліи; во второй о наблю-
деніи праздниковъ; въ третьей о женщинахъ
и супружествѣ; въ четвертой о тяжбахъ по
дѣламъ торговымъ, и объ идолопоклонствѣ;
въ пятой о жертвахъ; въ шестой объ очище-
ніяхъ.

Іохананъ и два ученика Іудины, Равъ
и Самуилъ, нашедши въ книгѣ *Мишуа* мно-
чія мѣста неясными и сомнительными, со-
гнали свои примѣчанія, извѣстныя подъ
названіемъ *Талмудъ*, или *Гемаръ* (ученіе)
Іерусалимскій. Но какъ и въ сихъ замѣча-

ніяхъ опкрѣлись многія погрѣшности, школа Сорская, находившаяся близъ Вавилона, предприняла сочинить другія, и назвала ихъ *Талмудъ*, или *Гемаръ* Вавилонскій. Сей *Талмудъ*, явившійся около 500 году, предпочитается первому.

Евреи не почитаютъ вдохновенными сочинителей Талмуда; не смотря на то, книгу сію уважаютъ болѣе Священнаго Писанія. Они сравниваютъ Священное Писаніе съ водою, а преданія со вкуснымъ виномъ. Они говорятъ, что законъ Моисеевъ есть соль, Мишуа — перецъ, Талмудъ — ароматы драгоцѣнные, и что погрѣшающій прошивъ Моисеева закона получитъ прощеніе, а нарушитель Талмуда неминуемо подвергается истязанію. Раввинъ Исаакъ утверждаетъ, что не писанной законъ, но усной есть основаніе вѣры.

Вообще нынѣ Евреи слѣдуютъ: 1. правиламъ закона Моисеева; 2. Талмуду, или закону усному; 3. обыкновеніямъ, которыя не вездѣ одинаковы.

Кромѣ правилъ, содержащихся въ законѣ Моисеевомъ, Раввины выдумали множество другихъ. Еврей, созидающій домъ, долженъ какую-нибудь часть оставить въ немъ недокончанною, въ память разрушенія храма

Іерусалимскаго. Евреямъ не дозволяется имѣть ни шпагъ, ни каршинъ; они вѣрятъ сновидѣніямъ и поспяшя, чтобы предоивратить опасныя слѣдствія. Есть множество матерій, изъ коихъ запрещается Евреямъ дѣлать для себя платье. Гдѣ не лзя одѣваться по предписанному покрою, тамъ они носятъ подъ платьемъ кусокъ сукна, выкроенный сходственно съ предписаніемъ. Каждой Еврей обязанъ исполнять многократныя омовенія. Воду, которою вымыты руки, не дозволяется выливать на землю, для того чтобы не ходить по оскверненному мѣсту. Предписывается прочитывать въ день по крайней мѣрѣ сто молитвъ. Еврей долженъ читать молитву при всякомъ началѣ какого-нибудь дѣйствія, даже при всякомъ новомъ ощущеніи; долженъ каждой день ходить по три раза въ синагогу; не быши въ синагогѣ, не лзя ни ѣсть, ни пить, ни приниматься за работу, ниже поздравлять съ добрымъ утромъ. Евреямъ запрещается сѣять зерна разнаго хлѣба въ одно время, и прививать деревья; запрещается даже терпѣть на своей землѣ привитыя деревья. Убогой Еврей получаетъ отъ Раввина записку слѣдующаго содержания: „подашель сего человекъ доброй; просимъ о вспоможеніи.“ Съ сею запискою убогой вездѣ находитъ себѣ пристанище.

Теперь по большой части Евреи говорятъ языкомъ той страны, въ которой жи-

вуть; только одни Раввины въ состоянїи изъясняться по Еврейски. Вся наука Евреевъ почти вообще состоитъ въ познанїи своихъ законовъ; нѣкоторыми изъ нашихъ наукъ они занимающа единственно для того, чтобъ удобнѣе разумѣть свои книги. Раввины рѣшаютъ всѣ споры; произносятъ свое мнѣнїе, что дозволяется дѣлать и что запрещается; судятъ всѣ дѣла духовныя и нѣкоторыя гражданскія; благословляютъ супружество; опредѣляютъ разводы; наказываютъ непослушныхъ, и даже исключаютъ ихъ изъ духовнаго общества. Раввины запрещаютъ лихоимство; однакожь Евреи думаютъ, что писанїе дозволяетъ взимать лихву съ иновѣрцовъ.

Употребленїе многихъ рыбъ, птицъ и четвероногихъ, которыя служатъ намъ въ пищу, запрещается для Евреевъ. Они могутъ быть только то, что приготовлено руками единовѣрца. Еврей не можетъ употреблять ножъ, принадлежащій Христїанину. Предписывается множество обрядовъ, которые должно наблюдать за обѣдомъ.

Еврей проводятъ день субботнїй въ совершенномъ бездѣйствїи. Имъ не лзя быть ничего такого, что родилось, или сварено въ субботу; даже тушить пожаръ въ сей день запрещается; не лзя также

зажигать ни свѣчки, ни лампы; но сидѣть при горячей свѣчкѣ можно, если она зажжена человекомъ, исповѣдающимъ другую вѣру. Въ сей день набожные Евреи стараются одѣться какъ можно легче, потому что не вѣлно носить тяжести. Запрещается въ субботу говорить о дѣлахъ, ходить далѣе мили отъ мѣстопребыванія, и дѣлать Хирургическія операціи. Раввины оказываютъ Медикамъ нѣкоторое снисхожденіе.

Евреи считаютъ мѣсяцы свои по печенію лунному. Годъ ихъ начинается въ Сентябрѣ. Для уравненія солнечныхъ годовъ съ лунными, наблюдается кругъ девятнадцатилѣтній, въ которомъ семь лѣтъ содержатъ въ себѣ по тринадцать мѣсяцевъ. Въ 15 день мѣсяца Низана, соотвѣствующаго нашему Апрѣлю, празднуютъ Пасху; время торжества сего проводятъ въ молитвахъ и въ обрядахъ, напоминающихъ исходъ изъ Египта. Кромѣ того есть еще праздники въ году, торжествуемые по нѣсколькимъ днямъ. Праздникъ Кушъ продолжается девять дней.

Каждой Еврей обязанъ жениться. Раввины назначили осмнадцатой годъ для бракосочетанія. Кто въ двадцать лѣтъ отъ роду не имѣетъ жены, тотъ почищается живущимъ во грѣхѣ. Всѣмъ Евреямъ дозволено многоженство, но только восточные пользуются

ся симъ правомъ. Каждой мужъ обязанъ развестись съ женою, если имѣетъ явныя причины быть ревнивымъ. Еврей можетъ во всякое время отослать отъ себя жену, когда ему вздумается; въ такомъ случаѣ мужъ и жена имѣютъ право снова заключать брачные союзы съ другими особами.

Мушнина, имѣющій отъ роду тринадцать лѣтъ и одинъ день, — женщина, имѣющая отъ роду двенадцать лѣтъ и одинъ день — почищаются совершеннолѣтними.

Раввинисты, послѣдующіе Талмуду, ненавидятъ Карайтовъ, исповѣдающихъ законъ писанной, и даже не принимаютъ ихъ въ свои общества, хотя бы сіи и хотѣли перемѣниться вѣру.

Желающій вступить въ Іудейство подвергается строгому испытанію. Трѣмъ Раввинамъ поручается изслѣдовать, какія причины заставляютъ новообращаемаго перемѣниться вѣру. Они представляютъ ему, что законъ Моисеевъ очень строгъ, что послѣдователи его терпятъ обиды и презрѣніе отъ всѣхъ народовъ. Ежели обращающійся не колеблется, тогда принимаютъ его въ свое общество.

Евреи исповѣдаются предъ Богомъ ежегодно по одному разу; а передъ смертию

Читающіѣ вслухъ полное исповѣданіе грѣховъ своихъ:

(Изв. Иностран. Журн.)

III.

Объ Актерахъ и объ искусствѣ театральнаго представленія.

Чѣму приписываютъ, что и теперь еще многіе не рѣшаются отдавать Актерамъ и театральному искусству должное уваженіе? потому, что зрѣлища при Цесаряхъ Римскихъ доведены были до крайней испорченности и презрительнѣйшаго состоянія; потому, что на позорищахъ — во времена невѣжества и дурнаго вкуса; отъ которыхъ Европа и нынѣ не вездѣ освободилась — представляемы были однѣ площадныя шутки. Несмотря на то; Актеръ какъ по своимъ дарованіямъ, такъ и важности пользы ихъ; равное съ прочими художниками имѣетъ право на отличное уваженіе своихъ согражданъ.

Въ древнія времена; въ Республикахъ Аѳинской и Римской; драматическіе Поэты сами представляли на театрахъ, и Софокль занималъ важное мѣсто въ Правительствѣ. Хотя нынѣшнія зрѣлища не достигли еще прежней степени достоинства, однакожь онѣ

далеко уже отошли отъ спаринныхъ шутовскихъ представлений, и слѣдственно возвратили Актерамъ права на почтенное званіе Художниковъ. Есть дурные Актеры, есть между ними даже развратные люди; но это ни мало не относится къ цѣлому сословію: Поэты и Живописцы не обязаны отвѣчать за всѣ похабные стихи, за неблагоприсойныя картины, и за то, что многіе изъ ихъ обратій ведутъ жизнь непошребную.

И такъ вразсужденіи таланта, хорошій Актеръ имѣетъ на общее почтеніе почто такое же право, какимъ пользуется всякой Художникъ. Платонъ хочетъ, чтобы не только Поэтъ, но и Рапсодистъ, слѣдственно и Актеръ, иногда одушевлялись божественнымъ огнемъ, и ощущали вдохновеніе (*). Въ самомъ дѣлѣ, посредственной Поэтъ, кошораго, по мнѣнію Горація, терпѣть не лзя, сноснѣе посредственной Актера. О семъ можно сказать тоже самое, что Квинтиліанъ говоритъ объ Орапорѣ: „Если онъ не „прогаешъ, то необходимо возбуждаетъ отъ „вращеніе; ибо лице, голосъ, вся наруж- „ность сѣшующаго заставяетъ надъ собою „смѣяться шѣхъ, въ кошорыхъ не возбуди- „ли состраданія. Здѣсь нѣтъ середины: или „плачутъ съ нимъ, или надъ нимъ смѣютъ-

(*) См. Јон.

„ся (*).“ Извѣстное Димосееново изреченіе, о важности въ краснорѣчіи устнаго предложенія, служишь весьма выгоднымъ свидѣтельствомъ для Актера; ибо, что составляетъ у сего только часть искусства, то у Орашора почиается главнѣйшимъ дѣломъ. Для того - то Цицеронъ призналъ нужнымъ у Актера Росція учиться сей важной части своего искусства.

Не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, что Актеру столь же нужны отличныя дарованія, какъ и всякому Художнику. Въ чемъ состоятъ сіи дарованія, и какія изъ приобретаемыхъ способностей потребны, чтобъ сдѣлаться совершеннымъ Художникомъ, превосходно объяснилъ Сочинитель книги подъ названіемъ *Актеръ* (**), написанной на Англійскомъ языкѣ. Совѣтуемъ всѣмъ Актерамъ прилѣжно читать сіе сочиненіе.

Надобно, чтобы Актеръ, такъ точно какъ Поэтъ и всякой другой Художникъ, имѣлъ природныя дарованія, безъ которыхъ однѣ правила науки ни къ чему не послу-

(*) Nam et vultus et vox & illa excitati rei facies ludibrio etiam plerumque sunt hominibus, quos non permoverunt. Nihil habet ista res medium, sed aut lacrimas meretur, aut risum. Quint. inst. I. VI, c. 1.

(**) The Actor. London 1750. 8.

жашь. Однакожь дарованія совершенствуются чрезъ упражненіе.

Театральное искусство состоитъ только въ двухъ главныхъ предметахъ — въ усиліи произношеніи и въ языкѣ тѣлодвиженій: но каждое изъ нихъ сопряжено съ чрезвычайными трудностями. И такъ во первыхъ Актеръ долженъ стараться хорошо произносить свою роль: ибо произношеніе столь же много содѣйствуетъ успѣху Драмы, какъ и значительность словъ. Сія одна часть требуетъ отличнаго разсудка; иначе не возможно принять въ себя мысли и чувствованія другаго, такъ чтобы словамъ и голосу дать ту силу, съ какою онѣ должны были бы изливаться изъ устъ лица представляемаго. Надобно, чтобы Актеръ могъ, такъ сказать, проникать въ душу другихъ людей. Это еще только предварительная часть искусства произношенія; ибо что Актеръ чувствуетъ вразсужденіи правильности тона и напряженія, то долженъ на самомъ дѣлѣ выразить своимъ голосомъ. А какъ трудно сего достигнуть, можно судить по тому, что Цицеронъ, отличный знарокъ сей части театральнаго искусства, говоритъ объ упражненіи Актеровъ (*).

(*) Et annos complures sedentes declamitant er quotidie ante quam pronuntient vocem cubantes sensim excitant, eandem que, cum ege-

Второй предметъ еще затруднительнѣе. Для произнесенія написаны слова, которымъ надобно дать надлежащій тонъ, приличный характеру представляемаго лица и обстоятельству. Но каждой человекъ, впрочемъ говоря какъ другіе, имѣетъ свои особливныя ухватки, свои шлодвиженія; слѣдственно здѣсь не довольно, чтобы Актеръ согласовалъ все сіе съ произносимыми словами; нѣтъ, онъ долженъ еще принаравливать къ характеру лица, иногда величественному и благородному; иногда важному, но въ то же время и подлому, иногда простому, но честному, и такъ далѣе. Признаюсь, для меня кажется всего удивительнѣе въ Художникѣ умѣнье искусно принаравливать наружность свою къ разнымъ характерамъ. Для того потребны точная наблюдательность ума, великая опытность, чрезвычайная гибкость души и шла.

Мы думаемъ не очень выгодно о правилахъ, предписываемыхъ учителями сего искусства — не о шлахъ, которыя показываютъ, какъ должно принимать на себя точной характеръ представляемаго лица, ибо атому никакъ не лзя научиться изъ правилъ; но

runt sedentes, ab acutissimo sono ad gravissimum recipiunt et quasi quodam modo colligunt.
De Orat. L. I.

о тѣхъ , въ которыхъ содержатся наставленія , какимъ образомъ надлежитъ держаться себя и дѣйствовать членами , не выходя за предѣлы умѣренности. Намъ кажется даже , что многіе Французскіе Актеры , которые образовали себя по симъ правиламъ , далеко уклоняются отъ цѣли театральнаго искусства. Часто можно замѣчать , что они поднимающъ и просягивающъ руки ни выше ни ниже черты , предписываемой правилами ; глядя на положеніе ногъ ихъ и на походку , думаете , что видите передъ собою танцовщика , не Актера. Между тѣлодвиженіями чловека , обращающагося въ хорошихъ обществахъ , и ухвалками самаго лучшаго танцовщика , есть превеликая розница , не смотря на то , что первой учился у послѣдняго. Многіе Актеры игрою своею показываютъ , въ какой школѣ образованы ; а это противно изящности тонкаго вкуса.

Столь же неестественно произношеніе у большей части Французскихъ трагическихъ Актеровъ. Они не разговаривающъ , но читающъ на-распѣвъ. Поэтому-то совѣтуемъ нашимъ Актерамъ не обманываться громкою славою какого-нибудь Лекеня , и не подражать его произношенію (*).

(*) Фр. ронъ въ письмѣ о Трагической игрѣ (см. *Année Littéraire*. 1776 n. 28. pag. 177) объяснилъ неестественность театральнаго произношенія Парижскихъ Актеровъ.

Непонятно, почему Риккобони думаетъ, будто Актеръ не долженъ принимать въ себя чувствованій представляемаго лица, чтобы не забыть о правилахъ. А я думаю, что Греческій Актеръ Полусъ нашелъ вѣрной способъ распрогашъ своихъ зрителей. Ему надлежало представить лице Электры, которая оплакиваетъ, почитаемаго умершимъ, своего брата Ореста, держа въ рукахъ урну со мнимымъ его прахомъ. Актеръ лишился любимаго своего сына; чтобы естественнѣе выразить горестъ, онъ велѣлъ въ надлежащее время подать себѣ урну, въ которой хранился прахъ сына. Одинъ древнй Писатель свидѣтельствуетъ, что сей способъ имѣлъ чрезвычайное дѣйствіе (*). Слѣдствен-но чѣмъ болѣе Актеръ возбудитъ въ себѣ истиннаго чувства, тѣмъ лучше выразитъ его. Распроганный зритель, безъ сомнѣнія, не станеть досадовать, если онъ, увлекаемый чувствомъ печали или радости, пропянетъ руку выше, или шагнетъ ногою далѣе, нежели какъ предписалъ учитель шанцовальнаго искусства.

Сульцеръ.

(*) Polus lugubri habitu Electrae indutus urnam e sepulchro tulit filii et quasi Orestis amplexus, opplevit omnia non simulacris, neque imitantibus, sed luctu atque lamentis veris. *Aul. Gel. Noct. Attic. L. VII. c. 5.*

IV.

ПѢСНЬ Барда надъ гробомъ Славянъ-
побѣдителей.

(Посвящается неустрашимымъ защитникамъ
Отечества.)

Si quelquefois la flatterie
A deshonoré nos chansons ,
Plus souvent nos sublimes sons]
Font respecter les lois , font chérir la patrie.
Le Barde belliqueux couroit de rangs en rangs
Echauffer la jeunesse aux combats elancée.
Tyrtée embrasoit Mars des feux plus devorans!
.
— Ne profanons point le feu qui nous anime !
Laissons là des plaisirs les chants voluptueux
Et leur lyre pusillanime.
Celebrons l'homme magnanime !
Celebrons l'homme vertueux !

*DELILLE. Dithyrambe sur
l'immortalité de l'ame.*

„ Ударь во звонкій щитъ ! спекишесь опол-
ченны !
„ Умолкла брань ! враги ушихли расшоченны !
„ Лишь парь надъ пепломъ сѣль густой !
„ Лишь вырвавшись на лодь, сѣкрытый ноци
мглою ,

2) На трупы мчится волкъ, сверкаючи очами ;
3) Зажжемъ костеръ дубовъ! изройте ровъ
мечами!

12) Сложите на щипы пожатыхъ ратной прѣй!

2) Да пушникъ видитъ холмъ, въ долину,
гробовой!

2) Да камень возвѣсшитъ, гдѣ сильныхъ прахъ
священной!

Гремитъ! . . . отгранулъ громъ въ дуб-
равъ пробужденной! . . .

Спеклись! вождей и ратныхъ сонмъ!

Глухой полнощи пма кругомъ!

Предъ ними Бардовъ вождь со лирою златою

И падшихъ страшный рядъ простертыхъ
на щитахъ!

Объяты думою, съ поникнутой главою,

На грозныхъ лицахъ кровь и прахъ!

Склонились на щипы! среди нихъ костеръ
пылаетъ!

И съ свистомъ горный вѣтръ ихъ кудри
воздымаетъ!

И се! . . . воздвигся холмъ и камень во
друженъ,

И дубъ, краса полей, воспитанный вѣками,

Склонилъ главу на дернъ, потокомъ орошенъ!

И се . . . могущими перстами

Пѣвецъ ударилъ по струнамъ!

Одушевленны забряцали;

Воспѣлъ . . . дубравы воспенали,

И гулъ помчался по горамъ:

О сладкихъ пѣсней мать, пѣвица битвѣ
священна!

О Бардовѣ лира вдохновенна!

Проснись! да оживетъ хвала въ твоихъ
струнахъ!

Да тѣни бранныя низринутыхъ во прахъ,
Скитаясь при лунѣ до тучамъ златоруннымъ,
Сойдушъ на мрачныи долъ, гдѣ миръ, надъ
пепломъ ихъ,
Обвороженныя бряцаньемъ тихоструннымъ.

Какъ пали сильные? какъ сильныхъ
громъ ушихъ?

Гдѣ вы, сыны побѣдъ! гдѣ славныхъ Воевъ
сила?

Ошѣстствуй, мрачная безтрепешныхъ могила!

Какъ орлій со скалы пустившійся птенецъ,
Впервые возшумѣвъ отважными крилами,
Близъ солнца зря трудовъ и поприща конецъ,
Наритъ, превыспренній, и вдругъ небесъ
громами

Сожженный среди стремленья къ высотамъ,
Въ гремящихъ тучахъ исчезаетъ;
Такъ палъ съ побѣдой Россѣ — паденье
страхъ врагамъ!

Но что? не битваль тамъ пылаетъ?
Се мчашся! грудь на грудь! дружинъ сомкну-
тыхъ сонмъ!

Средь дымныхъ вихрей бой и громъ!

По шлемамъ звукъ мечей! коней пронзен-
ныхъ ржанье!
И трубъ стозвучный прескъ! отъ топота
копытъ.
Отъ пренія бойцевъ, отъ криковъ и спе-
нанья
Смятенный воешь боръ и долъ гремя дрожитъ!

О страшный видъ попоранныхъ боевъ!
Тотъ зыблепся въ крови, съ глухимъ кон-
чаясь воемъ,
Тотъ, вихремъ мчась, погибъ безстрашныхъ
впереди,
Тотъ шуйцей рану сжавъ, десной, изнемо-
женный,
Оторванну хоругвь скрываетъ на груди! (*)
Тотъ страшно возопилъ, на копья восхи-
щенный,
И сверженный во прахъ, дымясь, оцѣпенѣлъ.
О мужество Славянъ! о вишязей предѣлъ!

Хвала на жертву принесеннымъ
За рождшихъ, братій и супругъ!

(*) Извѣстный поступокъ солдата Емельяно-
ва. Покойный Императоръ ПАВЕЛЪ награ-
дилъ его чиномъ Подпоручика, и тѣмъ
самымъ знаменемъ, котораго спасеніе такъ
много ему стоило. Графъ Ѳ. В. Распоп-
чинъ, имѣвшій случай видѣть сего почтен-
наго воина, приказалъ списать съ него
портретъ, которой выгравированъ и про-
дается.

Хвала Отчества хранителямъ езященнымъ !
Хвала , хвала тебѣ , о падшій славы другъ !

Пускай безвѣстный погибаетъ ,
Сей житель праха червь душой !
Пусть въ дольномъ мракѣ жизнь годами ис-
числяется !
Безсмертныя сынъ , твой рокъ громовой течетъ
слезей !

Пари , блистай , превознесенный !
Погибнешь въ высотѣ ? весь миръ твой мав-
золей !

Безславный ждеши помясь кончины вялыхъ
дней ,

Заранѣ въ вѣчной мглѣ могилы погребенный !

Равны концемъ и часъ и вѣкъ !

Разлука съ жизнью мигъ ! завтра или нынѣ !

Перуномъ ли угасъ ! незримый ли прошекъ !

Царемъ или рабомъ судьбинѣ !

Блаженъ почившій на громахъ ,

Въ виду отчизны благодарной ,

И въ гробѣ сопротивнымъ страхъ !

И въ гробѣ озаренъ денницей лучезарной !

Блаженъ погибшій въ цвѣтѣ лѣтъ !

О юноша ! о ты , бессмертнью приобщенный (*) ?

(*) Здѣсь Авпоръ думалъ объ одномъ моло-
домъ челоуѣкѣ , Новосильцовѣ , которой въ
прошедшую войну , бывъ израненъ на сра-
женіи , умеръ отъ ранъ ; разлученный съ
своимъ Отчествомъ , разлученный съ род-

Коль быстро совершенъ твой выспренный
полетъ!

Се онъ, низринутый на щитъ окровавленный,
Поникъ Геройскою главою!

Надъ нимъ кончины часъ! ужъ взоръ недвиж-
ный шмится!

Но къ кровнымъ, но къ друзьямъ; но къ
родинѣ святой,

Еще съ лучемъ любви, еще съ тоской стре-
мится!

Не сътуй, славы сынъ! оставь сей жизни
брегъ!

Ты смерть предупредилъ, на одръ чesпей
возлегъ!

Ты спутникъ въ гробъ неустра-
шимыхъ!

Увы! завидналь часъ веригой лѣтъ поми-
мыхъ?

Герой, одряхшій подъ вѣнкомъ,
Приникшій къ носылю израненымъ челомъ,
Могущихъ переживъ, оставленный друзьями,
Ошвсюду окруженъ возлюбленныхъ гробами,
Усталый ждешъ конца и смерть ему покой!

ными, копорые и теперь оплакиваютъ
его потерю. Авторъ желалъ бы наимено-
вать всѣхъ нашихъ Героевъ; недав-
но принесшихъ въ даръ Отечеству и кровь
свою и жизнь; но ихъ имена извѣстны;
а благодарность сохранитъ объ нихъ вѣч-
ное воспоминаніе.

Блаженъ , коль славный путь со славой до-
вершаетъ !

Когда вѣяки , и честь беретъ во прахъ съ
собой ,

И въ лаврахъ посѣдѣвъ , на лаврахъ угасаетъ !

Здѣсь вѣчно , братья , мирны вы !

Почійте сладко , незабвенны !

О вы , ловца пожравъ , въ сѣтяхъ погибши
львы !

О спутники побѣдъ , коварствомъ низложены !

Безстрашныхъ персть попомству даръ !

О васъ сей будетъ холмъ бесѣдовать съ вѣ-
ками !

Онъ сильнымъ возвѣститъ , какъ пали вы съ
громами !

Онъ въ чадахъ вашихъ чадъ родитъ во славу
жаръ !

Здѣсь Бардъ грядущихъ лѣтъ , обвѣтъ глу-
бокой думой —

Въ тотъ часъ , какъ всюду мракъ полунощи
угрюмой ,

Когда безмолвенъ долъ , и мѣсяцъ изъ за-
пучь

Повременно свой ликъ задумчивый являетъ ,

И серна , прискакавъ на шумный въ кам-
няхъ ключъ ,

Недвижно , робкая , журчанью струй внимаетъ —

Къ прошекшимъ воспаритъ вѣкамъ ,

Пробудитъ звономъ струнъ насупленну дуб-
раву ,

И мыслию спремась Великихъ по слѣдамъ,
Изъ перши воззоветъ давно почившихъ
славу!

Здѣсь въ сумракъ возсѣвъ,
Пришедъ изъ края дальна,
Краса Славянскихъ дѣвъ,
Задумчива, печальна,
Тоску прольетъ въ слезахъ!
И грудью воспаленной
Припавъ на хладный прахъ,
Могилы миръ священной
Рыданьемъ возмутишь!
Увы! здѣсь въ сонмѣ падшихъ
Герой прелестный спишь!
Здѣсь радостей увядшихъ
Ея послѣдній слѣдъ!
Воскреснутъ воспоминанья
О благахъ прежнихъ лѣтъ,
О дняхъ очарованья,
О дняхъ любви святой!
Воскреснетъ часъ разлуки,
Когда, летящій въ бой,
Пріемля грома въ руки,
Другъ сердца, сильнымъ страхъ,
Красою образъ Дида,
Съ уныніемъ въ очахъ,
Съ блистаньемъ Свѣтовиды,
Сказалъ: прости на вѣкъ!
Шеломъ надвинулъ бранной,
Вздохнулъ, какъ вихрь потекъ,

И съ сонмомъ ратныхъ силъ исчезъ въ дали
туманной!

Сюда придетъ опчизны сынъ,
Героевъ племя, Славянинъ,
Дѣлами предковъ распаленный!

Обыметъ падшихъ гробъ и вонметъ гласъ
священный,

Къ нему изъ глубины рекущій : будь Великъ!
Предстанутъ предъ него прошекшихъ ратей
бои,

И въ молнійныхъ браздахъ вождей побѣды
ликъ! . . .

Почійте! мирный сонъ! о братья, о герои!

Умолкъ и струнъ исчезъ въ пу-
стынномъ небѣ звонъ!

И опъзывъ по горамъ и дебри усыпились!

Сонмъ бранныхъ скорбью осбнёнъ;

Ихъ взоры на курганъ недвижимые вперились,
Безгласны! въ грозной тишинѣ!

На лицахъ мщенья жаръ! ихъ груди гнѣвъ
спираетъ!

И ярости нѣмой въ збницахъ огонь пылаетъ!

Молчатъ окрестъ покой
надъ ними въ вышинѣ,

Изъ тучъ влекущихся грядою

Бросая тихій блескъ на дѣбрь и долъ и лѣсъ,

Луна невидимой стезёю,

Среди полунощныхъ небесъ,

Свершаетъ, мирная, свой шокъ уединен-
ный! —

Но се! шаинственнѣмъ видѣніемъ во
 мѣлѣ
 Пѣвецъ воспрянулъ пораженный!
 Сѣдины дыбомъ на челѣ,
 Смятеніе въ очахъ, во членахъ трепетанье!
 Какъ вихоръ на курганѣ онъ съ лирой возлѣпѣлъ;
 Волшебной раздалось бряцанье
 И снова мощный гласъ пророка возгремѣлъ:

Не вы ль низверженныхъ полунощныя
 лики?
 Не вы ли призраки могущихъ предо мной?
 Они! средѣ бурныхъ тучъ! сплелись рука съ
 рукой!

О страшный сонъ! о страшныя вѣи!
 Куда ихъ строгій взоръ столь грозно устре-
 мленъ?
 Надъ кѣмъ воздушный мечъ вождя ихъ воз-
 несенъ?

Надъ кѣмъ гремятъ цѣпями?
 Внимай . . . внимай! горѣ пѣснь гибели поютъ!
 Отмщенья! крови! — вопіютъ,
 Сверкая изъ за-тучь ужасными очами!

Пойдемъ! отмщенья! громъ во длань!
 Воздвигнись, духъ Славянъ! воздвигнись!
 мечь и брань!

Се ярый Исполинъ, побѣдами надменный:
 „Постигну! поражу! рассыплю ихъ полки!
 Имъ рабство даръ моей руки!“
 Гремѣшь на гибель ополченный!

Друзья, се часъ побѣдъ! Славяне, возгре-
нимъ!

Проспряте взоръ окрестъ . . . лишь
дебри заустѣлы!

Гдѣ пышный видъ полей? гдѣ радостныя
селя?

И гдѣ Тевтоновъ мощь низринувшая Римъ?

Тамъ мать гладная изсякшими сосцами,

Проспершая на прахъ, въ младенца кровь
ліетъ;

Тамъ къ пеплу хижины приникшіи сѣдинами,

Недугомъ изнуренъ, кончины спарецъ ждетъ!

Тамъ чада нищеты убійство и хищенье!

Тамъ рабства первенецъ неистовый раз-
вратъ!

О ясный миръ семей! о нравовъ оскверненье!

О доблестъ прежнихъ лѣтъ! — Лишь цѣпи
тамъ звучатъ;

Лишь хищниковъ бичи, подвѣшны надъ ра-
бами! —

Сокрылись Германа послѣдніе сыны!

Сокрылись силъ вожди, парившіе орлами!

Въ пустыняхъ! очеса къ землѣ преклонены!

Надъ врагомъ падшаго отечества рыдаютъ!

О братья! о сыны возвышенныхъ Славянъ!

Воспрянемъ! вамъ перунъ для мщенья свыше
данъ!

Озмщенья! подъ ярмомъ народы воскли-
цають! —

Да въ прахъ, да въ прахъ падушъ погибели
творцы!

Воззрите вспяшь тамъ сонмъ
священный!

Тамъ щастья нашихъ дней залого драгоцѣнны!
Тамъ машери въ слезахъ, тамъ чада и отцы!
Тамъ лавроносная опчизна въ ожиданьѣ!

О вишязи! за вами вслѣдъ
Славянскихъ дѣвъ любовь, возлюбленныхъ
желанье:

Да боги ихъ души, съ профеями побѣдъ,
По браняхъ пришекушъ, отмстивъ, непосра-
мленны!

За вами ихъ мольбы лепяшъ воспламененны!
Вонмите и супругъ и чадъ и юныхъ дѣвъ,
Вонмите, воины, моленье!

Воззрите на отцовъ колѣнопреклоненье!
Во славѣ, среди могущихъ, посѣдѣвъ,
Подъземлюшъ къ небесамъ препенущія длани
И моляшъ: Царь судебъ за нихъ, за нихъ
во брани!

„О сколь возвышенны спасающіе насъ! —

Въ восторгъ сердца восклицають
Возлюбленны, узрѣвъ на бой текущихъ
васъ —

Какія молніи во взоръ ихъ блистають!

Коль грозенъ ополченныхъ сонмъ!

О коль плѣншельны, неся во длаяхъ громъ!
Сни ль не полешашъ на крыльяхъ мести къ
бою?

Они ль, оставивши всё блага за собою?
О незабвенные! о слава наших дней!

Грядище! благодать самих Небесъ надъ вами!

Враги да будутъ судь мечей!

Да вскорѣ бранными вѣнками

Свѣщенные главы опмстившихъ обовьемъ!

О часъ блаженнѣйшій свиданья!

Лешатъ . . . въ крови! въ пыли! тѣсняще

ся въ опчій домъ,

Благословенья! лобызанья!

Восторгъ души, лишенной словъ!

Супруги, въ Божій храмъ! встрѣчайте же-

ниховъ

Въ одеждѣ брачной, обрученны!

Да льется слезъ бальзамъ на раны ихъ священны!

Отремъ съ ланитъ геройскихъ прахъ!

Да видомъ не спрашатъ, ни грозными бронями

Отцы на колыбель склоненны надъ сынами!

А вы, недвижимые предъ нами на щитахъ,

Безгласные среди молитвъ и ликованій,

О падшіе друзья! о прахъ полубоговъ!

Примите скорбный даръ и стоновъ и

и лобзаній

Отъ женъ рыдающихъ, отъ рождшихъ и

сыновъ!“ —

Могущественный гласъ! мы ль хладны предъ

тобою?

Бери копьё! воздвигни щитъ!

Впередъ! на огонь и мечъ громовою стѣною!

Ужь горній нашъ орелъ перунами гремитъ!
Ужь гордо разпростеръ крилъ передъ полками!
Внимайте! . . . сопостатъ съ погибелью
шечетъ!

Земля шрасется подъ конями!

„Попру столою!“ вопіетъ! —

Ударимъ! упрѣдимъ! не Россу посрамленье!

Кто жизнью дерзнетъ купить поработченье?

Кто — согражданъ и стыдъ и плѣнь?

Онъ родины свяшой бѣглець отприновенъ;

Страшися онъ отческія сѣни!

Ему ли осязашъ родителя колѣни?

Ему ли старца грудь израненну лобзашъ!

Онъ врагъ своихъ друзей! онъ дерзкій
жизни шашъ!

Нѣтъ! нѣтъ! всей мощью пораженье

Низринемъ, Россы, на враговъ!

Не намъ, не намъ степенать подъ бременемъ
оковъ!

Не намъ предать и женъ и чадъ на развра-
щенье!

Отчизнѣ ль нашей быть добычей ихъ когтей?

Иль диво намъ карать надменныхъ?

О Россѣ, о ужасъ дерзновенныхъ!

Пусть смѣютъ испытать гдѣ мощь руки
пвоей!

Уснули ль полчища орлины,

Которыхъ громъ возжегъ Эвксинскія пучины

И Скандинавскаго на прахъ повергнулъ

льва? . . .

Двися, сразившая Сарматовъ булава! —

Умолкнулъ — сонмы всколебались ,
Щишами грянули ! чрезъ холмъ , сквозь
дебрь и лѣсъ

Воспламененные помчались
И праха черный вихрь вознесся до небесъ !

Бѣлевъ , В. Жуковскій.
15 Ноября.

V.

Къ Согражданинѣ.

Звукъ браней всюду раздается !
Труба военная гремитъ ;
Строптивый врагъ на насъ несется ,
Предъ нимъ ужасна Смерть летитъ . —
Возстаньте чада громкой славы ,
Возстаньте Россы величавы !
Уже врагъ въ гордости своей
Судьбами Царствъ располагаетъ ,
Свободѣ вашей угрожаетъ !
Тебѣ ли, Россѣ, разсшаться съ ней ?

✱

Тебѣ ли выю горделиву
Подъ иго чуждо наклонять ,
Судьбу Германцовъ несчастливу
И цѣпь позорну раздѣлять ?
Любовь къ Отечеству свящая ,
Тебя на подвигъ возбуждая ,
Уже ль угаснетъ предъ врагомъ ?
Тебѣ ль , спрашившему Вселенну ,

Бышь суетнымъ врагомъ сраженну —
Тебѣ ль его не презрѣть громъ?

*

Давно ли славою вѣнчанный
Суворовъ Галловъ поражалъ?
Давно ли супоспашъ попраанный
Ему побѣду уступалъ?
Уже ли Россы премѣнились?
Когда сердца ихъ сокрушились,
Коль голосъ славы слышанъ былъ?
Нѣтъ — Россы въ броню облакайтесь,
Какъ тучи бурны устремляйтесь! —
Васъ Галлъ еще не позабылъ.

*

Васъ Царь къ защитѣ призываетъ,
Зовешъ Отечество спасать;
Онъ вашей длани поручаетъ
Враговъ Вселенной поражать.
Любишь васъ Россы Онъ умѣетъ,
Для васъ и жизни не жалѣетъ;
Явя къ Нему свою любовь,
Оружье грозно принимайте
И славу чистую вкушайте
За Отечество пролишь всю кровь!

*

Воскреснутъ древніе Герои!
Ихъ сонмы быстро пошекушъ;
Начнутся кровоплины бои,
Побѣду Россы обрѣтутъ.
Сыны Россійскіе! мужайтесь,
Примѣромъ предковъ воспаменяйтесь,

Падетъ надушый силой врагъ! —
 Донскимъ враговъ тмы разсыпались,
 Пожарскимъ Россы свободдались,
 А ПЕТРЪ повергнулъ Карла въ прахъ.

*

И вы, Героевъ сихъ попомки,
 Стремитесь лавры пожинашь!
 Пустьъ подвиги Россіянъ громки
 Въ вѣкѣ будетъ слава повпоряшь!
 Не намъ подъ иго преклоняться,
 Не Россу чуждымъ покоряться,
 Нѣтъ! лучше въ брани смерть вкусишь,
 Всевышній, правдѣ побораю,
 Тирановъ злобныхъ устрашая,
 Враговъ поможетъ вамъ разить.

*

Декабря 5 дня.

— 67.

VI.

С е р е н а д а.

Симъ именемъ называется особливаго рода
 любовная пѣсня, которую поюшъ въ
 честь какой-нибудь особѣ, подъ окномъ ея
 дома. Надобно думать, что Греки ввели ее
 въ употребленіе. Толкователи Горація за-
 мѣчаютъ, что въ Одѣ къ Лидіи слова

Audis minus et minus jam,

Me tuo longas pere nte noctes,

Lydia dormis? (L. I Od. 25.)

относящаяся къ Серенадѣ, и что послѣдніе два стиха, вѣроятно, взяты изъ какой-нибудь Серенады, извѣстной въ тогдашнее время. Греки выдумали для нее весьма хорошее названіе *παράκλαυστρον*, что значитъ: жалобная пѣснь передъ дверью.

Въ Испаніи и въ Италіи такое любовное пѣніе употребительнѣе, нежели въ другихъ странахъ Европы. Сіе обыкновеніе не дѣлаетъ никакого безчестія націи; по крайней мѣрѣ оно служитъ доказательствомъ простоты и непринужденности въ образѣ жизни. Тѣ обычаи подозрительны и даже непристойны, которые запрещаютъ молодому человѣку открытъ въ Серенадѣ любовь свою дѣвушкѣ, или оказать ей невинную учтивость.

Иногда называется Серенадою играніе на музыкальныхъ инструментахъ передъ чьимъ-нибудь домомъ при наступленіи ночи, въ честь хозяину, или для поздравленія. Ночная тишина дѣлаетъ весьма пріятнымъ впечатлѣніе, производимое такою музыкою.

Сочиняя Серенаду для голоса или для однихъ инструментовъ, Композиторъ долженъ употреблять болѣе согласныхъ тоновъ, нежели разногласныхъ; тщательно наблюдать простоту и плавность, и выбирать

для аккомпанированія такіе инструменшы, кошырые издають пріятнѣйшіе звуки на открытомъ воздухѣ.

Сульцеръ.

VII.

П о с т р и г и.

В старину было на Руси обыкновеніе, съ торжественными обрядами постригать Княжескихъ дѣшей, при вступленіи ихъ въ отроческій возрастъ. Князь Щербатовъ говоритъ, что сей обрядъ совершался по прошествіи полутора года отъ рожденія младенца, при оцнѣтїи его отъ груди, и что волосы остригаемы были на гробѣ какого-нибудь Святаго. Болтинъ замѣчаетъ, доказывая примѣрами изъ Исторіи, что нигдѣ въ Лѣтописяхъ не опредѣляется полутора-годовое время для постриженія; также ни по чему не видно, чтобы постриженіе надлежало совершать на гробѣ Святаго.

Находимъ въ Лѣтописяхъ, что „Великій Князь Всеволодъ III учинилъ постригу сыну своему Юрїю 1192 года Апоѣля 25 дня, тогожь дня и на коня его посадилъ, и была во Владимірѣ радость великая.“ Далѣе видимъ, что въ 1213 году Князь Константинъ Всеволодовичъ съ великимъ веселіемъ

учинилъ постриганіе дѣшамъ своимъ Васильку и Всеволоду, изъ которыхъ первому было чешыре, а послѣднему при года. Въ 1230 Князь Михайлъ Всеволодовичъ Новгородскій въ церкви Святыя Софіи постригъ сына своего Ростислава, которому было тогда семь лѣтъ. Въ жизни Великаго Князя Іоанна Васильевича написано, что сына его Георгія, по прошествіи семи лѣтъ, постригали со стрѣлами, и на коня посадили, и что при совершеніи обряда были знашныя люди, какъ бывають кумовья при крещеніи. Достойно примѣчанія, что послѣ того нигдѣ уже не упоминается о постригахъ и сажаніи дѣшей Княжескихъ на коней; однакожь, по свидѣтельству Тапищева, сей обрядъ при немъ еще былъ въ употребленіи между знашными. Извѣстно, что всему народу объявляемо было съ великою радостію, когда Царевичи достигали семилѣтняго возраста, и когда брали ихъ изъ рукъ женскихъ, и отдавали подъ присмотръ особамъ мужескаго пола. При объявленіи возраста Царевичей Симеона Алексіевича и Алексія Алексіевича оказаны милости народу, а особливо Шляхетству, которому сдѣлана прибавка въ помѣстьяхъ. Тапищевъ говоритъ, что постриганіе и на коней сажаніе Княжескихъ дѣшей есть древній Славянскихъ Князей обычай, и что обрядъ сей въ идолопоклонствѣ опшравляемъ былъ съ великимъ торжествомъ при наступленіи восьмага года. Кромеръ и

другіе Польскіе Историки упоминаютьъ о посмиганіи Лешка, перваго Короля Польскаго. Обычай сей, какъ не принадлежащій до вѣры, держался долгое время въ Христіанствѣ.

Весьма любопытно знать: не осталось ли въ которой-нибудь Губерніи слѣдовъ сего древняго обыкновенія?

VIII.

Новая книга.

Донъ Кишотъ Лаланхскій. Сочиненіе Серванта. Переведено съ Французскаго Флоріанова перевода В. Жуковскимъ. Въ 6 Томахъ. Въ 12 долю листа. Москва. Въ Типографіи Платона Бекетова.

Г. Жуковскій оказалъ пріятнѣйшее одолженіе Любителямъ отечественной Словесности, предложивъ имъ такую книгу; которая переведена и безпрестанно переводится на всѣ языки, и которую уже болѣе двухъ сотъ лѣтъ люди всякаго званія читаютъ съ великимъ удовольствіемъ.

Михайла Сервантъ Сааведра родился въ 1547 году, при Карлѣ V, а умеръ 1616. Онъ былъ современникъ знаменитаго Лопеса де

Вегги, слѣдственно золотого вѣка Испанской Словесности. Онъ прославилъ отечество своими сочиненіями, и — подобно Гомеру, Камоенсу и другимъ великимъ людямъ — нашелъ отечество уже послѣ смерти, проведши всю жизнь свою въ крайней бѣдности. Серванту было пятьдесятъ лѣтъ, когда понадобилось ему съѣздить въ Ламанху. Жители деревеньки Аргимазиллы съ нимъ поссорились, посадили его въ тюрьму, и долго въ ней продержали. Тамъ — то началъ онъ писать *Донъ Кишотта*, и въ опмщеніе своимъ оскорбителямъ назвалъ Ламанху отечествомъ Героя. Можетъ быть никто другой не умѣлъ такъ хорошо смѣяться надъ предрассудками, свято храня чистоту нравственности; онъ одинъ нашелъ средство, въ продолженіи нѣсколькихъ томовъ, занимать читателя бреднями помѣшаннаго на рыцарствѣ *Донъ Кишотта*, смѣшнаго и любезнаго, жаднаго по разумію и удивительнаго по уму: ибо все, что Герой говоритъ не о рыцарствѣ, кажется внушено самою мудростію, и дышетъ любовію къ добродѣтели. Читатели увидятъ это изъ слѣдующаго разговора между *Донъ Кишоттомъ* и Ламанхскимъ Дворяниномъ; увидятъ также, къ какому классу Переводчиковъ надлежитъ причислять Г - на *Жуковскаго*. Тамъ охотнѣе помѣщаемъ слѣдующее извлеченіе, что оно, какъ отрывокъ яркіиный и

занимательный, соответствует плану Журнала.

Томъ IV. стр. 182. „Имѣю одного сына, государь мой, и долженъ вамъ признаться, что не нахожу въ немъ такого утѣшенія, какое найши надѣялся. Ему осмнадцать лѣтъ; онъ учился въ Саламанкѣ; знаетъ по Гречески, по Латыни, но по несчастію такъ привязался къ Поэзии, что пересталъ думать о другихъ наукахъ, гораздо полезнѣйшихъ въ обществѣ. вмѣсто того, чтобы воспользоваться своими способностями, своимъ умомъ, для приобрѣтенія какого-нибудь выгоднаго званія по службѣ, онъ занимается — чѣмъ вы думаете? — вздорными сравненіями стиховъ Гомеровыхъ съ Виргиліевыми, разборомъ элиграммъ Марціаловыхъ и сличеніемъ ихъ оригинала съ толкованіемъ Комментаторовъ. Онъ думаетъ о форшунѣ, о деньгахъ, о чинахъ гораздо меньше, нежели о Гораціѣ, Тибуллѣ Ювеналѣ. Отечественныхъ Поэтовъ почитаетъ онъ маловажными; презираетъ всѣ новые языки: то, что написано не по Гречески и не по Латыни, кажется ему посредственнымъ и недостойнымъ никакого вниманія.

„Я не имѣю нужды напоминать вамъ, государь мой, сказалъ Донъ Кишотъ, что недеспашки дѣшею не должны уменьшать

любви родительской. Отцы безъ сомнѣнія обязаны заранѣе выбратьъ для дѣтей своихъ лучшую и выгоднѣйшую дорогу, быть ихъ проводниками, имѣть руководствовать, наполняя сердца ихъ любовію къ добродѣтели; но если дѣти уже въ лѣтахъ, если, не удаляясь отъ сей добродѣтели, они откажутся идти по тому пути, на которое ведутъ ихъ насильно; если чувствуютъ рѣшительную склонность къ тому, а не къ другому званію. — къ той, а не къ другой наукѣ: то, кажется мнѣ, отцы и матери не имѣютъ никакого права ихъ неволить. Такое насиліе можетъ быть позволено одному ремесленнику, который, доставая хлѣбъ работою, долженъ выучить и дѣтей ремеслу своему. Что же касается до васъ, государь мой, то вы напрасно не радуешесь привязанностию вашего сына къ Поэзіи. Она есть прелестная, цвѣтущая дѣва, которой пріятности, блеску и скромной снѣдливости удивляются и уступаютъ пальму всѣ прочія науки, завистливыя и гордыя между собою, покорныя одной Поэзіи, единогласно признанной отъ нихъ царицею. Покланяясь ей, не почитаютъ онѣ униженіемъ, и стараясь украшать ее, сами украшаются. Счастливъ молодой человекъ, привязанный къ Поэзіи! счастливъ, если умѣетъ любить ее! Онъ долженъ и щадить и беречь снѣдливую.

красавицу , долженъ скрывать ее отъ взоровъ порочнаго ; не желать для нее успѣховъ ничтожныхъ и посipyдныхъ ; не продавать ее злобѣ и гордости въ бѣдкѣй сапирѣ ; не выставлятъ ее на сцену передъ глазами безумцевъ и невѣждъ — я разумѣю подъ симъ именемъ не одну толпу зрителей идущихъ назадъ , но и толпу знашныхъ господъ , которые не лучше судишь умѣють , сидя впереди. Если вашъ сынъ , государь мой , въ такомъ смыслѣ любитъ Поэзію , то поздравляю васъ отъ всего сердца ! она сдѣлаетъ его счастливымъ , славнымъ и добродѣтельнымъ.

„ Чшожь касается до его непочтенія къ нашимъ Поэтамъ и нашему языку , то это есть такая ошибка въ Логикѣ , которой подвержены многіе мнѣ извѣстные люди. Эти господа не думаютъ , что Гомеръ и Виргилій въ то время , когда писали свои поэмы , были не древніе ; а новые писатели ; что они сочиняли стихи свои на томъ самомъ языкѣ , на которомъ тогда всѣ говорили , и не имѣли никакой нужды желать другаго для выраженія высокихъ мыслей своихъ ! Удивляйтесь имъ , я согласенъ ; но удивляйтесь и доброму Нѣмцу , которой говоритъ понѣмецки , и Каспильянину , которой говоритъ по-испански , и даже Бискайцу , если онъ на

Грубомъ языкѣ своемъ умѣетъ говорить красно-рѣчиво. Думайте, что хопите, любезный донъ Діего; но я увѣренъ, что если сочиненіе не нравится, то вина свашъ не языкъ, а одинъ сочинитель. Если онъ рожденъ Поэтомъ, если душа его чувствительна и пламенна; безъ чего и самый упорный трудъ ничего не значитъ; то языкъ его будетъ пріятенъ и привлекателенъ, то онъ откроетъ въ немъ сокровища неизвѣстныя, и возведетъ его на степень языковъ ученыхъ и классическихъ. Скажите же своему сыну, чтобы не презиралъ Испанскаго языка; скажите, что еслибы Гомеръ родился въ Испаніи; то наша Иліада не уступила бы Греческой. Не противясь его спрости къ стихамъ: только совѣщуйте ему писать одни хорошіе, подражать симъ древнимъ Поэтамъ, которыхъ онъ по справедливости обожаетъ; быть врагомъ пороковъ, а не людей; прославлять и воспламенять въ людяхъ однѣ благородныя чувства добродѣтели; и наконецъ не забывать никогда, что истинный геній въ сердцѣ, а не въ головѣ; что перо есть органъ души; что самое вѣрное средство плѣнять вѣрнымъ изображеніемъ добродѣтели есть быть самому добродѣтельнымъ. Будьте увѣрены; государь мой, что сынъ вашъ, избравши такую дорогу, приобрететъ любовь и почтеніе своихъ современниковъ; и останешся въ памяти

попомковъ. Сама форшуна, рано или поздно, сдѣлается къ нему благосклонною, и Цари, земные боги, будутъ принуждены увѣнчать его онымъ безсмертнымъ лавромъ, къ которому грома коснуться не смѣютъ.“

Донъ Кишотъ переведенъ съ Флоріанова перевода еще въ первой разѣ. Флоріанъ нѣкоторыя мѣста перемѣнилъ, другія выпустилъ: сего требовало самое почтеніе къ Авшору и вкусъ нынѣшняго времени.

IX.

С м ѣ с ь.

Прахъ Жанъ-Жака Руссо, лежащій во храмѣ Св. Женевьевы, прежнемъ Пантеонѣ, будетъ перенесенъ на старое мѣсто въ деревню Эрменонвиль. Набожные Французы вспомнили, что грѣшно беречь Промеспанша въ Каполической церкви.

✱

Въ нѣкоторой Курляндской деревнѣ на господскомъ дворѣ сгорѣла рига. Послѣ пожара нашли въ золѣ оставшіяся коси; но чьи онѣ были, никто не могъ догадаться до тѣхъ поръ, пока не узнали, что работникъ, которому поручено было наплавить ригу,

пропалъ безъ вѣсти. Тогда всѣ заключили, что сей несчастной сдѣлался жертвою пламени; собрали кости, сложили въ гробъ, и съ обыкновенными обрядами предали оныя землѣ. — Спустя нѣсколько времени, когда уже забыли о печальномъ произшествіи, работникъ является. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвелъ сей случай. Всѣ изумляются, не вѣрятъ глазамъ своимъ, думаютъ, что видятъ передъ собою выходца изъ другаго свѣта; однакожь работникъ доказалъ, что напрасно считали его погибшимъ. Онъ объявилъ о себѣ, что во время пожара, боясь наказанія за свою неосторожность, бѣжалъ изъ господскаго дому, и спривовалъ по разнымъ деревьямъ. Кого же похоронили? Волка, котораго за день до пожара убилъ работникъ, и спряталъ въ ригъ. — Едва ли удостоился какой-нибудь другой волкъ погребенія споль почтеннаго!!

*

Одинъ барабанщикъ Швейцарскаго полку, находившагося въ Сентѣ, почитался славнѣйшимъ обжорою. Капитанъ его, которой гордился тѣмъ, что въ числѣ своихъ подчиненныхъ имѣетъ человека съ такимъ рѣдкимъ талантомъ, однажды рассказывалъ о немъ чудеса нѣкопорому Французскому Офицеру. Видя, что сей недовѣряетъ рассказамъ, Швейцаръ предложилъ, не угодно ли

удариться о двадцати пяти луидорахъ, что барабанщикъ за однимъ разомъ съѣсть шеленка. Офицеръ согласился. Капитанъ уведомилъ о томъ своего обжору. „Ахъ, ваше благородіе — ошвѣчалъ барабанщикъ — быка съѣсть не бездѣлица. Но когда уже вы ударились объ закладъ, то я готовъ на все рѣшиться. Я человекъ честной; надѣюсь, что желудокъ мой будетъ столько же неустрашимъ, какъ и сердце.“ Офицеръ заказалъ въ одномъ изъ лучшихъ практиковъ приготовить цѣлаго шеленка, въ множествѣ разныхъ блюдъ пріятнѣйшихъ для вкуса, по правиламъ ушонченнаго искусства повареннаго. Наступилъ часъ опыта. Просподошной барабанщикъ опорожнилъ нѣсколько блюдъ, ожидая, пока подадутъ цѣлаго шеленка, и думая, что его забавляютъ лакомствомъ для препровожденія времени. Наконецъ съѣвши уже три четверти шеленка, не зная самъ о томъ, онъ сказалъ Капитану: „Ваше благородіе! не пора ли приниматься за дѣло? если съѣмъ еще столько ашихъ мѣлочей, то со всѣмъ моимъ усердіемъ едва ли успѣю избавить васъ отъ проигрыша.“ Французской Офицеръ доволенъ былъ симъ опытомъ, и тотчасъ подсчиталъ Капитану двадцать пять луидоровъ.

*

Въ послѣдней книжкѣ Французскаго Им-
провизатора , подъ сшапьею *Венера* , помѣ-
щенъ слѣдующій анекдотъ : „Славный Хи-
рургъ Тьерри Герень — которой приобрѣлъ бо-
лѣе 5000 палеровъ посредствомъ лѣченія
болѣзней , получившихъ наименованіе отъ
упомянутой богини — будучи нѣкогда въ Аб-
батствѣ Св. Дениса , преклонилъ колѣна пе-
редъ гробницею Карла VIII. Случившійся
шумъ монахъ подбѣжавъ къ нему , сказалъ :
„Что вы дѣлаете? это не святой!“ Знаю —
отвѣчалъ Тьерри ; но сей Король принесъ во
Францію такой полезной и счастливой не-
дугъ , которой доставилъ мнѣ способы на-
жить хорошей доспашокъ. Для того-то я
и молюсь объ упокоеніи души моего благо-
дѣшеля въ лонѣ праведныхъ.

ПОЛИТИКА.

I.

Генералъ Маккъ.

Генералъ Маккъ, во 185 мѣ Нумерѣ Имперскаго Указателя нынѣшняго года, горько жалуется на сужденія Публики, произнесенныя и произносимыя объ его поспукахъ. Кажется, онъ сидя въ заключеніи, не знаетъ еще, что вышла вновь строгая, но основательная кришика на походъ 1805 года, написанная сочинителемъ *Духа новѣйшей системы военной* и другія кришическія замѣчанія о его проступкѣ. Видно также, что онъ не знаетъ и новаго, весьма достопамятнаго *Описанія Австерлицкаго сраженія*, сочиненнаго однимъ Австрійскимъ Генераломъ, человекомъ имѣющимъ проникательную умъ, знающимъ дѣла, и сверхъ того очевиднымъ свидѣтелемъ описываемаго произшествія. Онъ говоритъ о сей трагикомической войнѣ между прочимъ слѣдующее:

„Чрезвычайная Маккова безразсудность, которая можетъ сравниться только со стыдомъ его, произвела тѣ безчисленныя, непроснишельныя ошибки, которыя изу-

мили Европу, и посрамили храбрую армію. Сія безразсудность, единственна въ своемъ родѣ, причиною, что онъ никогда не думалъ о возможности быть побѣжденнымъ, и не спарался запасши магазины для войска. Отъ того случилось, что Императорская армія при Ольмюцѣ ощутила крайній недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ. Она простояла путь одинъ только день, а въ слѣдующій же принуждена была прибѣгнуть къ насильственнымъ требованіямъ. Сіе ужасное средство, исполненное съ величайшимъ безпорядкомъ, поселило въ войскѣ неповиновеніе, которое съ сего времени всегда въ немъ было примѣтно. Судя по обстоятельству политическимъ, кажется, что въ сію эпоху время было всего дороже; выиграть время и выиграть побѣду значило одно и то же. Весьма полезно было бы удержать положеніе при Ольмюцѣ; но для сего потребны были сѣстные припасы и проч. и проч.“

Авторъ заключаетъ свое достопамятное сочиненіе слѣдующими словами:

„Въ Ульмѣ храбрыя Австрійскія войска принесены Генераломъ Маккомъ на жертву смерти; въ Ульмѣ постигла ихъ ужасная участь, погубившая всю армію въ Германіи; въ Ульмѣ многіе полки, копорымъ не уда-

лось сдѣлать ни одного выстрѣла въ продолженіе всего похода, принуждены были здаться — и все это было слѣдствіемъ распоряженій Макка! и все это сдѣлано по приказу того самаго Генерала, которой хотѣлъ умереть въ Ульмѣ, которой вездѣ долженъ былъ бы умирать, но которой однакожь нигдѣ не умеръ!“ — Это слова Австрійскаго Генерала, необъявившаго своего имени.

Генералъ Маккъ, которой въ самыхъ обыкновенныхъ случаяхъ не умѣетъ вести себя какъ должно, въ оправданіи не говоритъ ни слова о сопротивленіи и оборонѣ; но проситъ только, чтобы не осуждали его до тѣхъ поръ, пока не откроется совершенно, виновенъ онъ, или нѣтъ. Онъ ссылается на такія происшествія, которыя съ его поступками не имѣютъ ничего общаго; говоритъ, что „не отъ него зависѣло начатіе войны, что онъ не былъ совершенно уполномоченъ въ начальствованіи надъ Императорскими Австрійскими войсками, и что не надобно забывать о слѣдствіяхъ, происшедшихъ отъ движеній Баварскаго войска и нарушенія Прусскаго неутралишета.“

Оправданіе, основанное на такихъ причинахъ, заслуживаетъ низхожденіе, да и самъ Генералъ Маккъ, низвергнувшій Гер-

манію вѣ пропашь бѣдствій, Маккъ, коего имя, вмѣстѣ съ именами весьма немногихъ Нѣмцовъ, останешся безсмертнымъ, имѣетъ на то неоспоримое право! Кто не отдастъ бы ему справедливости? кто, видя споль много темнаго, неизвѣстнаго и закрытаго, вразсужденіи несчастнаго похода 1805 года, не желалъ бы получить точнѣйшихъ извѣстій отъ главнаго лица на семъ воинскомъ позорищѣ? кто не желалъ бы видѣть сего Генерала оправданнымъ, еслибъ можно было ожидать чего-нибудь доспашочнаго для его защищенія? Но *это невозможно*, — хотя бы онъ и представилъ оправданія къ уменьшенію неимовѣрной, ужасной вины своей. А о такомъ защищеніи, которое сего Генерала въ глазахъ свѣта могло бы показать совершенно невиннымъ, не лзя даже и подумать, хотя бы самъ Архангелъ Гавріилъ далъ ему перо свое, а Димосеенъ и Цицеронъ говорили за него рѣчи. Многія произшествія изъ сего баснословнаго похода сполько всѣмъ извѣстны, что ни прибавить ни убавишь ничего въ нихъ не можно; судя по онымъ, не надобно дожидаться отъ Макка никакого объясненія, чтобы произнести приговоръ объ его участи.

Для сего довольно рѣшить два самые простые вопроса.

„Кто былъ главнымъ начальникомъ въ Ульмѣ? — Кто сдался тамъ съ многочисленною арміею, безъ сраженія, даже безъ малѣйшаго покушенія, спасти свое войско?“ и проч. и проч.

Хотя друзья Генерала Макка и другіе добросердечные люди желая оправдать его, приписывали сіи произшествія несчастію; — но онъ въ объясненіи своемъ ни мало съ ашимъ не соглашается. Нѣтъ! онъ, по видимому; столько же полагается на свое счастье, какъ и на свое искусство въ дѣлѣ военномъ; не хочетъ даже слышать о несчастіи, и огорчается нелѣпымъ, какъ онъ говоритъ, открытіемъ, будто слово *Макка* на Еврейскомъ языкѣ значить *бѣдствіе*; ссылается на времена, въ которыхъ былъ счастливъ — хотя ни я, ни другіе историческіе наблюдатели ничего не знаемъ объ его воинскомъ счастьи; говоритъ о какихъ-то знаменитыхъ походахъ (!!!), въ которыхъ онъ участвовалъ. Но какъ сіи походы — очень удивительно! — принадлежатъ къ государственнымъ тайнамъ, и слѣдственно еще не описаны въ Исторіи, но и должно оставить сію статью безъ изслѣдованія. Протекшія времена славы — предположивъ, что можно доказать ихъ существованіе — должно также оставить безъ вниманія, когда дѣло идетъ объ ужасныхъ,

гнусныхъ, все - позирающихъ обстоятель-
ствахъ нынѣшняго времени.

Если бы Генералъ Маккъ былъ подо-
гадливѣе, то лучше бы ему, для уменьшенія
своего стыда, ограничить себя настоящимъ,
и приписать *несчастію* все, что только мо-
жно приписать ему; ибо всѣ увѣрены, что
онъ никогда уже не будетъ начальствовать
надъ войсками въ здѣшнемъ свѣтѣ, и что
повелительный жезлъ его переломленъ для
потомства.

(Съ Нѣмецкаго.)

II.

*Донесеніе Іонійскому Сенату отъ Ка-
меры иностранныхъ дѣлъ.*

Камера иностранныхъ дѣлъ предоста-
вляетъ извѣстной прозорливости высо-
каго Сената благопріятный случай испол-
нить двѣ важныя должности для управляю-
щихъ народами: первая состоитъ въ изъ-
явленіи общей признательности гражданину,
который достойно служилъ своему спече-
ству, и прославилъ его; другая въ томъ,
чтобъ одушевлять возникающую склон-
ность гражданъ къ наукамъ, предлагая имъ
способы совершенствовать свои дарованія по-

лезными упражненіями. Нынѣ есть случай исполнить сіи священныя обязанности:

27 Маія въ С. Петербургѣ умеръ (если великой человекъ умираетъ) нашъ согражданинъ Преосвященный Евгеній Булгаръ, Архїепископъ, бывшій Славенскій и Херсонскій. вмѣсто того, чтобъ превозносить его похвалами, довольно упомянуть его имя.

Сей Паспырь добродѣтелями своими утѣшалъ страдающее человечество, высокими сочиненіями просвѣщалъ его, благочестіемъ утверждалъ его въ вѣрѣ. Среди священныхъ занятій, облагодѣпелствованный милостіями, щедро изливаемыми отъ великодушнаго **МОНАРХА** Россійскаго, онъ обратилъ взоръ свой на отечество; съ восторгомъ увидѣлъ, что оно пробуждается отъ сна, возносится къ свободѣ, къ величію, и приемлетъ видъ Греціи. При жизни своей онъ споспѣшествовалъ благу отечества; споспѣшествуетъ и по смерти: свидѣтель тому духовное завѣщаніе покойнаго. Въ пользу учащагося юношества Семи Острововъ отпущены драгоцѣнные кресты и панагіи; симъ даромъ умноженъ капиталъ, опредѣленный для содержанія народныхъ училищъ.

И такъ, въ нихъ надлежитъ воздвигнуть ему памятникъ общественной признательности; да предѣлитъ въ нихъ великій

мужъ; подобно Божеству покровительствующему; учащие и учащиеся да благоговѣютъ предъ своимъ благодѣтелемъ.

Камера за благо разсудила призвать двухъ благородныхъ юношъ, Г-дъ *Дмитрія Піери*, и *Павла Проссаленди*; она поручила имъ; вмѣстѣ или порознь, заняться начертаніемъ памятника; представитъ рисунокъ высокому Сенату, и если будетъ одобренъ, приступитъ къ исполненію.

Благородные юноши, наставленные въ училищѣ Италіянскаго Фидія; вдохновенные божественнымъ его геніемъ; ободренные общественною довѣренностію, возженные любовью къ отечеству; постараются совершить важное сіе дѣло. Памятникъ будетъ воздвигнутъ или въ Гимназіи; если она опровергнется, или въ другомъ избранномъ училищѣ съ приличнымъ торжественіемъ въ присутствіи общихъ и мѣстныхъ начальствъ и многочисленнаго собранія. Сей случай будетъ посвященъ отечественной благодарности и ознаменованъ Словомъ, соотвѣтствующимъ столь важному предмету.

Камера препоручила сочинить и произнести Слово сіе предпочтительно благородному юношѣ *Андрею Мустюксиди*, которой обратилъ на себя ея вниманіе. Опыты;

въ учености , оказанные симъ юношею , дѣлають его достойнымъ предпочтенія.

Шесть мѣсяцевъ , въ которые ученики безсмертнаго *Кановы* будутъ заниматься памяникомъ , Г-нъ Муспоксиди упоиребитъ на собраніе свѣденій о жизни и сочиненіяхъ Преосвященнаго *Евгенія*. Историческое исчисленіе добродѣтельныхъ его дѣяній воспламенитъ сердца къ подражанію въ благородной ревности знаменитому Тетарху ; разсмотрѣніе высуреннихъ его сочиненій озаритъ умы свѣтомъ божественнымъ.

Васъ , благородные юноши, драгоценная надежда опечесства, за предиріемлемые труды наградитъ высокій Сенатъ , имѣя многія средства оживлять таланты , награждать ихъ , и возбуждать благородное соревнованіе въ юношесствѣ Тонійскомъ.

Вотъ предложенія, представляемая Камерою на утвержденіе высокаго Сената.

Августа 11 дня , 1806. Сенатъ , выслушавъ донесеніе Камеры иностранныхъ дѣлъ , подтверждаетъ и принимаетъ всѣ предлагаемыя мѣры, поручая Сшатсѣ - Секретарю напечатать оное , и привести къ исполненію. Вице - Президентъ Антоній Агорасъ. Сшатсѣ - Секретарь Спир. Башаля.

(СЗ Грегескаго.)

III.

Статистическія извѣстія о Буэносъ-Айресѣ.

По свидѣтельству лучшихъ Испанскихъ Географовъ, Парагвайъ простирается на 500 миль въ длину и на 350 въ ширину. Онъ лежитъ между 12 мѣ и 37 мѣ градусами южной широты, и содержитъ въ себѣ 350 квадратныхъ миль земли — слѣдственно въ 12 разъ болѣе Франціи въ 1790 году. *Буэносъ-Айресъ*, главной городъ провинціи, извѣстной подъ симъ же именемъ, лежитъ подъ 35 градусомъ южной широты. Вся провинція вообще называется *Южное отдѣленіе Вице-Королевства Платскаго*.

Выгоды, которыя обладаніе сею провинціею можетъ принести Англїи, суть безчисленны. На великой рѣкѣ *Платѣ* суда могутъ плавать очень далеко вверхъ отъ ея устья. Заливы и озера чрезвычайно благопріятствуютъ внутренней торговлѣ. Озеро *Каскироесъ*, простирающееся въ длину болѣе нежели на 100 миль, почти на всемъ пространствѣ своемъ судоходно. Недальновидная и жестокая политика Испанцевъ тщателью скрывала описанія о внутреннемъ положеніи сего края; Англичане скоро сдѣлаютъ всему свѣту извѣстными моральныя и физическія преимущества новоприобрѣтен-

ныхъ владѣній. Страна сія обѣщаетъ важнѣйшіе успѣхи торговымъ предпріятіямъ, кошорымъ Бритпанскіе капиталы и духъ промышленности дадутъ новую жизнь и дѣятельность.

Географическія выгоды *Буэнос-Айреса* въ томъ состоятъ, что онъ граничитъ съ Парагваемъ, Перу и Хили, — еще въ томъ, что онъ, по причинѣ здороваго климата, можетъ служить пріятнѣйшимъ мѣстомъ отдохновенія; это подастъ надежду, что могущество Англїи утвердится на обѣихъ половинахъ земнаго шара. Число жителей провинціи велико; главныя произведенія оной могутъ бытъ отправляемы въ Англїю къ обогащенію и купцовъ Европейскихъ и поселянъ Американскихъ. За провозъ сахара, хлопчатой бумаги, индиго, лекарственныхъ веществъ, хины, парагвайской травы и кошенили, корабельные хозяева получаютъ много денегъ. Нѣтъ сомнѣнія, что по обзорѣни внутреннихъ провинцій найдется множество драгоцѣнныхъ предметовъ ботаническихъ.

До сихъ поръ Испанская политика истребляла все, чего не лзя было вывозитъ, и шѣмъ разоряла и купца и поселянина. Теперь все шануть пользоваться благами, кошорыми Природа надѣлила страну сію.

Англійское правительство ручается, что благоденствіе провинціи начнется съ эпохи покоренія оной.

Въ Буэносъ-Айресѣ расшеть самой лучшей табакъ. Обширныя поля покрыты будущимъ симъ драгоценнымъ произведеніемъ, за которое мы платимъ Виргиніи великія суммы. Испанское правительство отдавало на откупъ торгъ табакомъ, и тѣмъ разоряло бѣдныхъ жителей.

Буэносъ-Айресъ въ 1762 году съ успѣхомъ защищался противъ экспедиціи, частными людьми предпринятой. Правительство, тогда вознамѣрившись завоевать Манилю, ободряло Англійскихъ и Португальскихъ удалцовъ къ нападенію на Буэносъ-Айресъ, и дало имъ возможнѣйшія пособія. Четыре фрегата съ 500 человекъ войска, подъ начальствомъ отважнаго Капишана Макнамары, прибыли къ назначенному мѣсту; но принуждены были возвратиться, претерпѣвши великую потерю въ людяхъ.

(Изъ Великобр. Газ.)

IV.

*Объявленіе отъ Его Величества Короля
Прусскаго противъ мятежниковъ.*

Его Величество Король Прусскій получилъ достоверныя извѣстія, что въ нѣкопрыхъ мѣстахъ Департамента Познаньскаго и Калишскаго оказались мятежническія движенія. Его Величество надѣется, что большая часть народа южной Пруссіи — гдѣ Варшавскій Департаментъ и нынѣ еще подаетъ собою примѣръ достохвальнѣйшій — помня благодаренія Его Величества и неусыпныя попеченія о приведеніи всего края въ лучшее, до сихъ поръ ему неизвѣстное соспояніе, въ точности исполнилъ свои обязанности. Немногіе только злонамѣренныя шляхпичи внутреннихъ и заграничныхъ областей дерзнулъ покуситься, пользуясь нынѣшними военными обспоятельствами, коварными обольщеніями преклонять жпщелей на сторону непріятельскую, воспаляя мятежи въ областяхъ, и искать выгодъ своихъ въ опустошеніяхъ войны междоусобной и въ пролившіи крови согражданъ. Такіе злодѣи подвергнушъ себя спрожайшему испязанію. Его Величество предаетъ ихъ суду военному, и повелѣваетъ всѣмъ военнымъ и гражданскимъ начальствамъ каждаго шляхпича, которой будетъ подущать другихъ къ мятежу, и которой самъ посредспвенно или непосредспвенно принадлежитъ къ шай-

къ мяшежниковъ, ловить, и отсылать къ ближайшимъ воинскимъ начальствамъ, которыя должны надъ каждымъ приведеннымъ шляхтичемъ произвести военной судъ въ 24 часа, и немедленно разстрѣлять его на мѣстѣ, если окажется виноватымъ. Только оболыщеннымъ низшаго состоянія людямъ Его Величество можетъ явить обыкновенную свою милость и снисхожденіе. Сіи люди, по силѣ законовъ, должны бытъ призваны для опѣша. Кто добровольно откроетъ оболыщителей и сообщниковъ мяшежа, и донесетъ на нихъ, тотъ не только въ своей винѣ получитъ прощеніе, но еще будетъ награжденъ, по усмотрѣнію дѣла. Осшероде, Ноября 18 дня, 1806 года.

ФРИДРИХЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ.

(Изъ Варшав. Корресп.)

V.

Извѣстія и замѣтанія.

„Если мы и лишимся политическаго бы-
 „тія — написалъ одинъ космополишъ
 „Нѣмецкой, Іюня мѣсяца текущаго года; то
 „сей переходъ при нынѣшней образован-
 „ности нашего ума не столько огорчитъ
 „насъ, какъ другіе народы, когда бы съ ними
 „то же случилось. Насъ будутъ называть
 „націею всемірно-гражданскою. Народъ ис-

„тѣмъ просвѣщенный и подъ игомъ завоеван-
 „шея не будешь нести бремени неволи.“
 Такъ чувствуя и мысля рабы постыд-
 наго агоизма! кровь не кипитъ въ нихъ,
 сердце не бьется сильнѣе при напомниманіи
 священнаго имени Опечества! мщеніе не пы-
 лаетъ въ нихъ противъ жестокихъ угнѣсни-
 шелей! имъ неизвѣстна гордость народная.

Германія состояла изъ государствъ, со-
 единенныхъ между собою слабымъ союзомъ,
 но раздѣленныхъ противуположными выго-
 дами, которыя оспаривали при самомъ
 началѣ всякое общепольное предпріятіе, по-
 давляли духъ національный, слѣдственно и
 самую любовь къ Опечеству. Какая нужда
 Саксонцу жертвовать своею жизнью, имуще-
 ствомъ, покоемъ за Виртембергца, который
 живетъ подъ другими законами, и также
 не обязанъ пещися о безопасности перваго?
 Отъ того каждый Нѣмецъ былъ увѣренъ о
 себѣ, что сколько же принадлежитъ къ со-
 ставу великаго шѣла государственнаго,
 какъ и къ обществу всего человѣческаго рода.
 Малая, отдѣленная отъ другихъ, область
 не имѣла никакихъ способовъ предпринять
 что-нибудь великое для блага всего наро-
 да. Какъ же гражданину любить свое Опеч-
 ество, отъ котораго онъ не ожидаетъ
 себѣ защиты? какъ ему гордиться своею
 націею, которая не страшна сильному сосѣду,
 и всегда готова принять чуждое иго?

Въ такихъ обстоятельствахъ была Россія, когда раздѣлялась на многія Княжества. Въмѣсто того, чтобы общими силами опразить грознаго врага, Владѣтели вели войны междоусобныя, и возсѣдали даже на Великаго Князя. Исторія именуешъ Всеволода II Ольговича Государемъ честолюбивымъ; по возшествіи на престолъ Кіевскій (1138), онъ вознамѣрился умертвить гиду многоначалія, и всѣ Княжества Россійскія присоединить къ своимъ владѣніямъ. О! еслибъ военныя предпріяшя и дружелюбныя предложенія сего Князя возымѣли желаемой успѣхъ, то внукъ Чингисъ-Хановъ — спустя пошомъ сто лѣтъ, съ быспрошою пошѣка въ нѣскольکو мѣсяцевъ достигшій до предѣловъ Новгородскихъ — встрѣтилъ бы непобѣдимую преграду на берегахъ Волги, и Россія не страдала бы въ рабствѣ. Были несчастія и подъ единойдержавіемъ; враги внутренніе и внѣшніе терзали изнеможенное Опечество: но бѣрные сыны, одушевленные любовію къ драгоцѣннѣйшимъ, общимъ, нераздѣльнымъ выгодамъ, успѣли спасти его и тогда, когда, по видимому, не оставалось никакой надежды.

Возгордившійся успѣхами врагъ чловѣческаго рода въ безуміи своемъ нынѣ угрожаешъ нападеніемъ на предѣлы Россіи. Спрашны ли для насъ грозы ненаказанныхъ злодѣевъ, поправшихъ ногами священныя осно-

ванія гражданскаго порядка, — злодѣевъ, надъ которыми осягошѣла десница праведнаго Мздовоздаятеля? страшны ли для насъ разбойники — наглые передъ слабыми, но робкіе передъ неустрашимыми — тогда, какъ всѣ истинные Россіяне готовы пролить кровь свою за Вѣру, за Государя, за Отечество? Наши сограждане доказали свѣту, что нѣтъ пожертвованій, которыхъ не сдѣлали бы для общественныхъ заведеній, для облегченія участи страдающей брашні, для пользы чело-вѣчества; пощадимъ ли силы свои, имуще-ства, самую жизнь для того, что дороже намъ самой жизни? нѣтъ! нѣтъ! Клянемся священнѣйшимъ именемъ Твоимъ, МОНАРХЪ Вселюбезнѣйшій, клянемся оправдать ТВОЕ упованіе! *Ковы враговъ ТВОИХЪ сокрушатся, и единые ихъ гробы останутся ихъ слѣдами на предѣлахъ ТВОЕЙ Имперіи!*

Лишь только сдѣлался извѣстнымъ въ Столицѣ Высочайшій Манифестъ о составленіи временныхъ ополченій, въ тотъ самый день многіе сограждане, патриотическимъ усердіемъ одушевленные, приступили къ заготовленію всего потребнаго. Еще не прошло недѣли, и уже слышимъ о чрезвычайныхъ приношеніяхъ. Первостепенные Дворяне и Чиновники по первому вызову отправяшъ людей вооруженныхъ; пожертвованія, Именистыми Гражданами и Купцами дѣлаемыя,

простираются до милліоновъ ; свободные съ неперпѣливымъ любопытствомъ спрашивають , гдѣ и когда начнутъ записывать во временную службу. Вездѣ видна дѣятельность , питаемая любовію къ Опечесству; каждой пылаетъ ревностію явить себя достойнымъ соопчичемъ Пожарскаго и Минина ! Вотъ доказательство , что вопреки заразѣ моднаго воспитанія , вопреки усиліямъ злонамѣренныхъ чужестранцевъ , поселяющихъ невѣжество и развратъ въ семействахъ , Опечество изобилуетъ истинными сынами , копорые хранятъ свой народный характеръ , и гнушаются повѣсами. Величіе и слава Государства не зависятъ отъ бессмысленнаго пускословія шунейцевъ , въ корыхъ оно никогда не имѣло , и не будетъ имѣть нужды.

До сихъ поръ еще ничего не можемъ донести Чишателямъ нашимъ ни о расположеніи войскъ вражескихъ , ни о новѣйшихъ произшествіяхъ заграничныхъ. Нѣкоторыя извѣстія , полученные съ послѣднею почтою , содержатъ въ себѣ новаго очень мало , потому что сношенія между почтамтами въ сѣверной Европѣ не приведены еще въ порядокъ. Сообщаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія , выписываемыя изъ Сѣверной Пчелы и Варшавскаго Корреспондента :

Изъ Саксонїи, 25 Октября. Курфирешъ заключилъ особенный миръ съ Наполеономъ; почему войско Саксонское, находящееся въ Галлѣ подъ начальствомъ Генералъ-Лейтенанта *Зешвица*, отдѣлилось отъ Пруссаго, и теперь идетъ на прежнія мѣста свои. Равнымъ образомъ послѣдовалъ размѣнъ военнопленныхъ. — Все наше Курфиршество занято Французскими войсками. Главная квартира Наполеонова за нѣсколько дней передъ симъ находилась въ Дрезденѣ, а опшуда, по вступленіи Франгузовъ въ Брандебургскую обласнъ, перенесена въ Потсдамъ.

Изъ Парижа, 18 Октября. Изъ Кале получено извѣстіе, что Англичане подплыли къ берегу съ 13 на 14 число ночью, и бросили въ городъ 35 бомбъ, которыя однакожь большаго вреда не причинили. — Въ нѣкоторыхъ публичныхъ, листкахъ написано, что Испанія объявила войну Португалліи, и что Князь *мира* будетъ предводительствовать войсками. Сіе извѣстіе пребуешъ подтвержденія, попому болѣе, что Англійская эскадра Адмирала Сен-Виценна вышла изъ Лиссабонской пристани, взявши съ собою чрезвычайнаго Посла Лорда Росслина. Въ упомянутой пристани осналось шолько шесть кораблей Англійскихъ; прочіе плаваютъ около береговъ Португальскихъ

Изъ Соры, что въ Неаполитанско́мъ Королевствѣ, 24 Сентября. Братъ Діаволъ (Fra Diavolo), иначе называющійся Микель Пецца, на прошедшей недѣлѣ прибывши съ нѣсколькими сотнями своихъ товарищей въ здѣшній городъ, тотчасъ приказалъ разобрать мостъ, закласть кирпичемъ городскія ворота, и потребовать отъ жилищныхъ обывателей деньги, подъ угрозами смертной казни. Между тѣмъ Генералъ д' Эсланъ собравши войско приступилъ къ городу. Началось жестокое сраженіе; въ одну четверть часа улицы покрылись убитыми и ранеными. Генералъ д' Эсланъ тотчасъ велѣлъ искать Брата Діавола; однакожь нигдѣ не могли найти его. (слѣдственно извѣстіе о поимкѣ сего ашамана несправедливо.) Онъ или бѣжалъ во время сраженія, или скрывается въ Сорѣ. Всѣ бумаги его захвачены. Генералъ д' Эсланъ не допустилъ солдатъ сжечь городъ, но позволилъ только имъ ограбить жителей. Генералъ Тиссонъ разбилъ подъ Атинною другую шайку товарищей Брата Діавола. (Изъ сего видно, что извѣстія о побѣдѣ Калабрійскихъ, такъ называемыхъ, мятежниковъ надъ Французами, объ изгнаніи сихъ послѣднихъ изъ Неаполитанскаго Королевства, и о смерти Массены и прочихъ Генераловъ также, къ сожалѣнію, несправедливо; ибо отъ 10 Октября пишутъ изъ Неаполя, что Массена пошелъ

съ частію войска къ городу *Реджіо*, въ которомъ заперлись Англичане, и что Калабрія терпитъ страшныя опустошенія.)

Изъ Землина, 25 Октября. Въ Семендріи продолжаются переговоры о мирѣ. Главныя условія, какъ говорятъ, суть слѣдующія: чтобы Султанъ дозволилъ Сербамъ выбрать себѣ Князя не подвластнаго Порці; чтобы войско Турецкое вышло навсегда изъ Сербіи; чтобы Сербы могли на своемъ иждивеніи содержать войско для безопасности; чтобы Сербія не принадлежала Порці, но платила бы ей только дань; чтобы Турки отдали Сербамъ Бѣлградъ и Сабачь.

✱

Изъ многихъ злодѣйствъ, чинимыхъ Французскими разбойниками, упомянемъ только о слѣдующихъ. Жители деревни *Вецфордъ*, въ западной Саксоніи, по приказу Маршала Даву, умерщвлены всѣ, выключая малолѣтнихъ, престарѣлыхъ и женщинъ, за то что они не хотѣли впустить солдатъ въ свою деревню. — Бонапарте ограбилъ гробницу Фридриха Великаго; добыча звѣрскаго неисповѣства (шпага, орденъ чернаго орла и знамена) отправлена въ Парижъ, въ домъ инвалидовъ. — Области Его Величества Короля Прусскаго, занятыя Французами, раздѣлены на четыре Департаменты: Берлинской, Кистринской, Шшештинской и Магдебургской. —

Дивизионный Генералъ *Лигранжъ* назначенъ Губернаторомъ Гессенскимъ. Онъ издалъ уже прокламацію, изъ которой видно, что въ семъ Курфиршествѣ дѣла будутъ отправляемы именемъ Наполеона Бонапарте; что всякой житель, у котораго найдено будетъ оружіе, подвергается смертной казни и проч. — Саксонской Курфирствъ приступилъ къ Рейнскому Союзу. — Голландскія войска заняли Герцогство Олденбургское и всю Вестфалію отъ имени Лудовика Бонапарте.

Извѣстія, полученныя (13 Декабря) съ иносстранными Вѣдомостями уже по написаніи сей послѣдней статьи, сообщены будутъ въ слѣдующемъ Нумерѣ.

Въ 23 Нумерѣ Вѣстника Европы на стран. 175 въ строкѣ 12 ошибкою напечатано: 1113 (1); надлежитъ читать: 1113.

КОНЕЦЪ ХХХ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е
Т Р И Д Ц А Т О Й Ч А С Т И.

Н О Я Б Р Ъ, №. 21.

	Страны
I. Папкуль предъ судомъ лопомисльа.	3
II. Волросы.	25
III. Ода на войну.	29
IV. Истинная Философія.	32
V. Смѣсь.	42
VI. Россійскій Театръ.	46
VII. Изслѣдованіе важной задачи: Въ послѣднія времена болѣе ли успѣли въ военномъ искусствѣ Французы, нежели Нѣмцы?	49
VIII. Изображеніе новой Политики.	66
IX. Извѣстія и замѣтанія.	73

Н О Я Б Р Ъ, №. 22.

I. О супружествѣ.	81
II. Первое путешествіе Россіянь около Свѣта.	87
III. Отрывокъ изъ Введенія, типаннаго въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, при началѣ преподаванія Теоріи Риторики.	96

	Стран.
IV. Анекдоты.	130
V. Россійскій Театръ.	134
VI. Смѣсь.	136
VII. Изслѣдованіе важной задачи: Въ послѣднія времена болѣе ли успѣли въ военномъ искусствѣ Французы, нежели Нѣмцы?	142
VIII. О размѣнѣ областей.	153
IX. Нѣчто о Княжествѣ Венеція.	155
X. Письмо отъ Людовика Бонапарте къ Ихъ Высочайшіймъ.	156
XI. Извѣстія.	158

ДЕКАБРЬ, No. 23.

I. Историческія извѣстія о Евреяхъ.	161
II. Къ Русскимъ.	181
III. Бейрейсъ.	183
IV. Идиллія.	191
V. Благодарность друзьямъ страждущаго теловѣстна.	193
VI. Смѣсь.	195
VII. Къ Читателямъ.	199
VIII. Россійскій Театръ.	200
IX. Манифестъ Его Величества, Короля Прусскаго, о войнѣ противъ Франціи.	204
X. Извѣстія и замѣчанія.	236

ДЕКАБРЬ, Но. 24.

	Стран.
I. О предпріятіи соединить Англинскихъ Нонжуроровъ съ Православною Греческою Церковію. -	241
II. О законѣ Евреевъ. -	249
III. Объ Актерахъ и объ искусствѣ театральнаго предспавленія. -	259
IV. Пѣснь Барда надъ гробомъ Славынъ - побѣдителей. -	266
V. Къ Согражданамиъ. -	280
VI. Серенада. -	282
VII. Постриги. -	284
VIII. Новая книга. -	286
IX. Смѣсь. -	292
X. Генералъ Маккъ. -	296
XI. Донесеніе Іонійскому Сенату отъ Камеры иносѣранныхъ дѣлъ. -	301
XII. Статистическія извѣстія о Буэносъ-Айресѣ. -	305
XIII. Объявленіе отъ Его Величества Короля Прусскаго противъ мятежниковъ. -	308
XIV. Извѣстія и замѣтанія. -	309
